ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ 255
У 998

ВВ255
У998

Г. УЭЛЛСЪ

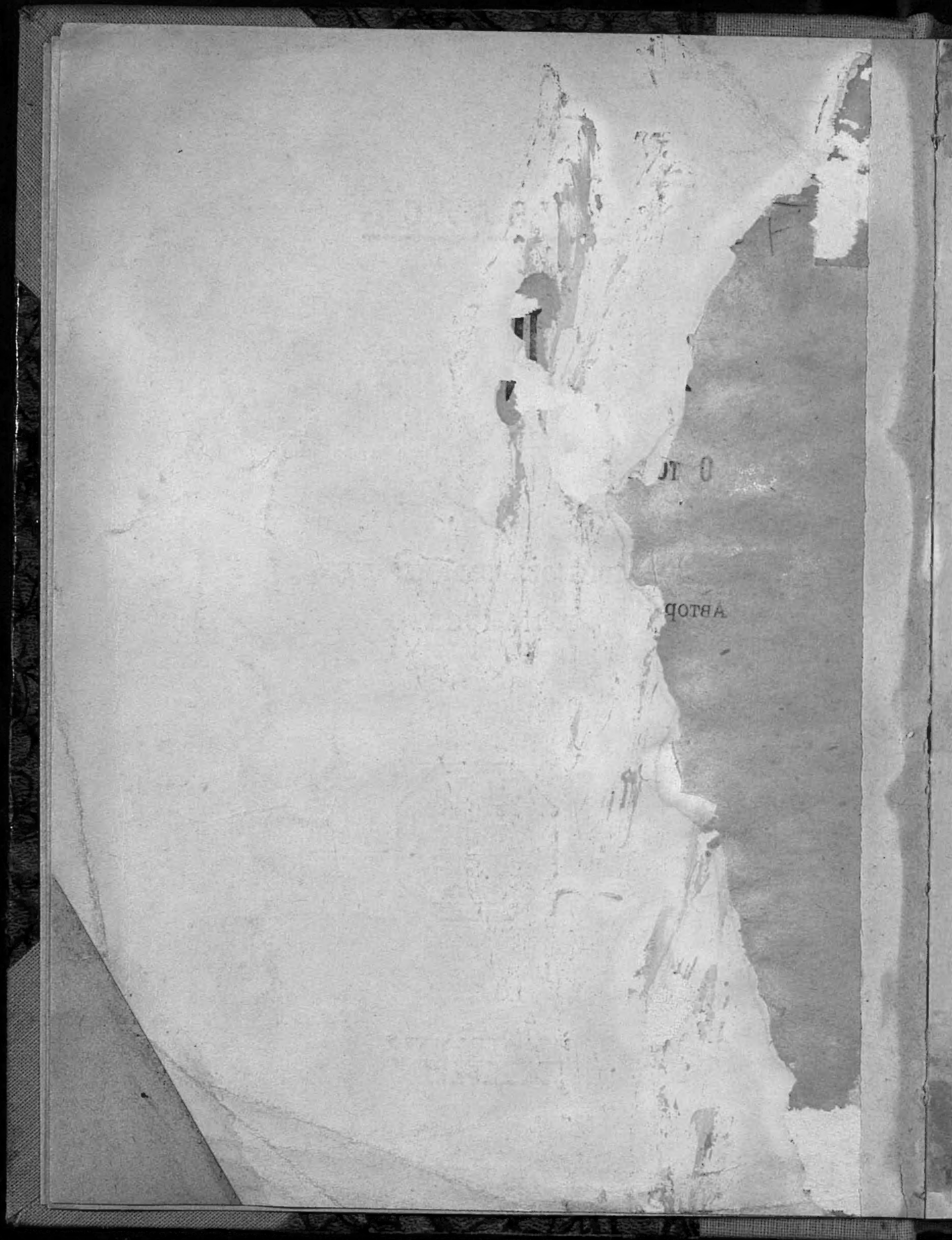
ГРЯДУЩЕЕ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ

В. МАЙСКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"

BB255
998

Г. Дж. Уэллсъ

ГРЯДУЩЕЕ

...омъ, ... будетъ послѣ войны.

...изованный переводъ Н. Ермоловой

подъ редакціей В. МАЙСКАГО.

Издательство „КНИГА“
...ЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., д. 11, тел. 648-62.
Отдѣле... въ Москвѣ: Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, тел. 5-60-22.

2 экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

17
1986

ВВ255 р
У998

Дозволено Военной Цензурой. Петроградъ, 2 января

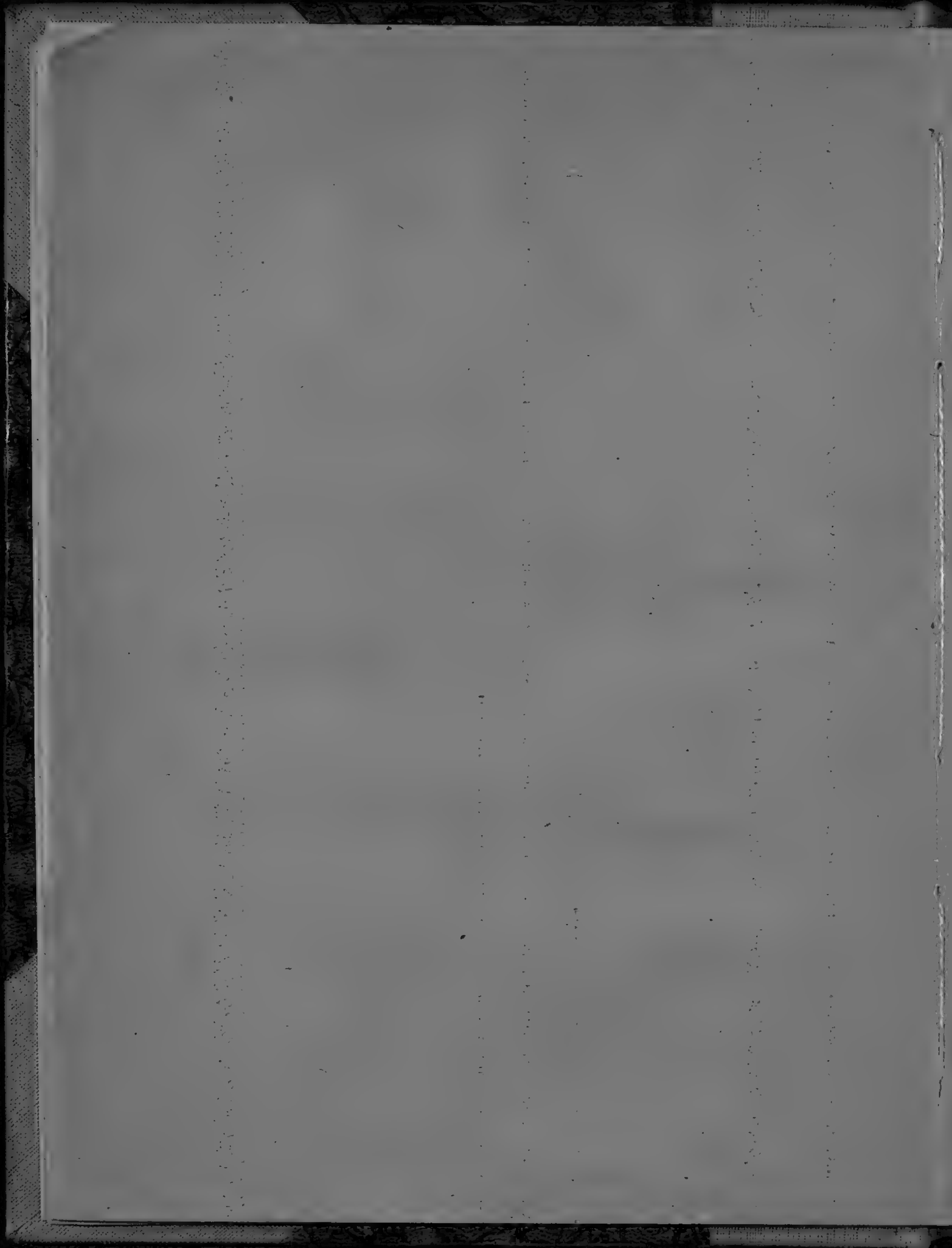
161
181883

Типографія П. Ө. Вощинской. Ярославская, 1—9.

ГРЯДУЩЕЕ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемая вниманію читателя книга представляетъ собой переводъ большей части вышедшаго въ серединѣ 1916 г. сборника статей Г. Уэллса, писанныхъ имъ во время и по поводу войны. Изъ 12 главъ, содержащихся въ оригиналѣ, мы привели здѣсь 6 болѣе интересныхъ для русскаго читателя. Остальными пришлось пожертвовать въ виду недостатка мѣста. Авторъ книги хорошо извѣстенъ нашей публикѣ и ни въ какихъ представленіяхъ и рекомендаціяхъ не нуждается. Онъ принадлежитъ несомнѣнно къ числу умнѣйшихъ людей современной Англіи, и его мнѣнія—смѣлыя и оригинальныя, хотя иногда и нѣсколько парадоксальныя,—всегда выслушиваются его соплеменниками съ большимъ вниманіемъ, служа подчасъ исходнымъ пунктомъ для серьезныхъ и плодотворныхъ дискуссій. Тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ взглядами Уэллса на переживаемыя нами событія. Согласны мы съ ними или несогласны,—эти взгляды все-таки представляютъ собой крупную цѣнность; они формулируютъ выводы, къ которымъ приходитъ талантливый и надѣленный извѣстнымъ даромъ пророческаго воображенія наблюдатель разыгрывающейся на нашихъ глазахъ великой исторической драмы; вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ сильный толчокъ нашей собственной мыслительной работѣ.

I.

Предвидѣніе будущаго.

Пророчество можетъ быть или интеллектуальнымъ развлеченіемъ или серьезнымъ занятіемъ, серьезнымъ не только по своимъ намѣреніямъ, но и по послѣдствіямъ. Вотъ почему столько пророковъ боится быть побитыми камнями. Для многихъ же изъ насъ, людей современной эпохи, вкусившихъ отъ древа знанія, пророчество почти стало дѣломъ умственной привычки.

Наука по существу является анализомъ, стремящимся дать людямъ возможность предвидѣть будущее. Лучшимъ испытаніемъ для всякаго научнаго закона есть осуществленіе его предсказаній. Наука убѣждаетъ насъ, что явленіе, которое должно произойти, существуетъ въ дѣйствительности и мы только не умѣемъ видѣть этого. Когда что-нибудь поражаетъ насъ своей неожиданностью, мы, люди науки, не должны восклицать вмѣстѣ съ толпой: „Кто подумалъ бы это?“ А наоборотъ: „Какъ мы могли это просмотрѣть?“

Все, что было раньше или будетъ позднѣе, существуетъ и сейчасъ для тѣхъ, кто умѣетъ видѣть. Есть вещи, которыя требуютъ сверхъ-естественнаго проникновенія, чтобы стать видимыми. Нѣкоторыя же очевидны для всякаго. Такъ, напримѣръ, мы увѣрены въ наступленіи слѣдующаго Рождества, въ смѣнѣ временъ года въ 1960 г., въ смерти до 3000-наго года каждаго изъ нынѣ живущихъ, человѣческихъ существъ, увѣрены настолько, какъ будто бы все это уже случилось. Съ меньшей, но

все таки достаточной увѣренностью мы можемъ утверждать, что въ 1950 году люди будутъ строить болѣе совершенные аэропланы, или что черезъ 50 лѣтъ будетъ проведена желѣзная дорога между Константинополемъ и Бомбеемъ или между Бомбеемъ и Баку. Спускаясь по этой скалѣ предвидѣнія, мы можемъ дойти до самой большой тайны мірозданія—индивидуума. Подаритъ ли Англія міру военнаго генія? Что скажетъ завтра г. Беллокъ? *). Наиболѣе удобное поле для предвидѣнія — небо, наименѣе—человѣческая душа. Какъ будетъ развиваться то или иное явленіе? Какъ приметъ его нація? Для рѣшенія такихъ вопросовъ необходима самая утонченная проницательность. И все-таки и на эти вопросы человѣкъ остраго и наблюдательнаго ума можетъ рискнуть отвѣтомъ.

Авторъ этихъ строкъ—пророкъ по призванію и привычкѣ. Завтра представляетъ для него больше интереса, чѣмъ сегодня, а прошлое для него — лишь матеріалъ для предвидѣнія будущаго. „Подумай о тѣхъ людяхъ, которые ходили здѣсь!“ воскликнулъ одинъ туристъ въ Римскомъ колизеѣ. Футуристъ отвѣтилъ бы ему: „Подумай о тѣхъ, кто будетъ ходить!“ Развѣ не интересно, въ самомъ дѣлѣ, представлять себѣ, какъ какой-нибудь грядущій основатель міровой республики или какой-либо грядущій ученый, которому выпадетъ на долю впервые примѣнить атомистическую энергію на благо человѣчества, будутъ бродить по Via sacra, гдѣ когда-то бродили Цицеронъ, Джіордано Бруно или Шелли. Для ума, склоннаго къ прорицанію, исторія есть и всегда останется лишь прелюдіей; онъ упорно будетъ отказываться видѣть въ мірѣ

*) Г. Беллокъ—популярный нынѣ писатель по военнымъ вопросамъ. *Прим. перев.*

музей, для него міръ—это подмостки, на которыхъ разыгрывается вѣчно снова начинающаяся драма.

Склонность къ предсказаніямъ побудила автора настоящей книги не только опубликовать въ свое время работу, озаглавленную „Предчувствія“, но заставила его также почти безсознательно разсѣять болѣе или менѣе удачныя предсказанія въ цѣломъ рядѣ другихъ произведеній. Двадцать лѣтъ литературной дѣятельности — достаточный срокъ, чтобы провѣрить, насколько сбылись его пророчества. Многія изъ нихъ оказались очень недалекими отъ истины, другія еще не оправдались, третьи оказались ошибочными. Многое изъ того, о чемъ я писалъ, какъ о предполагаемомъ, стало нынѣ обычнымъ явленіемъ. Въ 1894 году было не мало скептиковъ, выражавшихъ сомнѣнія въ возможности постройки автомобилей или аэроплановъ; въ 1898 г. Ланглэ прислалъ мнѣ первую фотографію летающаго аппарата. Но и въ тѣ дни въ журналахъ появились статьи, доказывавшія невозможность воздушныхъ полетовъ.

Однимъ изъ моихъ удачнѣйшихъ предсказаній въ „Предчувствіяхъ“, появившихся въ 1900 г., было предсказаніе траншейной войны и военной „мертвой точки“, положенія, почти тождественнаго съ положеніемъ, создавшимся послѣ битвы на Марнѣ. Въ той же самой работѣ авторъ правильно оцѣнивалъ грядущее значеніе сумбаринъ. Онъ предупредилъ на годъ Сэра Перси Скотта въ его сомнѣніяхъ относительно цѣнности большихъ военныхъ судовъ. Онъ былъ правъ, когда отрицалъ упадокъ Франціи или сомнѣвался еще до Русско-Японской войны въ военной мощи Россіи, бывшей въ тѣ дни пугаломъ для Англіи. Онъ давно предсказывалъ, что Бельгія станетъ мѣстомъ кровавой распри между средне-европейскими державами и

всей остальной Европой, такъ же, какъ высказывалъ увѣренность въ возрожденіи Польши (я надѣюсь, что это сбудется). Еще задолго до того, какъ Европа познакомилась съ обворожительной личностью германскаго кронпринца, авторъ этой книги описалъ большіе воздушные корабли, носящіеся надъ Англіей (эта страна была слишкомъ инертна, чтобы самой построить таковые) подъ командой почти пророческой фигуры принца Карла, и, наконецъ, въ „Мірѣ, который становится свободнымъ", авторъ изобразилъ въ качествѣ послѣдняго нарушителя мира нѣкую—„Балканскую лисицу".

Тѣмъ не менѣе, когда авторъ въ своихъ предсказаніяхъ съ увѣренностью утверждалъ, что „то или другое случится черезъ годъ", или „то или другое немыслимо раньше, чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ", онъ нерѣдко ошибался. Большинство изъ его указаній относительно сроковъ оказались слишкомъ близкими. Такъ, напримѣръ, онъ предсказывалъ, что не позднѣе 1910 г. между Лондономъ и Брайтаномъ будетъ существовать автомобильное сообщеніе, котораго еще нѣтъ и понынѣ. Точно также онъ не вѣрилъ въ возможность воздушной войны раньше 1950 г. Но лучше опустить занавѣсъ скромности надъ ошибками, заключающимися въ его книгахъ. Пусть охотникъ искать промахи найдетъ ихъ самъ.

Всѣ указанныя пророчества сдѣланы авторомъ на основаніи очень обобщенныхъ данныхъ. Чего можно достигнуть при достаточно глубокомъ изученіи вопроса, особенно, если этотъ вопросъ касается главнымъ образомъ механическихъ явленій—показываетъ работа одного француза Клемана Адера, работа, которой въ свое время не было удѣлено достаточно вниманія. Адеръ, быть можетъ, былъ первымъ человѣкомъ, заставившимъ

машину подняться вверхъ выше обычнаго скачка. Въ 1890 г. его Эолъ, какъ утверждаетъ генералъ Менсье, поднялся на 50 метровъ. Въ 1897 г. его Авіонъ леталъ (это было за годъ до первой полученной мной фотографіи Ланглэ). Но все это не относится къ дѣлу. Здѣсь лишь интересно отмѣтить, что, когда полеты все еще считались невозможными, Адеръ опубликовалъ свою „Военную авіацію“. Съ тѣхъ поръ прошло 8 лѣтъ. Вотъ уже два года, какъ люди сражаются въ воздухѣ, и все еще въ авіаціи ничего не сдѣлано такого, чего бы Адеръ не предвидѣлъ и къ чему бы мы не были подготовлены, если бы слѣдовали его мудрымъ совѣтамъ. И даже больше, много изъ того, что онъ предвидѣлъ, до сихъ поръ осталось еще не выполненнымъ. Такъ ясно можетъ видѣть впередъ человѣкъ, вооруженный необходимыми знаніями и обладающій правильнымъ сужденіемъ въ вещахъ матеріальнаго порядка.

Въ данной книгѣ авторъ не собирается касаться области чисто механической изобрѣтательности. Его занимаетъ сейчасъ другое. Онъ намѣренъ попытать счастья въ предсказаніи того направленія, которое должны принять событія въ ближайшія десятилѣтія. Механическія новинки будутъ играть здѣсь очень скромную роль. Міровая война означаетъ всеобщую пріостановку изобрѣтательности и предпріимчивости, не связанныхъ съ войною. Всѣ способности сосредоточились на послѣдней, а тѣ, которые не имѣютъ отношенія къ ней—заброшены; нѣтъ ни капиталовъ, ни сбереженій, нужныхъ на новые опыты. Кромѣ того, сколько погибло нашихъ лучшихъ, богатыхъ надеждами юношей!

Мы можемъ смѣло утверждать, что новыхъ декорацій на міровыхъ подмосткахъ въ наступаю-

щій періодъ будетъ очень немного; если и будетъ разница въ путяхъ сообщенія, желѣзныхъ дорогахъ и пароходствѣ, то едва ли къ лучшему; хорошо, если архитектура, домашній комфортъ и т. д. въ 1924 г. будутъ стоять на томъ же уровнѣ, на которомъ они стояли весною 1914 г. Въ траншеяхъ Франціи и Фландріи, на поляхъ сраженій въ Россіи германцы уничтожаютъ и заставляютъ міръ уничтожать весь комфортъ, всю роскошь, весь прогрессъ ближайшей четверти столѣтія. Это внѣ спора. Въ 1900 году авторъ могъ писать о „Предчувствіяхъ реакціи механическаго прогресса на человѣческую жизнь и мысль", въ 1916 году его предчувствія должны касаться совершенно другой сферы. Матеріальные факты, стоящіе передъ нами, говорятъ сами за себя. Въ данномъ же случаѣ нашему изслѣдованію подлежатъ факты не матеріальные, а психологическіе. Передъ нами стоитъ вопросъ не о томъ „какой предметъ, какая способность, какая новая сила станетъ нашимъ достояніемъ и какое вліяніе окажутъ они на нашу жизнь". А другой вопросъ: „какъ отнесется народъ къ такимъ явленіямъ, какъ безполезная трата міровыхъ силъ и средствъ, какъ пріостановка матеріальнаго прогресса, уничтоженіе половины мужского населенія почти во всѣхъ странахъ Европы, всеобщія потери и несчастья. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями болѣе интимными и менѣе доступными для изслѣдованія, чѣмъ механическіе процессы. Предварительное знакомство съ областью интересующихъ насъ проблемъ естественно приводитъ къ разсмотрѣнію одного особаго вопроса, стоящаго въ центрѣ всѣхъ моихъ предсказаній. Въ данный моментъ мы не можемъ дать на него исчерпывающаго отвѣта, ибо пока слишкомъ многіе факты остаются еще не-

извѣстными; можетъ быть впослѣдствіи мы будемъ находиться въ данномъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Это—вопросъ о вѣроятности наступленія длительнаго мира.

Въ началѣ войны въ извѣстныхъ кругахъ была широко распространена мысль, что нынѣшняя война можетъ разрѣшить большинство важнѣйшихъ международныхъ проблемъ и такимъ образомъ оказаться послѣдней войной человѣчества. Авторъ, окидывая взглядомъ періодъ, отдѣляющій насъ отъ 1914 г., вспоминаетъ два памфлета, заглавія которыхъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о подобныхъ настроеніяхъ: „Война, которая будетъ концомъ войны“ и „Всеобщій миръ“. Оказалась ли надежда, высказанная въ этихъ фразахъ мечтой? Доказано ли уже, что она только мечта или же, читая между строкъ военныхъ новостей, дипломатическихъ споровъ, угрозъ и обвиненій, разсказовъ о жестокостяхъ и звѣрствахъ, которыми сейчасъ полны всѣ европейскія газеты, мы можемъ найти что-нибудь, подтверждающее мысль, что эти горькіе годы міровой скорби лишь ночной мракъ, предшествующій разсвѣту лучшихъ дней?

. . . .

Всматриваясь ближе, мы увидимъ, что имѣемъ дѣло съ очень тонкой и сложной психологической проблемой, съ постоянной борьбой различныхъ, взаимно соперничающихъ силъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ явленіями настолько чувствительными, что любой драматическій толчокъ дѣйствительности можетъ направить ихъ въ ту или другую сторону. Рѣчь идетъ о человѣческой волѣ, и отсюда вытекаетъ опасность западни для пророка, желающаго остаться безпристрастнымъ. Предсказывать будущее значитъ до извѣстной степени видоизмѣнять

его, а при этомъ пророку трудно не впасть въ поученіе и не уподобиться пророкамъ Израиля.

Первая трудность въ установленіи всеобщаго мира заключается въ томъ, что этотъ миръ является „ничьимъ“ дѣломъ. Нѣтъ ни лица, ни лицъ, которыя могли бы взять на себя иниціативу.

Во всемъ мірѣ нѣтъ никого, кто былъ бы отвѣтственъ за разрѣшеніе всѣхъ трудностей, связанныхъ съ разрѣшеніемъ этой проблемы. На свѣтѣ гораздо больше людей, занятыхъ производствомъ папиросъ или головныхъ шпилекъ, чѣмъ заботами объ установленіи постояннаго мира. Американскіе филантропы содержатъ нѣсколько спеціальныхъ секретарей для данной цѣли, и это все. Нѣтъ даже особаго фонда для уплаты жалованія подобнымъ секретарямъ на тотъ случай, если въ одинъ прекрасный день дѣйствительно воцарится всеобщій миръ.

. . . .

А между тѣмъ, если допустить возможность длительнаго мира, то необходимы постоянныя учрежденія для разрѣшенія споровъ между государствами и націями, которыя въ противномъ случаѣ разрѣшали бы эти споры войной. Должна существовать нѣкоторая высшая инстанція, высшій судъ, пользующійся общимъ признаніемъ, нѣчто въ родѣ экзекутива, стоящаго выше отдѣльныхъ современныхъ правительствъ. Это не значитъ, конечно, что правительства должны исчезнуть, національности стереться и т. п. Это значитъ только, что всѣ отдѣльныя правительства должны уступить существующей высшей инстанціи извѣстную часть своего суверенитета, какъ это дѣлаетъ каждый отдѣльный штатъ С.—А. Республики по отношенію къ федеральному правительству. Если объединеніе должно носить характеръ не только простой формальности, правительства обязаны бу-

дутъ допустить контроль надъ своими „внутригосударственными“ отношеніями въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ они сейчасъ не имѣютъ яснаго представленія.

Совершенно безплодно мечтать о мирѣ безъ войны, въ которомъ государства, не имѣя посредниковъ для улаживанія пограничныхъ распрь, останутся абсолютно свободными докучать другъ другу тарифами, блокадой, стѣсненіемъ торговыхъ путей, дурнымъ обращеніемъ съ иммигрантами и путешествующими иностранцами. Помимо этого, организація Соединенныхъ Штатовъ Міра сравнительно съ организаціей Соединенныхъ Штатовъ Америки представляетъ еще одно большое затрудненіе: почти всѣ великія державы Европы владѣютъ, во первыхъ, высоко развитыми территоріями, населенными народами иныхъ расъ и языковъ, какъ, напримѣръ, Египетъ, и, во вторыхъ, они владѣютъ также варварскими и менѣе развитыми территоріями, какъ Нигерія или Мадагаскаръ. Міровое соглашеніе, не сможетъ быть устойчивымъ, если въ этихъ „владѣніяхъ“ не будетъ уничтожено національное неравенство между подчиненными и господствующими народами. Едва-ли приходится сомнѣваться, что тысячи просвѣщенныхъ европейцевъ, заявляющихъ себя горячими сторонниками всеобщаго мира, отнесутся съ большимъ недовѣріемъ къ предложенію отдать какую-либо часть „нашей имперіи“ подъ управленіе „Міровой Администраціи“ по образцу Соединенныхъ Штатовъ. Но до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ это недовѣріе, стремленіе къ постоянному миру будетъ оторвано отъ жизни, и рано или поздно государства снова придутъ къ войнѣ. Въ конечномъ счетѣ эти „владѣнія“, подобно вопросу о тарифахъ, стратегическихъ оккупаціяхъ

181983

нейтральныхъ странъ или секретныхъ договоровъ, будутъ создавать конфликты между отдѣльными націями и изъ-за взаимнаго преобладанія.

Сохранять такія отношенія и въ то же время отрицать войну—не значитъ уничтожать самые конфликты, а лишь пытаться задержать ихъ, ослабить ихъ интенсивность; это все равно, какъ, если бы вы стали играть въ хокэй при условіи, что мячъ никогда не будетъ летѣть быстрѣе восьми миль въ часъ.

На нашемъ пути къ вѣчному миру стоитъ, однако, не только неподготовленность широкихъ массъ населенія къ самому воспріятію этой мысли, но— и въ этомъ заключается вторая трудность,—во всемъ мірѣ не найдется ни одного человѣка, ни одной организаціи, ни даже ея зародыша, изъ котораго могло бы развиться необходимое сверхъправительство. Мы хотимъ, чтобы изъ воздуха, изъ пустого мѣста создалось нѣчто, нарожденіе чего должно встрѣтить самую ожесточенную оппозицію со стороны нынѣшнихъ господъ жизни. Смутное и неопредѣленное стремленіе, какъ бы оно ни было универсально, не въ силахъ преодолѣть этого препятствія. Конечно, возможно допустить, что гаагскій трибуналъ есть зародышъ такого высшаго Управленія или Верховнаго Суда, какихъ требуетъ институтъ всеобщаго мира. На самомъ дѣлѣ, однако, гаагскій трибуналъ является не болѣе, какъ юридическимъ автоматомъ. Не приведенный въ дѣйствіе, онъ не способенъ работать, у него нѣтъ иниціативы. Онъ даже не протестуетъ противъ наиболѣе очевидныхъ нарушеній призрака міровой совѣсти—международнаго права.

Пацифисты въ своихъ поискахъ центра, около котораго могло бы выкристаллизоваться всеобщее желаніе мира, обращали свои взоры къ папѣ и

различнымъ религіознымъ организаціямъ. Однако, не говоря уже о томъ, что подобная попытка не могла бы быть авторитетной для нехристіанскаго большинства человѣчества, данная надежда обнаруживаетъ полное непониманіе природы христіанскихъ церквей. За исключеніемъ квакеровъ и немногихъ русскихъ сектъ, ни одно христіанское вѣроученіе, ни одна церковь никогда не отвергали войны, большинство же изъ нихъ не только принимаютъ ее, но и благословляютъ...

Поэтому нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній ожидать отъ церкви руководящей роли въ реализаціи столь широко распространеннаго желанія мира. И если бы даже прошлое церкви давало нѣкоторое оправданіе для подобнаго рода надеждъ, все таки сомнительно, чтобы въ служителяхъ и прелатахъ Ватикана, въ Русской или Британской оффиціальныхъ Церквахъ или въ одной изъ многочисленныхъ христіанскихъ сектъ нашлись достаточныя силы и энергія, знанія и опытность или даже добрая воля, необходимыя для разрѣшенія столь трудной и обширной задачи, какъ созданіе международнаго правительства.

Можно допустить и другой выходъ. Казалось бы естественнымъ, что президентъ швейцарской конфедераціи или президентъ Соединенныхъ Штатовъ, главы двухъ политическихъ системъ, такъ ярко олицетворяющихъ возможность мирнаго сожительства независимыхъ государствъ,—возьмутъ на себя инициативу организаціи такихъ же Штатовъ въ міровомъ масштабѣ. Въ дѣйствительности, однако, положеніе не такъ просто. Если вы внимательнѣе вглядитесь въ положеніе этихъ двухъ лицъ, то увидите, что ни одно изъ нихъ не можетъ взять на себя созданіе надъ-государственнаго механизма для предупрежденія войны. Президентъ

*

есть результатъ системы и онъ связанъ ею; его сочувствіе на сторонѣ интересовъ его народа. Президентъ Вильсонъ совершенно достаточно занятъ дѣлами Бѣлаго Дома, несогласіями политическихъ партій, осложненіями въ области Американской внѣшней торговли и безопасностью американскихъ гражданъ. Въ его распоряженіи не больше времени для проектовъ перестройки интернаціональныхъ отношеній, чѣмъ у любого англійскаго рекрута, проходящаго свой курсъ обученія, капитана на морскомъ пароходѣ или машиниста, управляющаго паровозомъ. Всѣ мы поглощены повседневными дѣлами, мы всѣ жаждемъ вѣчнаго мира, но мы всѣ по горло заняты текущей работой, которая не оставляетъ намъ времени позаботиться объ этомъ мирѣ. Въ результатѣ небольшое меньшинство, извлекающее выгоды изъ международной вражды,—милитаристы, честолюбивые короли и государственные дѣятели, военные поставщики, финансисты, биржевики, сенсаціонные журналисты—всѣ они ретиво блюдутъ свои интересы, начинаютъ и поддерживаютъ войну.

Въ этомъ заключается парадоксальность положенія. Почти всѣ хотятъ постояннаго мира, но на всей землѣ нѣтъ человѣка, который взялъ бы на себя заботу о немъ. И въ то же время извѣстное количество людей, располагающихъ большими вліяніемъ и силой, упорно противодѣйствуютъ и будутъ противодѣйствовать всему, что способствуетъ установленію согласія между народами. Должны ли мы отсюда заключить, что человѣчество осуждено на постоянную безплодную борьбу между государствами и націями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы, вѣроятно, утвердительный, если бы не существовало прогресса военной техники. Веденіе войны систематически становится все бо-

лѣе научнымъ, все болѣе разрушительнымъ, все болѣе холодно логичнымъ, все болѣе нестерпимымъ для мирнаго населенія. И есть всѣ данныя предполагать, что въ дальнѣйшемъ эти характерныя черты будутъ систематически развиваться и заостряться. Въ такомъ случаѣ, война несомнѣнно должна привести человѣчество къ сознанію необходимости постояннаго мира.

Я рѣшаюсь утверждать, что настоящая война уже приводитъ къ этому: перемѣны, происходящія въ людскихъ умахъ, создадутъ два необходимыхъ фактора, изъ которыхъ сможетъ родиться Міровая Администрація.

Первой отличительной чертой переживаемаго нами конфликта является совершенно безпримѣрное разрушеніе человѣческаго благополучія. Ни одна война не разливала вокругъ себя столько несчастія. Не только убивается во всѣхъ воюющихъ странахъ несмѣтное количество мужчинъ, но также въ небывалыхъ размѣрахъ расточаются накопленныя богатства. Эта война уничтожила свободу передвиженія, экономическую предпріимчивость. Она затронула всѣхъ и никого не сдѣлала счастливѣе. Есть предѣлъ принципу: „общее дѣло—ничье дѣло“. Въ итогѣ, установленіе Міроваго Государства, раньше интересовавшее лишь немногихъ чудаковъ и мечтателей, теперь стало живымъ интересомъ громаднаго числа людей.

Созданіе мирной организаціи пойдетъ, повидимому, тѣмъ же путемъ, которымъ шла общественная гигіена. До появленія холеры въ Англіи вопросъ о канализаціи былъ у всѣхъ на устахъ. Каждый находилъ, что общественное здоровье крайне желательная вещь, но никто не думалъ о принятіи практическихъ мѣръ для его обезпеченія.

Когда же эпидемія разразилась, интересъ къ народному здравію быстро перешелъ изъ сферы теоретическихъ разсужденій въ область конкретнаго дѣла, и тогда были созданы нужныя для этого организаціи. Точно также, пока уголовныя преступленія въ большихъ европейскихъ городахъ не достигли размѣровъ, напугавшихъ полицію, на нихъ никто не обращалъ серьезнаго вниманія. Въ жизни, однако, бываютъ моменты, когда личность не можетъ сосредоточиться только на самой себѣ, какъ, напримѣръ, когда человѣкъ видитъ сосѣдній домъ въ пламени. Громадное большинство людей, жившихъ исключительно лишь личными интересами, теперь начинаетъ сознавать, что сосѣдніе дома охвачены пламенемъ, и что огонь съ силой распространяется все дальше.

Оживленіе всеобщаго интереса къ перспективамъ мира—таковъ одинъ результатъ настоящей войны. Второй же результатъ ея—это увеличеніе числа самоотверженныхъ и фанатически-настроенныхъ людей, способныхъ на безкорыстныя жертвы. Какъ бы ни сложились условія ближайшаго будущаго, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно,—передъ нами лежитъ періодъ чрезвычайнаго политическаго и экономическаго разстройства. Въ прошломъ въ такія эпохи неувѣренности, всеобщаго оскудѣнія и хаоса, значительное число людей всегда бѣжало отъ оковъ всего привычнаго и узко-эгоистическаго. Люди высокой религіозности, преданности и самоотверженія станутъ теперь, вѣроятно, болѣе частымъ явленіемъ, и мы смѣло можемъ сказать, что въ будущемъ окажется гораздо больше мужчинъ и женщинъ, способныхъ жертвовать своей жизнью съ почти религіознымъ энтузіазмомъ во имя великаго дѣла установленія мира, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Въ подобномъ самопожертвованіи они будутъ искать утѣшенія въ разочарованіяхъ, лишеніяхъ, потеряхъ и страданіяхъ своей личной жизни, утѣшенія, въ которомъ мы гораздо менѣе нуждаемся въ періоды болѣе спокойные, увѣренные и счастливые. И наряду съ психологическими измѣненіями, вызванными войной, весьма вѣроятны также большія перемѣны въ характерѣ такихъ институтовъ, какъ—національность, королевская власть, дипломатія, междугосударственное соперничество, институтовъ, стоявшихъ до сихъ поръ на пути къ всеобщему миру. Факты, указывающіе на эту третью перемѣну, достаточно краснорѣчивы.

Мнѣ кажется, что реальная возможность осуществленія Верховнаго Суда и Міровогo Федеральнаго Правительства лежитъ какъ разъ въ томъ „нерѣшительномъ" мирѣ, котораго многіе такъ опасаются сейчасъ. Я думаю, что Германія будетъ побѣждена, но не стерта съ лица земли; она останется милитаристической державой, объединенной съ Австро-Венгріей и мало измѣнившейся по существу. Изъ этого, мнѣ думается, въ конечномъ счетѣ вытекаетъ надежда на образованіе конфедераціи всѣхъ націй. Передъ лицомъ союза центральныхъ европейскихъ державъ, стремящихся къ реваншу, мечтающихъ о возобновленіи борьбы, англичанамъ, французамъ, бельгійцамъ, русскимъ, итальянцамъ или японцамъ станетъ невозможно сведеніе взаимныхъ счетомъ путемъ междоусобныхъ войнъ, ибо это означало бы предоставленіе германскому милитаризму случая къ его полному воскрешенію, означало бы открытіе дверей исключительной германской гегемоніи. Какъ бы ни была безпомощна и не ловка дипломатія союзниковъ, (связанная, по крайней мѣрѣ, въ трехъ изъ этихъ странъ придирчивымъ контролемъ демократіи и

стѣсняемая вліяніемъ свободной отъ всякихъ узъ, продажной и безотвѣтственной прессы) необходимость координаціи дѣйствій слишкомъ очевидна. Трудно себѣ представить, чтобы нынѣ союзныя государства не установили постояннаго органа для упорядоченія своихъ взаимныхъ отношеній. Можетъ быть, вначалѣ это будетъ и очень несовершенное учрежденіе, имѣющее больше характеръ дипломатической претензіи; можетъ быть, оно будетъ называться Конгрессомъ или еще какъ-нибудь въ этомъ родѣ, но по существу на его обязанности будетъ регулировать общую, фискальную, военную и морскую политику союзниковъ, охранять миръ на Балканахъ и въ Азіи, поставить на твердую ногу отношенія съ Китаемъ и создать институтъ третейскаго разбирательства на случай столкновенія европейскихъ державъ съ Америкой. Это новое учрежденіе должно дѣйствовать съ большей увѣренностью и быстротой, чѣмъ наша современная дипломатія. Одной изъ ея главныхъ заботъ будетъ—обезпеченіе права свободнаго прохода черезъ Босфоръ и Дарданеллы, а также предупрежденіе конфликтовъ на Балканахъ и въ Левантѣ. Оно должно обладать достаточнымъ внутреннимъ единствомъ для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей; оно должно представлять собой нѣчто большее, чѣмъ бездѣятельная, неавторитетная конференція представителей державъ.

По тѣмъ же причинамъ, мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы два великихъ центрально-европейскихъ государства когда-либо вступили въ борьбу между собою. Они также вынуждены будутъ создать какой-нибудь органъ для предупрежденія столь самоубійственной возможности. Вполнѣ допустимо также, что въ Америкѣ разовьется какой-нибудь панамериканскій эквива-

лентъ указаннымъ образованіямъ. Вполнѣ допустимо, что 100 милліоновъ жителей латинской Америки *) объединятся между собою и станутъ въ равныя отношенія съ Соединенными Штатами. Эта идея сейчасъ очень популярна въ Южной Америкѣ. Но какъ бы тамъ ни было, практическимъ результатомъ великой борьбы, поскольку пока можно судить, явится образованіе трехъ міровыхъ державъ—антигерманскій союзъ, центральная Европа и панъ-Америка. И надо замѣтить, что каково бы ни было внутреннее устройство этихъ трехъ концентрацій, ни одна изъ нихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не станетъ монархіей. Онѣ могутъ включить въ себя послѣднія, какъ Англія включаетъ въ себя герцогства, но въ цѣломъ это будутъ международные союзы, а не международные суверены. Я предоставляю математикамъ вычислить, насколько уменьшатся шансы войны, когда міръ фактически будетъ состоять изъ трехъ гигантскихъ политическихъ единицъ, вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ. И эти новыя единицы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будутъ существенно отличаться отъ современныхъ „европейскихъ государствъ“. Ни одна изъ нихъ не будетъ ни настолько мала, ни настолько однородна, чтобы служить династическимъ амбиціямъ, воплощать національную и расовую культуру или подпасть подъ иго какой-нибудь группы финансистовъ. Они будутъ болѣе трезвыми, менѣе романтическими, болѣе дѣловыми. Угроза войны между ними будетъ настолько ужасна, возможныя послѣдствія ея будутъ на-

---

*) Повидимому, въ изложеніе автора здѣсь вкралась случайная ошибка: дѣйствительное число жителей южной Америки не въ 100, а въ 35 мил.

Прим. перев.

столько превосходить сферу личныхъ самолюбій и національныхъ чувствъ, что я не вижу, почему бы постоянная конференція представителей державъ не могла бы оказаться зародышемъ того „Мірового государства", по которомъ сейчасъ такъ страждетъ человѣчество.

Этотъ второй путь образованія мірового государства, путь послѣ военныхъ конференцій, почти незамѣтно преобразующихся въ мирную организацію, охватывающую всѣ страны, имѣетъ за себя много преимуществъ. Онъ исходитъ изъ существующихъ учрежденій, онъ не разрываетъ слишкомъ круто съ прошлымъ, не сбрасываетъ однимъ ударомъ пьедестала принцовъ, дипломатовъ, государственныхъ людей, политиковъ, націоналистовъ; онъ даетъ имъ время для эволюціи или вымиранія, и потому онъ естественно долженъ привлекать къ себѣ симпатіи всякаго сознательнаго человѣка, какъ нѣчто болѣе реальное и осуществимое, чѣмъ немедленное построеніе заново огромнаго сверхъ-государственнаго коллектива.

Противъ указанной возможности есть много возраженій: противъ нея говоритъ слишкомъ большое различіе въ самой природѣ союзныхъ державъ, ихъ взаимное соперничество, ихъ эгоизмъ и близорукость, оставляющіе мало надежды на прочность ихъ согласія и сотрудничества. Британская пресса можетъ оказаться недостаточно разумной, чтобы не возбуждать раздраженія и подозрительности въ другихъ націяхъ, нашъ карсонизмъ можетъ развиться въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, спекулируя на воскрешеніи умирающей ненависти; англійскіе и русскіе дипломаты могутъ обманывать другъ друга по старой привычкѣ; все это возможно. И все таки я не вижу, почему бы Всеобщій Миръ долженъ былъ быть признанъ уто-

піей. Можетъ быть, это будетъ „Римскій миръ“ нѣмецкаго производства, и пока онъ получитъ осуществленіе, нужно много и много новыхъ войнъ. Германія все еще слишкомъ однородна, чтобы идти по пути компромиссовъ и отказаться отъ мечты національнаго завоеванія. Германцы—„національный“, а не „имперскій“ народъ. Францiя научилась быть имперскимъ народомъ путемъ страданія. Великобританія и Россія сознали эту необходимость въ силу того, что вотъ уже въ теченіе двухъ столѣтій онѣ представляютъ собою не національныя государства, а имперіи. Германская концепція всеобщаго мира сводится къ гегемоніи Германіи, концепція союзниковъ—къ взаимной терпимости.

Я не буду здѣсь развивать дальше эту идею. Какъ уже было сказано выше, настоящая глава является лишь предварительнымъ изслѣдованіемъ одного изъ великихъ вопросовъ, интересующихъ насъ сейчасъ. Перспективы, нарисованныя на предыдущихъ страницахъ, кажутся мнѣ наиболѣе вѣроятными,—это, однако, не исключаетъ возможности, при дальнѣйшемъ изученіи дѣйствующихъ въ настоящее время силъ и тенденцій, придти къ нѣсколько болѣе глубокимъ и опредѣленнымъ заключеніямъ.

II.

Конецъ войны.

Нынѣшняя война твердо установила репутацію одного пророка-Блоха; 15 или 16 лѣтъ тому назадъ этотъ даровитый полякъ предсказалъ будущее. Быть можетъ, даже раньше, такъ какъ французскій переводъ его книги существовалъ еще до Бурской войны. Блохъ утверждалъ,—что война между двумя приблизительно одинаково вооруженными противниками должна неизбѣжно кончиться тупикомъ, благодаря постоянно возростающей мощи защиты, стремящейся все глубже зарыться въ землю. Послѣднее условіе даетъ обороняющейся сторонѣ столь большой перевѣсъ надъ превосходствомъ силъ и стратегическимъ искусствомъ непріятеля, что дѣлаетъ успѣшное наступленіе его почти невозможнымъ. Блохъ приходилъ къ заключенію, что подобная война должна кончиться въ ничью.

Въ Германіи его книга подверглась очень серьезному изученію. Какъ вѣрный ученикъ Блоха, я долженъ былъ бы собственно помнить его предсказанія, но я не удѣлилъ имъ должнаго вниманія и потому впалъ въ серьезныя ошибки въ первый періодъ войны.

Я судилъ о Германіи по кайзеру и по тому преклоненію предъ нимъ, которое я видѣлъ въ Берлинѣ. Я считалъ императора театральной фигурой, мечтающей о массовыхъ аттакахъ и ли-

хихъ кавалерійскихъ набѣгахъ и думалъ, что онъ приведетъ Германію къ быстрому и рѣшительному пораженію на Западѣ. Оттого въ началѣ я предсказывалъ близкій конецъ войны. *) Я не достаточно оцѣнивалъ тогда другую, солидную и обстоятельную Германію, стоящую за Кайзеромъ и постепенно оттѣснившую его, Германію, съ которой мы сражаемся сейчасъ, Германію Оствальда-Крупа 1915 г. Эта Германія—мы должны признать откровенно—внимательно читала Блоха и серьезно думала надъ выдвинутыми имъ проблемами. Книга Блоха была переведена на французскій языкъ; выдержки изъ нея были переведены на англійскій языкъ и изданы для широкой публики съ предисловіемъ покойнаго В. Т. Стеда. Но книга Блоха не дошла ни до англійскихъ военныхъ властей, ни до политиковъ, ни до государственныхъ дѣятелей. Какъ отвлеченно-фантастическое произведеніе, она не удостоилась ихъ вниманія.

Между тѣмъ въ настоящій моментъ совершенно ясно, что, если бы бельгійская и французская границы были защищены такъ, какъ они должны были бы быть защищены, когда Германія начала строить свои линіи стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. траншеями съ пушками и пулеметами, съ второй и третьей линіями подземныхъ укрѣпленій, германцы никогда не продвинулись бы на 50 миль вглубь Франціи и Бельгіи. Имъ пришлось бы остановиться въ Льежѣ или въ Арденнахъ. Полумилліона солдатъ было бы достаточно, чтобы удержать ихъ тамъ. Но со-

---

*) Въ Августѣ—Сентябрѣ 1914-го года Г. Уэльсъ высказывалъ мнѣніе, что въ нѣсколько мѣсяцевъ союзники одержатъ на западѣ полную побѣду надъ Германіей.

Прим. перев.

юзники никогда не думали о траншейной войнѣ и не приготовились къ ней. Германцы знали объ этой неподготовленности и на нее надѣялись. Армію союзниковъ они не считали вполнѣ современной арміей и въ этомъ они были несомнѣнно правы. Германская армія типа 1914-го года сражалась съ союзническими арміями типа 1900 г., и вся первоначальная схема германскаго генеральнаго штаба была построена на убѣжденіи, что союзники не сумѣютъ во время окопаться.

Кто-то изъ старинныхъ, чуть-ли не средневѣковыхъ стратеговъ, являющихся, повидимому, главнымъ источникомъ премудрости для нашихъ военныхъ властей, сказалъ, что окопавшаяся армія есть побѣжденная армія. Это изреченіе повторялось и повторялось сотни разъ въ англійскихъ газетахъ послѣ битвы на Марнѣ. Данный фактъ ясно показываетъ, на какомъ уровнѣ стояла наша военная наука въ 1914 году,—она стояла на уровнѣ года, предшествовавшаго появленію книги Блоха. Результатомъ этого явилось отступленіе союзниковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль союзники отходили въ Бельгіи и на сѣверѣ Франціи и на протяженіи болѣе мѣсяца война была войной свободныхъ движеній, какъ будто бы Блохъ никогда не писалъ своей книги. Германцы сражались съ противникомъ, отставшимъ отъ нихъ на 15 лѣтъ, съ противникомъ, который считалъ возможнымъ фронтальныя аттаки, обходныя движенія и т. п. Сражались увѣренные въ своемъ численномъ превосходствѣ, въ своемъ заранѣе заготовленномъ сюрпризѣ, въ отсталости и устарѣлости своихъ враговъ. Въ типичной войнѣ „эпохи Викторіи“, которая закончилась въ половинѣ сентября 1914-го года, германцы нанесли свой ударъ, но они слишкомъ увлеклись, были успѣшно

контръ-аттакованы на Марнѣ и затѣмъ внезапно, съ британско-спортсменской точки зрѣнія почти неблагородно, перешли къ игрѣ на основаніи новѣйшихъ правилъ военнаго искусства. До битвы на Эннѣ война не носила современнаго характера. Съ этого момента начался второй актъ великой драмы.

Едва ли германцы предвидѣли, что придется такъ скоро перейти къ „современной войнѣ". Мнѣ кажется, они разсчитывали овладѣть Парижемъ и захватить Калэ до конца 1914-го года, окопаться тамъ, аттаковать Англію при помощи субмаринъ и цеппелиновъ, устроивъ въ Калэ свою базу, и кончить войну къ веснѣ 1915-го года, имѣя все время передъ собой союзниковъ, отставшихъ отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, на 15 лѣтъ. Я считаю, что битва на Марнѣ была наиболѣе рѣшительной битвой этой войны, она разстроила планы германцевъ, и конецъ 1914-го года имъ пришлось употребить на основательный пересмотръ своей первоначальной схемы передъ лицомъ непріятеля. дѣлающагося все болѣе и болѣе современнымъ. Въ декабрѣ Блохъ, какъ будто совершенно дискредитированный въ августѣ, снова прочно стоялъ на своемъ пьедесталѣ. У ногъ его лежалъ окопавшійся міръ. Въ маѣ 1915 г. военная наука Великобританіи уже настолько двинулась впередъ, что ей стало ясно преимущество сильно взрывчатыхъ снарядовъ передъ шрапнелью, а черезъ годъ она оцѣнила значеніе пулеметовъ, предвидѣнное писателями, одаренными воображеніемъ, еще 15 лѣтъ тому назадъ. Консервативный англійскій умъ медленно, но вѣрно прогрессировалъ.

Война со времени первой попытки германцевъ,— надо отдать имъ справедливость, прекрасно разработанной и задуманной съ военной точки зрѣнія—

одержать быструю и рѣшительную побѣду, почти всецѣло свелась къ неудачнымъ попыткамъ съ обѣихъ сторонъ преодолѣть положеніе, предсказанное Блохомъ. За весь этотъ періодъ былъ одинъ болѣе или менѣе значительный моментъ— успѣхъ германцевъ въ Польшѣ, обязанный своимъ происхожденіемъ недостатку аммуниціи въ Россіи. *) Въ теченіе нѣкотораго времени, пока русскіе отступали, а нѣмцы преслѣдовали ихъ, стараясь окружить, война на восточномъ фронтѣ обнаруживала извѣстную драматичность и подвижность. Это былъ рецидивъ до-Блоховскаго стиля. Но, въ концѣ концовъ, Блохъ снова восторжествовалъ: русскіе окопались, снабженіе ихъ арміи улучшилось, а германцамъ пришлось растянуть свои комуникаціонныя линіи.

Не менѣе правымъ оказался Блохъ и въ Англо-Французской попыткѣ пробиться черезъ Дарданеллы. Индійская армія двинулась черезъ полудикую страну къ Багдаду и нынѣ она также окопалась въ Мессопотаміи. Впрочемъ, съ точки зрѣнія „главной войны“, эта послѣдняя кампанія носитъ слишкомъ второстепенный характеръ, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное вліяніе на ходъ европейскихъ операцій. То же самое слѣдуетъ сказать и о войнѣ въ африканскихъ колоніяхъ Германіи. Остаются еще Балканы. Но война на Балканахъ представляетъ собой нѣчто совсѣмъ особенное, и мы разсмотримъ ее дальше отдѣльно. Это война предательствъ, азартной игры и хвастовства; она является не частью, а лишь слѣдствіемъ военнаго тупика 1915-го года.

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію со-

---

*) Настоящая глава была писана авторомъ въ декабрѣ 1915-го года.

бытій второго періода борьбы, необходимо составить себѣ нѣкоторое представленіе объ общихъ перспективахъ войны на истощеніе. Вполнѣ очевидно, что германцы надѣялись одержать рѣшительную побѣду прежде, чѣмъ они столкнутся съ Блохомъ. Но, даже имѣя его въ виду, они несомнѣнно разсчитывали, что, въ крайнемъ случаѣ, если уже дѣло дойдетъ до окоповъ, они смогутъ пустить въ ходъ такія новинки, которыя окажутся въ состояніи нейтрализовать Блоха и обезпечить имъ заключеніе побѣдоноснаго мира. Съ помощью безпримѣрно могущественной артиллеріи, сильно взрывчатыхъ снарядовъ, удушливыхъ газовъ, жидкаго пламени, хорошо организованной системой бросанія ручныхъ бомбъ и минъ, а больше всего съ помощью никогда неизсякающаго потока аммуниціи германцы могли не безъ основанія надѣяться прорваться сквозь вражескія линіи.

Поставленные лицомъ къ лицу съ этими военными усовершенствованіями союзники должны были почти буквально импровизировать свое сопротивленіе и, надо отдать имъ справедливость, въ общемъ они оказались на высотѣ предъявленныхъ къ нимъ требованій. Они подняли свою военную науку на высоту 1914-го года и въ настоящее время неравенство между противниками въ стратегіи и вооруженіи значительно уменьшилось. Однако, и здѣсь оказалось невозможнымъ избѣжать фатальнаго Блоха: если не наступитъ внезапный миръ, война можетъ окончиться только однимъ путемъ, путемъ глубокаго истощенія (быть можетъ, лишь въ разныхъ степеняхъ) всѣхъ воюющихъ странъ и сдачей на капитуляцію наиболѣе истощенной изъ нихъ. Представленіе о концѣ этой войны по старому образцу—съ тріумфальнымъ вступленіемъ въ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ или

Москву должно совершенно исчезнуть изъ нашего представленія. Конецъ этой войны будетъ дѣломъ переговоровъ между крайне истощенными, но попрежнему вооруженными до зубовъ противниками.

Правда, есть еще одна сторона, о которой не думалъ Блохъ и о которой думали германцы: если невозможно прорваться или обойти врага съ фланга, остается взять его сверху, съ воздуха. Данная идея принадлежитъ собственно французамъ, но Францiя была слишкомъ занята другими вещами и, кромѣ того, она слишкомъ экономна по характеру для того, чтобы рисковать большими суммами на необходимые для реализацiи этой идеи опыты. Англичане слишкомъ консервативны и скептичны для того, чтобы быть пiонерами въ подобныхъ начинанiяхъ. Русскiе были слишкомъ бѣдны необходимыми оруiями производства. Только одни германцы сдѣлали серьезную попытку напасть на врага въ воздухѣ, выше сферы военной зоны. Набѣги цеппелиновъ на Англiю становятся все болѣе серьезными и вполнѣ вѣроятно, что въ дальнѣйшемъ они станутъ опаснѣе, чѣмъ были до сихъ поръ. Очень возможно также, что германцы разовьютъ—въ качествѣ добавочной силы—постройку большихъ аэроплановъ для содѣйствiя набѣгамъ цеппелиновъ. Длинная линiя Англiйскаго берега и невозможность, благодаря этому оборудовать его защиту безъ слишкомъ большого отвлеченiя силъ и средствъ отъ боевого фронта, дѣлаютъ Британскiе острова на всемъ ихъ протяженiи легко уязвимыми для подобнаго рода экспедицiи. Сомнительно, конечно, чтобы эти набѣги принесли большой матерiальный вредъ Англiи въ смыслѣ истощенiя; что же касается моральнаго ихъ влiянiя, то они скорѣе лишь укрѣпили волю нацiи бороться до конца.

Прямымъ результатомъ воздушныхъ набѣговъ является твердая рѣшимость англичанъ лучше умереть въ борьбѣ съ германскимъ милитаризмомъ, чѣмъ допустить его дальнѣйшее существованіе. Наиболѣе удачный моментъ для воздушныхъ операцій былъ въ началѣ войны, когда неожиданно—широкое развитіе ихъ могло бы имѣть огромные результаты. Но теперь это время прошло. Германская авіація en masse—ниже французской и англійской и потому вѣроятность рѣшительныхъ ударовъ сверху имѣется скорѣе на сторонѣ союзниковъ. Точно также на водѣ или подъ водой нѣтъ, повидимому, ничего такого, что могло бы дать существенный перевѣсъ той или другой сторонѣ. И здѣсь мы снова возвращаемся къ тому же непогрѣшимому пророку Блоху.

Такимъ образомъ, основнымъ вопросомъ для всякаго, желающаго судить о будущемъ, остается вопросъ, какая изъ двухъ группъ воюющихъ державъ скорѣе придетъ къ истощенію. Отсюда вытекаетъ другой вопросъ: какъ будутъ проявляться послѣдовательныя ступени этого истощенія среди воюющихъ націй? Вѣдь проблемы нынѣшней войны, какъ и всѣхъ войнъ вообще, начинаются и кончаются въ нѣдрахъ національной психологіи.

Однако—возразитъ быть можетъ иной читатель,—разсуждая такъ, мы не учитываемъ положенія на Балканахъ. О, нѣтъ, мы учитываемъ и Балканы. Я нахожу, что побѣдоносное шествіе Германіи черезъ лѣса и горы Сербіи не составляетъ органической части той войны, которая кончилась тупикомъ 1915-го года. Оно, это шествіе, драматично, ярко, полно трагедіи, но оно все-таки не имѣетъ рѣшающаго значенія. Здѣсь нѣтъ ни прямого, ни косвеннаго пути къ жизненнымъ центрамъ врага. Здѣсь нѣтъ дороги ни на Лондонъ, ни на Па-

*

рижъ, ни на Петроградъ. Здѣсь длинный путь отъ Дуная до Египта или Мессопотаміи и тамъ... тамъ насъ опять ждетъ все тотъ же Блохъ. Балканскія событія, какъ видимъ, тоже не разрѣшаютъ проблемы тупика. Болѣе того, цѣлый рядъ новыхъ и сложныхъ вопросовъ открывается передъ нами, какъ только мы обращаемся къ Балканамъ, вопросовъ о цѣнности королевской власти и національности, о судьбахъ такихъ городовъ, какъ Константинополь, который никогда не имѣлъ опредѣленной національности, объ устройствѣ такихъ странъ, какъ Албанія, съ ея пестрой мозаикой племенъ, разсѣянныхъ по горамъ и долинамъ, или Далмація, гдѣ одна нація и одинъ языкъ представлены въ городѣ и другая нація и другой языкъ—въ деревнѣ, или, наконецъ, Малая Азія, гдѣ со временъ римскихъ легіоновъ никогда не существовало ни опредѣленныхъ національныхъ границъ, ни сколько-нибудь однородныхъ по языку, религіи, соціальнымъ отношеніямъ комплексовъ.

Впрочемъ, всѣ эти вопросы сейчасъ могутъ быть отодвинуты въ сторону, ибо они не имѣютъ значенія для интересующей насъ „главной войны“. Какія бы неожиданности и перемѣны не принесла съ собою послѣдняя фаза въ исторіи Оттоманской имперіи, онѣ могутъ только содѣйствовать или ускорить ликвидацію „великой войны“, т. е. войны между центральными державами и ихъ противниками, попавшими въ тупикъ, и систематически, день за днемъ, часъ за часомъ теряющими людей, уничтожающими богатства, подрывающими кредитъ и неудержимо приближающимися къ чему-то неслыханному, безпримѣрному, что мы пытаемся опредѣлить словомъ „истощеніе“. Каждый понимаетъ это слово по своему, но все-таки

большинство склонно, повидимому, опредѣлять имъ такое состояніе, когда поддержаніе арміи на прежнемъ уровнѣ станетъ невозможнымъ въ силу отсутствія людей, сырыхъ матеріаловъ и машинъ или же того и другого вмѣстѣ. Если допустить, что истощеніе происходитъ взаимно, то оно долгое время не будетъ имѣть рѣшительныхъ результатовъ. Такое положеніе можетъ принять форму упадка силъ и энергіи съ обѣихъ сторонъ, огромныхъ лишеній и общей соціальной и экономической дезорганизаціи. Тотъ фактъ, что великое избіеніе мужчинъ возведено въ систему и что оставшіеся въ живыхъ будутъ находиться подъ игомъ суровой дисциплины, дѣлаетъ мало вѣроятнымъ наступленіе конца, благодаря внезапному революціонному взрыву. Истощеніе, судя по всему, будетъ очень длительнымъ и глубокимъ процессомъ, способнымъ растянуться на цѣлый рядъ лѣтъ. „Война на истощеніе“ можетъ кончиться въ 1918 и 1919 гг. и довести насъ до такого напряженія и маразма, о которыхъ мы сейчасъ едва ли въ силахъ составить себѣ хотя бы приблизительное представленіе. Событія въ Турціи, Индіи, Америкѣ или еще гдѣ-нибудь могутъ увеличить арену истощенія и ускорить или замедлить темпъ происходящихъ процессовъ, но они совершенно не въ состояніи положить имъ конецъ.

Какая же, однако, изъ воюющихъ странъ скорѣе придетъ къ полному истощенію? Или, что еще болѣе важно, какая почувствуетъ его раньше и острѣе? Я вполнѣ сознаю наличность неизбѣжнаго предубѣжденія въ моемъ умѣ и все-таки, даже принимая его во вниманіе, я склоненъ думать, что общая ситуація складывается скорѣе не въ пользу центральныхъ державъ. Ихъ специфически германская добродѣтель—поразительно со-

вершенная организація, давшая имъ возможность использовать столь значительную часть своихъ общихъ рессурсовъ для первой атаки и такъ быстро оправиться отъ начальныхъ неудачъ 1915 г., дѣлаетъ ихъ бѣднѣе въ настоящее время. Обладая небольшимъ имуществомъ, они истратили слишкомъ крупную сумму. Сейчасъ центральныя державы серьезно блокированы и противъ нихъ выступаютъ не только рессурсы союзниковъ, но также—благодаря полному господству Великобританіи на морѣ—и средства и силы всего міра.

Конечно, центральныя державы въ состояніи использовать рессурсы своихъ балканскихъ и азіатскихъ союзниковъ, но не слѣдуетъ переоцѣнивать открывающейся здѣсь перспективы. Власть балканскихъ монарховъ, этихъ подставныхъ агентовъ Германіи, измѣнять и совершать предательства, тоже имѣетъ свои предѣлы, и трудно допустить, чтобы Балканскіе народы смотрѣли съ энтузіазмомъ на то, какъ германскія династіи обкрадываютъ ихъ страну во имя германскихъ интересовъ. Германіи придется очень дорого платить за помощь, получаемую на Балканахъ: она должна будетъ отдать туда больше, чѣмъ взяла.

По сравненію съ міромъ, стоящимъ за союзниками, Турецкая имперія не больше какъ страна горъ, пустынь и невоздѣланныхъ земель. Обратить эти области въ источникъ благоденствія и силы—задача въ обстановкѣ военнаго времени крайне трудная и опасная. Поступая такъ, Германія рисковала бы открывать копи, которыя она никогда не будетъ въ состояніи эксплоатировать, строить желѣзныя дороги, которыми будутъ пользоваться другіе, сѣять хлѣбъ, который попадетъ ея врагамъ. Болгары хотятъ Болгарію для себя а не для германцевъ. Турція желаетъ Анатолію

для турокъ, а не для германцевъ. А, вѣдь, для культивированія Ближняго Востока Германія должна посылать людей. Людей?

Въ настоящій моментъ, судя по всѣмъ даннымъ, Германія чувствуетъ войну гораздо сильнѣе, чѣмъ Франція—страна привычной экономіи, или Россія, страна крѣпкихъ нервовъ и выносливости. Англія едва лишь начала чувствовать войну. Экономически Англія пострадала, вѣроятно, не больше, чѣмъ Голландія или Швейцарія, Италія же и Японія пострадали несомнѣнно еще меньше. Всѣ эти три великія державы еще богаты людьми, запасами, деньгами, цѣнными бумагами. Великобританія во всѣхъ частяхъ свѣта располагаетъ огромными капиталами. Передъ ней еще открыта возможность приложить принципъ конскрипціи не только къ ея мужскому населенію, но и къ ея собственности—дома и заграницей. Еще сейчасъ *) Англія не сочла нужнымъ прибѣгнуть къ тѣмъ финансовымъ экспериментамъ, которые Германія продѣлала уже годъ тому назадъ. Англія движется медленно, но вѣрно къ полной мобилизаціи своихъ рессурсовъ. Не приходится сомнѣваться, что она скорѣе социализируетъ самое себя, сверху до низу реорганизуетъ всю свою соціально-экономическую структуру, чѣмъ рѣшится проиграть войну. Это произойдетъ, можетъ быть, медленно и неловко, съ внутренней борьбой, съ интригами „законодателей“, съ наглыми выходками со стороны лэндлордовъ,—но все таки, Англія продѣлаетъ все необходимое быстрѣе, чѣмъ этого можно было бы отъ нея ожидать. Она придетъ къ успѣху

*) Напоминаемъ еще разъ, что настоящая глава была написана авторомъ въ концѣ 1915 г.

Прим. Перев.

немного позже, заплатитъ за него немного дорого, но все таки придетъ во время...

Германская группа, какъ я уже указалъ выше, приблизится къ истощенію первая. Мнѣ кажется также, что Германія почувствуетъ и осознаетъ все происходящее скорѣе, чѣмъ какая-либо другая изъ воюющихъ странъ. Въ 1914 г. германцы пожинали плоды 40-лѣтняго расцвѣта и дѣловой предпріимчивости. Богатство и изобиліе были для нихъ новы, и цѣлое поколѣніе выросло въ ощущеніи, что стремительный прогрессъ и неудержимое расширеніе является чѣмъ то нормальнымъ и естественнымъ. У этого поколѣнія не было суровыхъ традицій военныхъ тягостей, какія были у французовъ. У него не было молчаливо стихійной непреклонности англичанъ и русскихъ. Это былъ сантиментальный народъ, привыкшій къ успѣху. Онъ бросился съ пѣснями въ войну противъ наиболѣе героическихъ и наиболѣе выносливыхъ націй міра. Германія вступила въ борьбу съ большей смѣлостью и увѣренностью, чѣмъ какая-либо иная изъ воюющихъ державъ. Она ожидала повторенія 1871 г., въ самомъ крайнемъ случаѣ она разсчитывала не больше, чѣмъ на годъ войны.

Никогда еще ни одинъ народъ не переживалъ такого разочарованія, какъ германцы, никогда еще ни одной націи не приходилось такъ радикально мѣнять свои построенія и концепціи, какъ имъ. На ихъ долю не выпало ни рѣшительныхъ побѣдъ, ни рѣшительныхъ пораженій. Имъ уготована была иная судьба. Они должны были испытать всю горечь медленнаго, но не удержимаго перехода отъ радостныхъ ожиданій, отъ иллюзіи быстраго и сокрушающаго тріумфа къ тяжелой прозѣ войны, къ потерямъ безъ конца, къ исчезновенію радужныхъ надеждъ, къ сознанію вели-

каго отлива въ своей національной жизни. Теперь германцамъ приходится сражаться противъ коалиціи непримиримыхъ и безпощадныхъ союзниковъ. Теперь они чувствуютъ войну не меньше французовъ, а, вѣдь, сравнительно съ послѣдними германцы—незакаленная сталь..

Мы мало знакомы съ психологіей новой Германіи, выросшей послѣ 1871 г., но трудно представить себѣ, чтобы она спокойно приняла пораженіе, и еще труднѣе, чтобы она могла избѣжать такого финала войны, который означалъ бы собою крушеніе ея наиболѣе завѣтныхъ мечтаній—видѣть у своихъ ногъ порабощенный Парижъ, покорный Лондонъ. плачущую Россію, завоеванную Бельгію и Ближній Востокъ, ставшій ея неоспоримой добычей. Такой финалъ былъ бы поистинѣ днемъ Страшнаго Суда. Германскій имперіализмъ естественно будетъ оттягивать признаніе своего банкротства до тѣхъ поръ, пока у него не исчезнетъ послѣдняя надежда на разрывъ между союзниками, на какое нибудь спасительное чудо, приходящее съ Востока, на какую нибудь внезапно-драматическую побѣду въ критическій моментъ, нежданно-негаданно свалившуюся съ неба.

Съ другой стороны, союзники не могутъ согласиться на миръ, который не включалъ бы въ себя эвакуацію и компенсацію Бельгіи и Сербіи и хотя бы автономію для бывшихъ рейнскихъ провинцій Франціи. Эти требованія—ихъ крайній минимумъ. Эти требованія и еще увѣренность, что опытъ нынѣшней войны разъ на всегда исцѣлилъ Германію отъ страсти къ военно-политическимъ авантюрамъ, угроза которыхъ въ теченіе столькихъ лѣтъ отравляла существованіе всей Европы, должны быть непремѣннымъ условіемъ мира. И Европа пройдетъ черезъ всѣ ступени обнищанія

и истощенія, пока не добьется такого конца войны.

Все это, однако, лишь главныя основныя черты картины, около которыхъ расположено не мало второстепенныхъ линій. И на эти-то второстепенныя линіи пророкъ-любитель долженъ обратить особенное вниманіе, ибо здѣсь какъ разъ лежатъ тѣ „компенсаціи", на которыя обезкураженному тевтону будетъ указывать германское правительство. Такъ, въ видѣ утѣшенія за реставрацію Сербіи, нѣмцу будутъ говорить о дальнѣйшей неизбѣжности конфликтовъ между Италіей и юго—славами, которые снова приведутъ его къ Адріатическому морю. Въ немъ будетъ искусственно возбуждаться интересъ къ новымъ союзникамъ Германіи—Болгаріи и Турціи. Ему скажутъ, что въ этихъ странахъ онъ можетъ повторить чудо Венгріи. Другая Венгрія можетъ создаться въ Польшѣ. Ему будутъ шептать, что въ сущности онъ завоевалъ эти страны въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ онъ только истощалъ самого себя, тратя силы на вскармливаніе сомнительныхъ друзей. Если Кайзеръ не слишкомъ напуганъ Сараевской исторіей, онъ можетъ инсценировать, на подобіе великихъ завоевателей, свой торжественный въѣздъ въ Константинополь, хотя Константинополь не больше, какъ временная столица тевтонскихъ союзниковъ. Нѣмецъ также будетъ надѣяться удержать свой флотъ и никакой миръ—будутъ ему напоминать—не окажется въ состояніи лишить его съ такимъ трудомъ добытаго техническаго превосходства въ авіаціи. Германскій воздушный флотъ въ 1930 году будетъ обладать такимъ же могуществомъ, какъ Британскій морской флотъ въ 1915 г., и притомъ первый сможетъ наносить гораздо болѣе сокрушающіе удары, чѣмъ

послѣдній. Не лучше ли поэтому Германіи подождать столь благопріятнаго момента. Когда подобныя утѣшенія станутъ наводнять столбцы германской прессы, мы, противники тевтонской коалиціи, сможемъ начать разговоры о мирѣ, ибо такого рода рѣчи будутъ его несомнѣнными предвѣстниками.

Заключительная фаза процесса всеобщаго истощенія должна почти неизбѣжно вылиться въ форму игры въ прятки. Ни одна страна не захочетъ признать крайности своего положенія. И ни одна страна поэтому не станетъ дѣлать прямыхъ предложеній о мирѣ своимъ противникамъ или слишкомъ откровенно заигрывать съ нейтральными государствами. Но все-таки разговоры о мирѣ при посредничествѣ тѣхъ же нейтральныхъ странъ примутъ особенно настойчивый характеръ и совѣщанія антигерманскихъ союзниковъ станутъ болѣе интимными и обстоятельными. Различнаго рода проекты и предложенія станутъ какъ бы случайно „просачиваться“ черезъ журналистовъ и нейтральныхъ посредниковъ на поверхность общественной жизни. Четверное согласіе начнетъ дискуссію по вопросу объ антигерманскомъ таможенномъ союзѣ и координаціи своихъ военныхъ и морскихъ силъ по окончаніи нынѣшней войны. Обсужденіе таможеннаго союза центральныхъ монархій уже въ полномъ ходу. Мысль о реконструкціи европейскихъ государствъ, какъ результата Великой войны, начнетъ пускать все болѣе глубокіе корни въ сознаніе Европы и Америки. Общественные дѣятели обѣихъ сторонъ начнутъ выражать свое согласіе съ неизбѣжностью этой реконструкціи, и какая-нибудь нейтральная держава — Данія или Испанія, Соединенные Штаты или Голландія — пригласятъ представителей обо-

ихъ лагерей для „информаціонной дискуссіи“ по поводу намѣчающейся возможности.

Весьма вѣроятно поэтому, что мирные переговоры примутъ необыкновенную форму двухъ одновременныхъ конференцій — одной изъ представителей странъ антигерманской коалиціи, засѣдающей въ Парижѣ или въ Лондонѣ, и другой—изъ представителей всѣхъ воюющихъ странъ, собравшихся въ какомъ-либо нейтральномъ государствѣ (Голландія была бы для этой цѣли удобнѣе всего). Военныя дѣйствіи, между тѣмъ, будутъ продолжаться обычнымъ порядкомъ. Голландская же конференція будетъ находиться въ непрерывномъ телефонномъ и телеграфномъ контактѣ съ конференціей анти-германской коалиціи и съ Берлиномъ...

. . . .

Вскорѣ послѣ этого финальная фаза станетъ повсюду преобладающей, и каждая группа больше всего будетъ озабочена не вопросомъ о побѣдахъ или завоеваніяхъ, а проблемой возможно болѣе быстраго экономическаго возрожденія и соціальнаго переустройства. Торговые договоры, совмѣстныя дѣйствія и выступленія въ хозяйственной области будутъ пріобрѣтать въ глазахъ союзниковъ обоихъ лагерей все большее значеніе, а географическіе контуры границъ—все меньше.

. . . .

III.

Перерожденіе націй.

Война стала войною на истощеніе. Нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что только „финансовый крахъ“ можетъ привести эту войну къ концу. Многіе убѣждены въ томъ, что войну нельзя вести безъ денегъ: аммуницію надо покупать, солдатамъ надо платить, для этого необходимы деньги, необходимо согласіе капиталистовъ давать деньги. Такимъ образомъ, если бы въ одинъ прекрасный день всѣ деньги, все богатство міра оказалось сконцентрированнымъ въ рукахъ одного человѣка, сидящаго въ маленькой конторѣ, онъ могъ бы остановить войну, сказавъ: „Я не даю вамъ больше денегъ“.

Въ дѣйствительности, однако, деньги являются силой лишь до тѣхъ поръ, пока народы вѣрятъ въ нихъ, а правительства поддерживаютъ ихъ. Если государство достаточно сильно и хорошо организовано, его контроль надъ деньгами поистинѣ безграниченъ. Пока народъ повинуется, и хватаетъ людей, сырья и аммуниціи, государство можетъ спокойно вести войну, выпуская любое количество бумажныхъ денегъ. Государство можетъ вербовать и распоряжаться людьми, реквизовать и утилизировать сырые матеріалы. Оно можетъ экспропріировать землю, взять на себя ея обработку и распредѣленіе производимыхъ ею продуктовъ. Маленькій человѣкъ въ своей кон-

торѣ является силою только потому, что государству угодно признавать за нимъ эту силу. До тѣхъ поръ, пока государству это выгодно, онъ кажется силою. Какъ только, однако, государство становится достаточно опытнымъ и могущественнымъ само, оно можетъ обходиться и безъ него. Оно можетъ взять въ свои руки все, что найдетъ нужнымъ, и отпустить человѣка изъ конторы на всѣ четыре стороны. Таковъ меланхолическій финалъ всякаго ростовщика, такова квинтъ-эссенція финансовъ. Кредитъ созданъ государствомъ, и все, что создано государствомъ, можетъ быть имъ же уничтожено или измѣнено. Ни собственникъ, ни кредиторъ не обладаютъ никакимъ инымъ кредитомъ, кромѣ того, который они получили извнѣ. Кредитъ существуетъ благодаря терпимости или суевѣрію, но отнюдь не въ силу необходимости. Говоря о томъ, что война должна кончиться тогда то и тогда, ибо у государства не хватитъ денегъ для расплаты, мы обычно упускаемъ изъ виду этотъ маленькій фактъ. Съ равнымъ правомъ можно было бы утверждать, что битва должна кончиться въ опредѣленный срокъ только потому, что лэндъ-лордъ приказалъ солдатамъ тогда-то удалиться съ его земли. Пока есть люди, способные сражаться и управлять сражающимися, можно вести войну. Мыслимо, конечно, банкротство государства, но это банкротство не совсѣмъ похоже на банкротство отдѣльнаго индивидуума. Государству нельзя запретить вести дѣла на томъ основаніи, что оно не уплатило своихъ прежнихъ долговъ. Государство можетъ банкротиться безконечно, и все таки оно будетъ продолжать существовать. Выясненію разницы между банкротствомъ государства и банкротствомъ отдѣльныхъ поддан-

ныхъ государства и будетъ посвящена настоящая глава.

Воюющія державы приближаются къ такому состоянію, когда они не будутъ въ состояніи платить 20 шиллинговъ за фунтъ. Въ извѣстномъ смыслѣ они не платятъ 20 шиллинговъ за фунтъ и сейчасъ. Однако, это не останавливаетъ войны, а лишь порождаетъ цѣлый рядъ послѣдствій и возможностей, имѣющихъ чрезвычайно важное значеніе съ интересующей насъ точки зрѣнія.

Истощеніе, которое приведетъ эту войну къ концу, по существу является длительнымъ процессомъ уничтоженія людей и матеріаловъ. Совершающійся одновременно процессъ банкротства представляетъ собою нѣчто совсѣмъ иное. Банкротство не разрушаетъ конкретныхъ вещей, оно только создаетъ долги, уничтожаетъ финансовую, а не экономическую реальность. По существу, это психологическій, а не физическій фактъ. „А“ долженъ „Б“. „А“ становится банкротомъ, уплачиваетъ часть своего долга и этимъ все исчерпывается. Чувства „Б“, какъ говорятъ беллетристы, „легче вообразить, чѣмъ описать“. Онъ старается убѣдиться, что „А“, дѣйствительно, не можетъ уплатить больше, чѣмъ предлагаетъ, и затѣмъ оба они—и „А“ и „Б“—возвращаются къ своимъ дѣламъ.

Въ Англіи, если „А“ достаточно бѣденъ, чтобы не быть опаснымъ, и обанкротился на небольшую сумму, изъ него безпощадно выжмутъ послѣдній фартингъ. Онъ можетъ также очутиться въ тюрьмѣ и потерять все. Если обанкротился богатый человѣкъ и на крупную сумму, нашъ законъ обнаруживаетъ большую снисходительность и позволяетъ ему выйти изъ затрудненія несравненно легче.

Нерѣдко кредиторы находятъ раціональнымъ позволить банкроту продолжать свое дѣло: для кредиторовъ это оказывается выгоднѣе, чѣмъ просто покончить съ пострадавшимъ. На свѣтѣ имѣется много людей, живущихъ вполнѣ комфортабельно и продолжающихъ вести дѣла, принадлежавшія когда-то имъ, на пользу своихъ кредиторовъ. Еще больше имѣется такихъ, которые не заплатили своимъ кредиторамъ ни копейки, и тѣмъ не менѣе живутъ припѣваючи. Банкротство тяжело и опасно только для бѣднаго и безпомощнаго люда, но для него всякое осложненіе тяжело и опасно; для людей богатыхъ банкротство—дѣтская игрушка, для государства—оно имѣетъ еще меньшее значеніе. Если бы завтра Англія объявила себя банкротомъ и отказалась бы отъ своихъ долговъ, какъ нація, и, какъ комплексъ индивидуумовъ, если бы она объявила—употребляя парадоксальное выраженіе—постоянный мораторіумъ, отъ этого въ Англіи не стало бы меньше ни однимъ акромъ земли, ни однимъ аршиномъ сукна, ни однимъ кускомъ хлѣба. Внутри государства матеріально ничто не было бы разрушено, не произошло бы никакихъ внезапныхъ потрясеній. Населеніе продолжало бы свою привычную жизнь, и прошло бы нѣкоторое время прежде, чѣмъ оно задумалось бы надъ тѣмъ, получитъ ли кредиторъ свои долги, а рабочій свою заработанную плату. Только люди, живущіе рентой, капиталомъ или пенсіей, оказались бы въ затрудненіи, если бы мясникъ или булочникъ потребовали расплаты наличными. Лишь медленно и постепенно масса населенія начала бы понимать, что довѣріе, на которомъ построена вся сложная система денежнаго обращенія, исчезло, что чеки, банкноты, закладныя и квитанція стали недѣйствительными

и потеряли свое значеніе; что предпринимателю нечѣмъ платить рабочимъ, лавочнику не на что купить запасовъ, что металлическія деньги куда-то скрылись, и что вся страна находится въ состояніи паралича.

Учрежденія, подобныя работнымъ домамъ или старымъ монастырямъ, живущія продуктами собственнаго труда, оказались бы наименѣе затронутыми общей разрухой. Ихъ жизнь построена не на кредитѣ, а на соціалистическомъ базисѣ реальныхъ потребностей и ихъ непосредственномъ удовлетвореніи; къ денежнымъ расплатамъ они прибѣгаютъ лишь случайно. Точно также крестьяне и мелкіе фермеры, выращивающіе свой хлѣбъ на поляхъ, могли бы спокойно продолжать свои занятія, вымѣнивая въ случаѣ крайности все необходимое на овощи или зерно.

Наоборотъ, широкая масса населенія въ такомъ государствѣ, какъ Англія, скоро оказалась бы въ безвыходномъ положеніи, охваченная паникой и отчаяніемъ, несмотря на то, что въ странѣ оставалось бы столько же пищи, домовъ и потребности въ трудѣ, какъ и раньше. Всѣ горшки внезапно опустѣли бы, и голодъ распространился бы изъ конца въ конецъ, несмотря на то, что склады мясниковъ и фермеровъ были бы полны продуктами. Нація уподобилась бы автомобилю, потерявшему свою „магнету". Каждый винтикъ на мѣстѣ, все въ порядкѣ, исчезла лишь искра кредита, приводившая машину въ дѣйствіе.

Въ такомъ примѣрномъ видѣ многіе представляютъ себѣ картину національнаго банкротства. Для нихъ это катастрофическій толчокъ. Подобное представленіе однако—кошмарная утопія. Въ дѣйствительности, мы видимъ нѣчто совсѣмъ обратное. Всѣ воюющія страны въ настоящій мо-

ментъ спокойно, медленно, но безостановочно идутъ къ банкротству, а масса даже не подозрѣваетъ этого быстро прогрессирующаго процесса несостоятельности.

Когда отдѣльное лицо становится банкротомъ, его положеніе опредѣляется денежнымъ масштабомъ его страны. Онъ можетъ платить пять, десять, пятнадцать шиллинговъ за фунтъ. Нація, запутавшаяся въ долгахъ, дѣлаетъ нѣчто аналогичное по существу, но отличное по виду. Она продолжаетъ платить фунтъ за фунтъ, но цѣнность этого фунта уменьшается. Это явленіе какъ разъ наблюдается сейчасъ во всемъ мірѣ: цѣны повсюду систематически растутъ, происходитъ автоматическое національное банкротство безъ заранѣе обдуманнаго плана, но, пожалуй, не совсѣмъ неожиданное. Данное банкротство не является какимъ-нибудь сознательнымъ актомъ государственной власти, а естественно и неизбѣжно вытекаетъ изъ разстройства транспорта, огромнаго отвлеченія энергіи отъ производительной работы, возросшаго спроса со стороны правительства на многіе предметы первой необходимости, наконецъ, изъ неизбѣжной общей расточительности, вызываемой условіями исключительнаго времени.

Въ началѣ этой войны у Англіи былъ извѣстный національный долгъ: до сихъ поръ онъ не только не уплаченъ, а въ дополненіе къ нему сдѣланы еще новые исполинскіе долги. Оффиціально Англія и сейчасъ отягощена своимъ первоначальнымъ долгомъ и расчитываетъ современемъ уплатить его. Однако, если языкъ фунтовъ и шиллинговъ перевести на языкъ реальности, то окажется, что въ формѣ хлѣба, желѣза, мѣди и часовъ труда или вообще всякой иной реальности, за исключеніемъ золота, Англія отягощена теперь (по скольку дѣло

касается первоначальнаго долга) гораздо меньше. Пока идетъ война, и цѣны бѣгутъ вверхъ, всѣ послѣдующіе займы и контракты подвержены подобному же сокращенію. Попытка лэндлордовъ нейтрализовать это явленіе повышеніемъ ренты и квартирной платы была парирована въ Англіи и Франціи путемъ законодательства. Попытка же рабочихъ поднять заработную плату, вопреки краснорѣчивымъ протестамъ со стороны такихъ замѣчательныхъ образчиковъ простоты жизни, экономіи, воздержанія и скромности, какъ Асквитъ, Макъ-Кенна и Ренсименъ, частично удалась. Тѣмъ не менѣе сомнительно, чтобы это повышеніе платы вполнѣ покрывало ростъ цѣнъ. И если оно, дѣйствительно, не покрываетъ, то новое бремя падаетъ на привычныя плечи все того же вьючнаго животнаго—маленькаго человѣка.

Въ остальномъ потери падаютъ главнымъ образомъ на классъ кредиторовъ, на людей съ точно фиксированными доходами и жалованіемъ, на лэндлордовъ, сдавшихъ на долгій срокъ свои земли и дома, на пенсіонеровъ, на церковь, на страховыя компаніи и т. п. Уровень жизни всей этой группы лицъ долженъ понизиться, но имъ легче перенести это пониженіе, чѣмъ пролетаріату. Допуская возможность выравниванія заработной платы въ соотвѣтствіи съ вздорожаніемъ и поддержанія ренты на нормальномъ уровнѣ путемъ законодательныхъ мѣропріятій, придется признать, что въ общемъ и цѣломъ ростъ цѣнъ представляетъ собою явленіе болѣе выгодное для неимущихъ, чѣмъ для имущихъ. Оно списываетъ „со счетовъ" прошлое и очищаетъ дорогу для будущаго.

Вѣкъ дешевизны—это вѣкъ старыхъ ростовщиковъ. Англія передъ войною была роемъ для по-

добнаго рода людей. Всюду были великолѣпные дома и частные парки, громадное количество мужской прислуги, клубы для гольфа и т. п. излишества комфорта. Строить коттэджи для рабочихъ считалось дѣломъ бездоходнымъ, и въ то же время дорогіе автомобили вытѣсняли со всѣхъ дорогъ велосипеды. Западная Европа шла навстрѣчу ожирѣнію, но не пріобрѣтала мускуловъ, какъ дѣлаетъ это Америка. Но если время старыхъ ростовщиковъ прошло, на смѣну имъ могутъ притти новые ростовщики. Три пути открыты передъ современными государствами для удовлетворенія огромныхъ требованій, порожденныхъ нынѣшней войною.

Первый путь—это „взять" людей путемъ конскрипціи, а машины и продукты—путемъ реквизиціи. Британское правительство „беретъ" скромнѣе, чѣмъ какое-нибудь иное правительство въ мірѣ: его традиціи, еще начиная со временъ Magna Charta, юридическое образованіе большинства его членовъ—все заставляетъ его относиться съ почтеніемъ, невиданнымъ въ человѣческой исторіи, къ частной собственности и частнымъ притязаніямъ. Оно слишкомъ легко отодвигаетъ на заднiй планъ интересы общества и государства.

Другой путь для націи, находящейся въ нуждѣ,—это взимать налоги и платить за все, что ей необходимо. Этотъ путь является, въ сущности, лишь частичнымъ и болѣе равномѣрнымъ примѣненіемъ метода „брать". Оба указанные метода поднимаютъ цѣны, особенно второй, и такимъ образомъ содѣйствуютъ автоматическому освобожденію будущаго отъ тяжелаго наслѣдія прошлаго. До сихъ поръ всѣ воюющія государства прибѣгали къ обложенію лишь въ очень скромныхъ размѣрахъ.

Третій путь—дѣлать займы. Этотъ пріемъ по существу сводится къ закладу будущаго во имя потребностей настоящаго, и пока что онъ былъ наиболѣе употребительнымъ средствомъ для покрытія военныхъ расходовъ. Этотъ методъ создаетъ сейчасъ наименьшее количество треній въ государствѣ. Онъ поглощаетъ всѣ сбереженія и излишки, которые, благодаря разстройству экономической жизни, остаются неиспользованными; онъ рождаетъ собственность въ процессѣ, разрушающемъ самую сущность общества. Въ Германіи было заложено громадное количество собственности въ цѣляхъ подписки на военные займы, и эти закладныя снова закладываются и перезакладываются для покрытія дальнѣйшихъ займовъ. Союзники, располагающіе большими средствами, чѣмъ центральныя державы, пока еще не дошли до подобнаго состоянія. Однако, повсюду въ Европѣ происходитъ широкая трансформація собственника въ рантье и переходъ недвижимости въ руки государства.

Въ концѣ войны Великобританія, по всей вѣроятности, окажется обремененной громаднымъ національнымъ долгомъ и будетъ вынуждена платить проценты по нему въ такихъ размѣрахъ, которые превысятъ ея нормальный довоенный бюджетъ. По этому поводу одна оптимистически настроенная дама заявила: „Всѣ, кто не погибнетъ, смогутъ прекрасно существовать до конца своей жизни на военные займы“. Однако, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть этого богатства будетъ чисто эфемерной, благодаря возрастанію цѣнъ, повышенію заработной платы и налоговъ. Большинство изъ насъ, покупающихъ бумаги англійскихъ или французскихъ займовъ, не обманываются на этотъ счетъ; мы знаемъ, что пріобрѣтаемъ доходъ, по-

купательная сила котораго систематически уменьшается. Плохъ былъ бы, однако, тотъ гражданинъ, который въ эти дни, когда почти каждый молодой человѣкъ добровольно рискуетъ своей жизнью, не сталъ бы разсматривать свои вклады въ займы, хотя бы до извѣстной степени, какъ пожертвованія на національныя цѣли. Впрочемъ, возрастаніе цѣнъ не есть единственный факторъ, задерживающій появленіе новаго класса богатыхъ ростовщиковъ послѣ войны. Есть нѣчто не менѣе важное, что уже произошло въ Германіи и что незамѣтно также надвигается и на союзниковъ, это — исчезновеніе золота изъ обращенія. Въ Великобританіи, правда, еще до сихъ поръ бумажный фунтъ обмѣнивается на соверенъ, но и Великобританія не сможетъ удержать размѣнъ на золото до конца войны. Рано или поздно для правительства наступить острый моментъ, когда оно вынуждено будетъ отклониться отъ прямой линіи финансоваго благородства и перейти въ той или иной формѣ къ оперированію бумажными деньгами.

Вѣроятно, не позже 1917 года всѣ воюющія страны должны будутъ перейти для цѣлей внутренняго потребленія къ бумажкамъ, не подлежащимъ обмѣну на золото. Такимъ образомъ появятся британскія ассигнаціи. Многимъ финансовымъ сентименталистамъ будетъ казаться, что Великобританія спустила флагъ, когда ея соверенъ исчезнетъ въ сундукахъ банковъ и государственнаго казначейства, и будетъ предназначенъ исключительно лишь для интернаціональной торговли. Но Великобританія должна считаться съ другими, гораздо болѣе серьезными сентиментами, чѣмъ нѣжныя чувства банкировъ и ростовщиковъ. Британскій фунтъ выйдетъ изъ этой войны, подобно отряду, вышедшему изъ жестоко

обстрѣливаемой траншеи,—сильно ослабленнымъ. Пониженіе курса означаетъ возрастаніе цѣнъ, т. е. продолжающееся списываніе долга. Если рабочій классъ дѣйствительно понимаетъ свои интересы, онъ не долженъ слишкомъ близко принимать къ сердцу это вздорожаніе. Онъ долженъ лишь настаивать на справедливомъ увеличеніи заработной платы въ соотвѣтствіи съ подъемомъ стоимости жизни. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь будетъ еще ниже.

Посмотримъ теперь, какъ далеко мы зашли по пути предвидѣнія. Мы разсмотрѣли причины, ведущія, повидимому, къ уничтоженію огромнаго количества старой собственности и стараго долга, къ созданію исполинскаго новаго долга на протяженіи нынѣшней войны; мы признали также, что по, всѣмъ вѣроятіямъ, курсъ денегъ будетъ падать все ниже и ниже, а цѣны расти все выше и выше. Въ результатѣ настанетъ время всеобщей привычки къ экономіи, привычки, которая укоренится, быть можетъ, въ классѣ собственниковъ прочнѣе, чѣмъ среди рабочихъ. Нація привыкнетъ къ дороговизнѣ и необезпеченности. Она станетъ предусмотрительна, будетъ стремиться къ бережливости и искать увѣренности въ будущемъ. Какъ только кончится періодъ громадныхъ военныхъ займовъ, новый классъ рантье, держащихъ разнообразныя бумаги этихъ займовъ, окажется владѣльцемъ исполинскихъ доходовъ, которымъ онъ естественно будетъ искать примѣненія. Въ первое время подобный рантье будетъ получать главную массу незаработаннаго дохода всего міра. Здѣсь, въ наличности высокихъ цѣнъ, представляющихъ собою спросъ, и въ стремленіи собственниковъ капитала найти ему выгодное употребленіе, стремленіи, олицетворяющемъ собою предло-

женіе,—лежатъ два главныхъ фактора, необходимыхъ для возрожденія дѣловой предпріимчивости. Будетъ ли экономическая исторія ближайшихъ десятилѣтій реставраціей капиталистической системы на новыхъ основаніяхъ? Сдѣлаемся ли всѣ мы вкладчиками, спекулянтами или рабочими, медленно пробивающими себѣ дорогу къ новому періоду обезпеченности, дешевизны и низкаго процента? Будемъ ли мы свидѣтелями возрожденія, парковъ, огораживаній, золотой валюты, дорогихъ автомобилей съ той лишь разницей, — что минимумъ заработной платы будетъ около двухъ фунтовъ въ недѣлю и что пятифунтовый билетъ будетъ приблизительно равноцѣненъ двумъ гинеямъ въ 1913 г.?

Было бы не трудно провести извѣстную параллель между только что нарисованной картиной и тѣмъ, что произошло въ началѣ 19-го столѣтія послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Увы, эта параллель была бы не слишкомъ радужной для всякаго, любящаго міръ и взыскующаго благородства жизни... Къ счастью, однако, исторія никогда не повторяется. Человѣческій матеріалъ, въ средѣ котораго будутъ происходить всѣ эти экономическія и финансовыя перемѣны, нынѣ совсѣмъ иной, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Природа государства глубоко измѣнилась за минувшее столѣтіе. Послѣдніе годы 18-го и начало 19-го столѣтія были періодомъ развитія крайняго индивидуализма. Игрѣ „экономическихъ силъ“ былъ предоставленъ полный просторъ. Въ умахъ такихъ людей, какъ Гарріетъ Мартино и Гербертъ Спенсеръ, эти силы уподоблялись Богу. Людей упрекали не за то, что они „грѣшили передъ лицомъ Провидѣнія“, а за то, что они „грѣшили предъ лицомъ политической экономіи“. При такихъ усло-

віяхъ индивидуальная свобода не была почти ничѣмъ не ограничена. Человѣкъ не былъ стражемъ брата своего. Государство, если исключить преслѣдованіе мошенниковъ, воровъ и грабителей, да покровительство лэндлордамъ и политикамъ, совершенно не вмѣшивалось въ великую драму борьбы за существованіе. Въ области экономической руководящимъ принципомъ государства было „laisser faire“.

Въ настоящее время государство стало гораздо ближе къ жизни и къ творческой работѣ. Оно гораздо больше заботится о самомъ себѣ и объ общихъ интересахъ. Германія указала путь отъ системы индивидуализма и добровольныхъ ассоціацій въ сферѣ экономической конкуренціи къ новому порядку вещей, къ болѣе полному синтезу. Это наиболѣе современное изъ государствъ представляетъ собою не столько комплексъ взаимно сталкивающихся индивидуальныхъ предпріятій, сколько одну великую національно-капиталистическую компанію. Война только укрѣпила эту тенденцію. И преимущества подобной системы настолько несомнѣнны и очевидны, что народы союзныхъ странъ не смогутъ закрывать на нихъ глаза. Они также вынуждены будутъ позаботиться объ огражденіи своего дальнѣйшаго экономическаго существованія отъ недостатковъ и случайностей индивидуализма.

Второе соображеніе, не допускающее полной параллели между исторіей 1915—45 г.г. и 1815—45 г. г.—есть уровень умственнаго развитія, достигнутаго человѣчествомъ за это время. Нынѣ вся Западная Европа до послѣдняго поденщика грамотна, читаетъ газеты и „имѣетъ свои идеи“. Объясненіе экономическихъ и соціальныхъ процессовъ, бывшее сто лѣтъ тому назадъ тайной

даже для избранныхъ, стало теперь общимъ мѣстомъ. Что дѣлалось тогда въ потемкахъ и полубезсознательно, должно дѣлаться въ 1916—1926 г. г. открыто и подъ контролемъ разума. Банкротства, ликвидація и грядущая перестройка политической системы Европы произойдутъ, если можно такъ выразиться, при полномъ освѣщеніи. Мы будемъ видѣть и понимать, что свершается,—несравненно лучше и полнѣе, чѣмъ люди видѣли это когда-либо въ прежнія эпохи. Намъ будетъ помогать въ данномъ отношеніи не только опытъ минувшаго столѣтія, но также большая ясность интернаціональнаго положенія. Эта война поставила Германію въ центрѣ всѣхъ международныхъ отношеній нашего времени. Война не уничтожитъ Германію и едва ли побѣда или пораженіе или даже нѣчто среднее между ними смогутъ измѣнить въ непосредственномъ будущемъ основную черту физіономіи современной имперіи Гогенцоллерновъ—ея организованную аггрессивность. Нынѣшняя война не разрѣшитъ конфликта между Германіей и анти-Германіей. Конецъ ему наступитъ лишь тогда, когда исчезнутъ результаты 50-тилѣтняго аггрессивнаго воспитанія Германіи. Въ свѣтѣ даннаго факта народы будутъ разсматривать происходящія измѣненія и вырабатывать нормы своего поведенія. Лэндлордъ, прижимающій арендатора, рабочій, устраивающій стачки и искуственно понижающій производительность своего труда, адвокатъ, путающій карты и затемняющій самые простые вопросы,—всѣ они будутъ знать сами и будутъ знать, что другіе это знаютъ, что ихъ поступки свершаются не подъ пустымъ и безразличнымъ небомъ, а передъ лицомъ недремлющаго врага, вопреки острой необходимости въ поддержаніи внутренняго единства.

До сихъ поръ мы ступали по достаточно твердой почвѣ,—теперь намъ придется обратиться къ области болѣе сложной и труднѣе поддающейся изслѣдованію. Дальнѣйшій этапъ по пути нашихъ предвидѣній приводитъ насъ къ вопросу о томъ, какъ народъ, народы и отдѣльные классы народовъ будутъ реагировать на новыя нужды, потребности и условія, созданныя этой войной. Иными словами: насколько люди окажутся способными отказаться отъ привычекъ и традицій своего прежняго соціальнаго положенія, насколько они окажутся способными къ проявленію благородства, къ жертвамъ и безкорыстнымъ усиліямъ, или же, наоборотъ, насколько они останутся упрямо эгоистичными въ преслѣдованіи своихъ личныхъ и узко классовыхъ цѣлей во вредъ и вопреки общему благу?

Прежде, чѣмъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о положеніи дѣлъ, скажемъ, въ 1946 г., мы должны задаться этимъ вопросомъ по отношенію къ каждой великой націи отдѣльно, а также по отношенію къ Средней Европѣ и къ союзникамъ, какъ цѣлому. Да позволено мнѣ будетъ высказать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о человѣческой природѣ. Это будутъ, конечно, избитыя истины; но они необходимы мнѣ, все таки, для дальнѣйшаго изложенія.

Поскольку я могу судить на основаніи моихъ наблюденій, ни одинъ человѣкъ не живетъ постоянно на одномъ и томъ же моральномъ уровнѣ. Если мы хотимъ быть справедливыми, мы не должны разсматривать ни одного человѣка, ни одинъ классъ, ни одну націю, какъ нѣчто абсолютно дурное или абсолютно хорошее. Въ моемъ собственномъ развитіи были періоды, когда я готовъ былъ съ радостью умереть за идею, но были

и другіе,—когда я бы пальцемъ не пошевелилъ, чтобы спасти человѣческую жизнь. Большинство людей колеблется между этими двумя крайностями. Толпа, вообще говоря, эгоистична, но очень многіе изъ ея членовъ откажутся отъ преслѣдованія эгоистическихъ цѣлей, если они увидятъ, что эгоизмъ стоитъ въ противорѣчіи съ интересами цѣлаго, и сдѣлаютъ это съ особенной готовностью, если будутъ знать, что и другіе люди поступаютъ также. Основной ошибкой ортодоксальной политической экономіи и марксистскаго соціализма является признаніе закоренѣлаго эгоизма каждаго человѣка. Конечно, большинство людей всегда склонно вѣрить въ то, что лежитъ въ ихъ интересахъ; большинство крайне неохотно отказывается отъ образа жизни или дѣятельности, дававшихъ имъ удовлетвореніе. Большинство легче видитъ пороки и недостатки другихъ классовъ, чѣмъ своего собственнаго. Однако, нынѣшняя война снова разбудила въ жизни европейскихъ народовъ благородный духъ самопожертвованія во имя высокихъ идеаловъ. Это не гарантируетъ, разумѣется, полнаго соотвѣтствія поступковъ каждаго отдѣльнаго лица общей великой цѣли. Тѣмъ не менѣе было бы ошибкой все-таки считать цинизмомъ то, что, по существу, является лишь нашей неспособностью жить сообразно съ нашими стремленіями.

Одна рабочая газета нѣсколько времени тому назадъ противопоставила краснорѣчивымъ призывамъ Асквита къ рабочимъ соблюдать экономію и довольствоваться своимъ заработкомъ—фотографическіе снимки газетъ съ происходившей одновременно фешенебельной свадьбой дочери премьера. Я сознаюсь, что каждый изъ насъ грѣшенъ въ

чемъ-нибудь подобномъ. Тѣмъ не менѣе не трудно понять, что инниціатива тяжелаго обложенія дорогихъ автомобилей, свадебныхъ платьевъ, шампанскаго и огороженныхъ парковъ вмѣсто джина, рабочихъ прогулокъ и дешеваго табаку скорѣе будетъ исходить отъ класса доковыхъ рабочихъ, чѣмъ отъ класса, къ которому принадлежитъ премьеръ-министръ. Въ этомъ лежитъ безсознательная классовая борьба, обязанная своимъ существованіемъ привычкѣ, недостатку размышленія и симпатіи, борьба, которая будетъ играть очень крупную роль при распредѣленіи бремени государственнаго банкротства между отдѣльными слоями населенія, а также при послѣдующей перестройкѣ національной жизни.

Сдѣлавъ эти предварительныя отступленія, я позволю себѣ теперь, отнюдь не желая обвинять ни одну изъ соціальныхъ группъ въ какой-либо сугубой злонамѣренности, указать, однако, на тѣ специфическіе интересы, которые будутъ побуждать нѣкоторые вліятельные классы общества противодѣйствовать намѣчающимся перемѣнамъ.

Три большихъ класса несомнѣнно будутъ усиленно сопротивляться коренной реконструкціи экономической жизни на новыхъ началахъ. Эти классы предстанутъ предъ моральнымъ судомъ исторіи, отъ рѣшенія котораго зависитъ все будущее западной цивилизаціи. Если классы, о которыхъ идетъ рѣчь, не смогутъ проявить достаточнаго самопожертвованія, безкорыстной мудрости и творческой энергіи, если, съ другой стороны, само общество, какъ цѣлое, окажется не въ силахъ держать въ уздѣ ихъ низкіе инстинкты, тогда интеллигентнымъ родителямъ останется лишь одно—обратить взоры своихъ дѣ-

тей по направленію къ Новому Свѣту, ибо въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, на цѣлое столѣтіе воцарится соціальная анархія.

Первый крупный классъ, отъ котораго можно ожидать упорнаго сопротивленія надвигающемуся будущему,—это классъ могущественныхъ земельныхъ собственниковъ. Онъ не можетъ сохранить свое богатство и свой роскошный образъ жизни въ наступающій періодъ всеобщей нужды и обнищанія. Этого не допуститъ возрождающійся міръ. Какой бы высоты ни достигла рента,—весь ея приростъ долженъ будетъ пойти на покрытіе громадныхъ потребностей государства. Классъ земельныхъ собственниковъ, въ рукахъ котораго сосредоточено такъ много законодательной и административной власти, по крайней мѣрѣ, въ трехъ изъ воюющихъ державъ, особенно въ Великобританіи и Германіи, долженъ быть готовъ къ тяжелому самообложенію, больше того, онъ долженъ добровольно содѣйствовать этому самообложенію до крайнихъ предѣловъ своего избытка. Преступная жадность лэндлордовъ, омрачившая страницы англійской исторіи послѣ Ватерлоо и едва не приведшая страну къ революціи, не должна повториться. Британская имперія не можетъ допустить революціи, стоя лицомъ къ лицу съ блокомъ центрально-европейскихъ государствъ. На протяженіи минувшаго столѣтія произошелъ громадный сдвигъ въ понятіяхъ и сужденіяхъ націй о собственности: когда то мы были индивидуалистами, теперь мы всѣ стали соціалистами. Британскій лордъ, нѣмецкій юнкеръ не имѣютъ уже того непоколебимаго убѣжденія въ святости своихъ правъ на землю, которымъ обладали ихъ предки. Они знаютъ также, что по ихъ адресу раздается суровая критика, подобной которой не

существовало въ прежнія времена... Какъ далеко способны, однако, эти люди пойти въ отказѣ отъ традицій своего рожденія и воспитанія?

Слѣдующій крупный классъ, имѣющій значеніе съ интересующей насъ точки зрѣнія,—„юристы“, которые, благодаря идіотской системѣ голосованія, принятой въ новѣйшей демократіи, практически управляютъ Великобританіей и которые сильны и вліятельны во всѣхъ политически передовыхъ странахъ. Въ цѣляхъ обезпеченія независимости своего судопроизводства Англія съ давнихъ поръ стала платить громадныя жалованья судьямъ и адвокатамъ. Естественнымъ результатомъ этого было то, что все наше судейско-адвокатское сословіе стало покровительствовать интересамъ знатности и богатства въ ущербъ интересамъ общества и пролетаріата. Данное обстоятельство привело также къ тому, что въ системѣ нашего высшаго образованія элементы практическаго натаскиванія въ юридическихъ дѣлахъ получили перевѣсъ надъ элементами науки государственнаго искусства. Обыкновенный англійскій юристъ не имѣетъ желанія что-нибудь дѣлать; эта способность у него совершенно парализована; онъ просто сидитъ и ждетъ и старается использовать въ своихъ интересахъ первый подвернувшійся ему удобный случай. Однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, который англичанинъ долженъ задавать себѣ въ настоящее время, является вопросъ о томъ, насколько грандіозныя событія и перспективы нынѣшней войны оказались въ состояніи потрясти безстрастныя сердца этихъ почтенныхъ джентльменовъ, которымъ выпадетъ на долю управлять государственнымъ кораблемъ въ бурную эпоху рожденія новаго міра, располагая лишь тѣмъ запасомъ юридическаго легкомыслія;

который они пріобрѣли за годы ученія. Однако, и здѣсь есть нѣкоторые проблески надежды: „юристы“ слышали много разговоровъ о себѣ въ послѣдніе два года. Ихъ совѣсть можетъ побѣдить ихъ традиціи. Кромѣ того, у насъ есть пресса,— правда, она страдаетъ многими недостатками, но все-таки она уже больше не пресса адвокатовъ...

Наконецъ, третій классъ, непосредственные интересы котораго находятся въ антагонизмѣ съ радикальной перестройкой нашего національнаго существованія, это классъ капиталистовъ, вкладывающихъ свои деньги въ различныя предпріятія, это банкиры, ростовщики, вообще всѣ люди, живущіе на дивиденды. Данный классъ очень обширенъ, но онъ относительно слабъ по сравненію съ первыми двумя. Онъ скорѣе даже не классъ а масса, скорѣе „мертвый вѣсъ“, чѣмъ организованная сила. Онъ состоитъ изъ всевозможнаго сорта людей, не имѣющихъ между собой ничего общаго, кромѣ того, что они получаютъ незаработанный доходъ...

Всѣ эти классы отчасти по инстинкту, отчасти по корыстнымъ побужденіямъ разума будутъ дѣлать все возможное, чтобы задержать возростаніе цѣнъ, воспрепятствовать увеличенію заработной платы, помѣшать обезцѣниванію бумажныхъ денегъ и облегчить возвращеніе къ золотой валютѣ и къ прежней стабильности соціальныхъ отношеній. Они будутъ бороться противъ всякой широкой національной перестройки, противъ увеличенія общественныхъ должностей, противъ „конскрипцій“ земли, копей, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Они будутъ бороться противъ этихъ тенденцій въ глубинѣ собственной совѣсти, на аренѣ общественнаго мнѣнія, попирая традиціи національнаго самопожертвованія, во имя котораго погибли ихъ

собственные сыновья. Но эти классы будутъ имѣть противъ себя властныя и неодолимыя потребности времени.

Наиболѣе острой изъ этихъ потребностей будетъ возвращеніе почти цѣлой половины населенія, находящейся сейчасъ въ арміи или на фабрикахъ аммуниціи, къ продуктивной работѣ, къ производству съѣстныхъ припасовъ и предметовъ массоваго потребленія, къ возстановленію торговаго экспорта, который теперь, когда заокеанскіе капиталы Англіи поглощены ея заокеанскими военными долгами, становится особенно важнымъ въ цѣляхъ обезпеченія регулярнаго подвоза пищевыхъ продуктовъ. Къ гражданской жизни должны будутъ вернуться не тысячи, но милліоны людей, взятыхъ изъ нея.

. . . .

Таковы элементы внутренняго конфликта въ каждой изъ европейскихъ странъ. Въ этомъ конфликтѣ первая роль принадлежитъ лендълорду и юристу; во Франціи лендъ-лордъ, пожалуй, имѣетъ меньше значенія, зато капиталистъ тамъ болѣе могуществен и универсаленъ. Въ Германіи, гдѣ юнкерство и придворные круги особенно вліятельны и безцеремонны, имѣется болѣе прочная и глубокая традиція практической дѣеспособности, болѣе модернизированное сословіе юристовъ и шире распространенное научное сознаніе. Насколько въ каждой изъ европейскихъ странъ сознаніе восторжествуетъ надъ традиціей и индивидуализмомъ?

Знаменуетъ ли собой . . . . банкротство западной цивилизаціи коренную перестройку человѣческаго общества въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ десятилѣтій на болѣе здоровыхъ и разумныхъ

основаніяхъ? Будетъ ли этой перестройкѣ предшествовать революція во всѣхъ или только въ какой-либо одной изъ заинтересованныхъ странъ? Располагаетъ ли, наконецъ, міръ достаточной суммой сознанія, которое ему такъ понадобится въ настоящую критическую эпоху?

Мы попробуемъ въ дальнѣйшемъ отвѣтить на всѣ эти вопросы.

IV.

Будущее міра.

Будетъ въ Европѣ послѣ войны революція или не будетъ? Можно ли надѣяться, что хотя бы Великобританія, спрятавши мечъ въ ножны, вступитъ безъ сколько-нибудь острыхъ внутреннихъ потрясеній въ періодъ новаго подъема и оздоровленія?

Подобно большинству моихъ современниковъ, я пытался дать себѣ, по крайней мѣрѣ, приблизительный отвѣтъ на поставленные вопросы. При этомъ мое настроеніе сильно колебалось, переходя отъ извѣстнаго оптимизма къ самому безпросвѣтному отчаянію. Я говорилъ съ многими молодыми людьми въ хаки—бывшими инженерами, бывшими адвокатами, бывшими учителями, бывшими „дѣльцами" изъ Сити—и въ результатѣ приходилъ къ выводу, что въ современной Англіи есть достаточно мужества, воли и сознанія, необходимыхъ для коренной перестройки нашей національной жизни, какъ бы эта перестройка ни была трудна. И одновременно... я видѣлъ предъ собой линію дороги между Данмоу и Кочжешалъ. Ахъ, эта дорога! Она постоянно смущала мой оптимизмъ. Это положительно германофильская дорога: она подтверждаетъ всѣ обвиненія нѣмцевъ противъ Великобританіи, обвиненія въ томъ, что

мы не умѣемъ управлять собственными дѣлами, что мы глупый, упрямый, расточительный народъ, народъ, который не понимаетъ, что человѣкъ, плохо обрабатывающій землю, является измѣнникомъ по отношенію къ собственной странѣ...

Позвольте мнѣ нѣсколько подробнѣе объяснить, о какой дорогѣ идетъ рѣчь. Это можетъ быть и мелочь, но вѣдь и соломинка показываетъ, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ. Рѣчь идетъ о такихъ глубоко прозаическихъ вещахъ, какъ рѣшетка, грязь и водопроводныя трубы, но онѣ только символъ тѣхъ огромныхъ затрудненій, которыя стоятъ на пути Великобританіи—да, пожалуй, и всей Европы—въ дѣлѣ ея коренной перестройки послѣ войны. Сознаюсь, дорога на Брэнтри часто олицетворяетъ для меня весь міръ. Это—кусокъ скверной, безнадежно-унылой дороги, обшитой грубымъ камнемъ съ одной стороны. Но это также живое воплощеніе конфликта между индивидуумомъ и человѣчествомъ. И одновременно это дорога, которая ведетъ въ Харичъ, Голландію, Россію, Китай и во всѣ концы широкаго міра.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на дорогу въ Брэнтри какъ-то невольно начинаешь ощущать, что она не можетъ удовлетворять дѣйствительно способный и энергичный народъ. Она слишкомъ узка для большой дороги и кромѣ того такъ извилиста, такъ нелѣпо пересѣчена поперечными линіями, что для облегченія безопаснаго движенія по ней въ серединѣ нужно было бы поставить спеціальнаго полисмена. Южная сторона дороги выше сѣверной, и потому въ плохую погоду вода стекаетъ съ юга на сѣверъ и здѣсь застаивается. Недавно въ цѣляхъ устраненія этого неудобства на сѣверной сторонѣ насыпали немного гальки,— въ результатѣ то, что раньше было бы озеромъ,

теперь превратилось въ какой-то каменистый пудингъ. Естественно, что автомобили стараются поелику возможно держаться всегда южной стороны. Въ этомъ раздѣленіи на „сѣверъ“ и „югъ“ чувствуется присутствіе затаенной вражды, и данное впечатлѣніе вполнѣ подтверждается при дальнѣйшемъ изслѣдованіи фактовъ. Оказывается, что средина дороги есть граница: южная сторона принадлежитъ городскому участку Брэнтри, а сѣверная—сельскому участку Боккингъ. Если бы любопытный изслѣдователь взялъ кирку и лопату и разрылъ почву, онъ увидалъ бы, что аналогичный дуализмъ господствуетъ и подъ землей. Онъ увидалъ бы, что по сѣверной сторонѣ идетъ водопроводная труба, снабжающая водой жителей Боккинга, а по южной сторонѣ—другая труба, снабжающая водой жителей Брэнтри. Я подозрѣваю, что и канализація устроена также двойная. Все населеніе Боккинга и Брэнтри въ суммѣ едва ли превышаетъ тринадцать тысячъ, и однако для обслуживанія его потребностей существуютъ два водопровода, двѣ сѣти школъ, двѣ различныхъ администраціи.

Для случайнаго прохожаго сельскій характеръ Боккинга совершенно неотличимъ отъ городского характера Брэнтри. Боккингъ лишь чуточку грязнѣе. Зато между обоими соперниками имѣются различія въ области питанія. Такъ, напр., если вы вздумаете какъ-нибудь презентовать боккингскому „крестьянину“ коробочку консервированныхъ фруктовъ, очень популярныхъ въ Брэнтри, вы сразу замѣтите одно изъ подобныхъ различій. Брэнтри содержитъ особаго мусорщика, который подметаетъ принадлежащую ему южную сторону дороги, и потому консервированные фрукты въ Брэнтри пріятны и удобны. Зато брэнтрійскіе ла-

вочники лишь съ большимъ трудомъ продаютъ консервированные фрукты въ Боккингѣ, ибо обитатель Боккинга менѣе счастливъ, чѣмъ обитатель Брэнтри, у него нѣтъ спеціальнаго мусорщика, и жестянка отъ фруктовъ остается у него на рукахъ. Онъ можетъ либо похоронить жестянку въ своемъ саду, если таковой имѣется, или, завернувши ее въ бумагу, незамѣтно бросить ее на прогулкѣ въ канаву въ границахъ Брэнтри, или же, наконецъ, употребить ее вмѣстѣ съ ея предшественницами и наслѣдницами на постройку надгробнаго памятника въ честь министерства мѣстнаго управленія (министръ—5.000 ф. въ годъ, парламентскій секретарь—1.500 ф., постоянный секретарь — 2.000 ф., юрисконсультъ — начиная съ 1.000 ф., общіе расходы на администрацію 300.000 ф. ...). Послѣ смерти Брэнтри и Боккингъ также остаются раздѣленными: оба имѣютъ отдѣльныя кладбища...

На взглядъ каждаго незаинтересованнаго человѣка около желѣзно-дорожной станціи Брэнтри-Боккингъ существуетъ лишь одна коммуна съ общими интересами и общими источниками заработка. Нигдѣ нѣтъ ни октруа, ни шлагбаумовъ. Лавки и кабачки на боккингской сторонѣ дороги какъ двѣ капли воды похожи на лавки и кабачки, расположенные на брэнтрійской сторонѣ. Жители обоихъ участковъ заключаютъ между собою браки и состоятъ во всѣхъ степеняхъ родства. Если бы этого абсурднаго дѣленія не было, никому въ голову не пришло бы устанавливать его сейчасъ. Оно вредно, несправедливо (ибо боккингская половина лучше и имѣетъ меньше населенія, чѣмъ брэнтрійская, отсюда вытекаетъ разница въ обложеніи) и для девяти десятыхъ жителей является въ большей или меньшей степени непріятностью.

Оно является непріятностью и для прохожихъ, такъ какъ имъ объясняется несимметричность дороги, о которой я говорилъ. Оно задерживаетъ развитіе округи и здороваго мѣстнаго духа... Зрѣлище Брэнтри и Боккинга съ ихъ двумя коммунальными управленіями, двумя кларками, двумя системами заказовъ и контрактовъ и до войны было въ достаточной степени обезкураживающимъ. Нынѣ оно принимаетъ характеръ роковой проблемы, ибо грязь и безпорядокъ на дорогѣ Брэнтри-Боккингъ не являются какимъ-то изолированнымъ фактомъ. Наоборотъ, это типичный примѣръ того, какъ все дѣлается въ Великобританіи, это грозное указаніе на тотъ путь, по которому можетъ пойти разрѣшеніе сложной проблемы индустріальной реконструкціи послѣ войны.

Пойдетъ-ли въ дѣйствительности?

Не могу сказать съ опредѣленностью. Мнѣ хотѣлось бы думать, что на предыдущихъ страницахъ я изобразилъ особо исключительный случай муниципальной нелѣпости. Къ сожалѣнію, я долженъ констатировать, что гдѣ я ни знакомился съ состояніемъ мѣстнаго самоуправленія, вездѣ я находилъ ту-же ненужную расточительность, тоже несовершенство организаціи. Когда нѣсколько времени назадъ я отправился въ Брэнтри для того, чтобы провѣрить всѣ разсказанныя выше детали, на дорогѣ между Малымъ Истономъ и Данмоу мой путь былъ прегражденъ настоящимъ наводненіемъ. Ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ дней эта дорога заливается водой и становится непроходимой и все потому, что одна часть ея подвѣдомствена совѣту графства, а другая—приходскому управленію Малаго Истона, и оба учрежденія никакъ не могутъ придти къ соглашенію относительно пропорціональнаго распредѣленія

между ними расходовъ по починкѣ. Подобныя вещи вопіютъ къ небу. А между тѣмъ, подымаясь все выше по той же самой лѣстницѣ, вы встрѣтите не меньшую неразбериху, не меньшее нагроможденіе препятствій для быстрой и цѣлесообразной координаціи дѣйствій среди совѣтовъ графствъ, встрѣтите то же безполезное умноженіе числа кларковъ, то же обширное поле для всякаго рода столкновеній, препирательствъ, тяжбъ между сосѣдними областями, отдѣленными другъ отъ друга нелѣпыми границами. И такъ вплоть до Вестминстера, и даже еще дальше...

Мнѣ очень непріятно писать всѣ эти вещи о двухъ захолустныхъ мѣстечкахъ, не причинившихъ мнѣ лично никакого зла. Но то, на что я указывалъ въ предыдущихъ строкахъ, должно быть сказано, ибо мы приближаемся къ великому кризису, когда медлительность, неразбериха и безполезная растрата силъ могутъ имѣть для насъ роковыя послѣдствія. Такъ до сихъ поръ было въ Англіи, таковъ былъ нашъ привычный способъ дѣйствія, но если все останется безъ перемѣны и послѣ войны, то—я не сомнѣваюсь—нашу имперію ждетъ быстрая и безславная гибель. Очень возможно, конечно, что дѣла идутъ не лучше и въ другихъ странахъ — Россіи, Франціи, Германіи, Америкѣ. Я не хочу проводить параллелей. Всѣ мы люди, всѣ мы слѣплены приблизительно изъ одной и той же глины, и вездѣ работаютъ приблизительно однѣ и тѣ же силы. Однако, эта отговорка, столь популярная въ Англіи, нисколько не мѣняетъ сути: если мы не откажемся отъ старыхъ методовъ и пріемовъ, мы все-таки погибнемъ. И, по совѣсти говоря, меня весьма мало утѣшаетъ то обстоятельство, что мы погибнемъ не одни, а вмѣстѣ съ другими.

Я не сомнѣваюсь, что есть опредѣленныя—и при томъ чрезвычайно красочныя—причины, объясняющія всю эту безтолковщину въ нашихъ мѣстныхъ дѣлахъ, не сомнѣваюсь, что, напр., нелѣпая граница между приходами Ньютонъ и Виднигтонъ въ Эссексѣ, граница, глядя на которую кажется, что ее провелъ пьяный ямщикъ, несущіійся въ сломанной телѣгѣ, имѣетъ за собой глубокія историческія основанія. Дорога Боккингъ-Брэнтри—старинная дорога народовъ, по которой двѣ тысячи лѣтъ назадъ мѣрно шагали римскіе легіоны, приносившіе гибель и смерть совѣтамъ и кларкамъ родовой эпохи, и человѣкъ, склонный къ размышленіямъ, сдѣлалъ бы изъ даннаго обстоятельства немало поучительныхъ выводовъ. Это, однако, нисколько не мѣняетъ того факта, что всѣ подобныя усложненія, столь обильныя въ англійской жизни, означаютъ собой огромное расточеніе человѣческой энергіи. Это не мѣняетъ также и другого, еще болѣе грознаго факта, факта, заставляющаго меня съ тревогой вглядываться въ будущее,—факта, что до сихъ поръ нація не дала еще несомнѣннаго доказательства своей готовности разъ навсегда покончить съ кривыми линіями и окольными путями. Какъ жаль, что никогда до сихъ поръ и на протяженіи всего нашего историческаго развитія мы не обнаруживали этой божественной страсти дѣлать дѣло ясно, точно, основательно и съ минимальной затратой силъ, страсти, необходимой для „выпрямленія" всего нашего существованія, въ данномъ конкретномъ случаѣ для уничтоженія безконечныхъ локальныхъ осложненій и конфликтовъ. Всегда мы удовлетворялись старыми, запутанными, дорого стоющими путями, и этой скверной при-

вычкѣ мы продолжаемъ слѣдовать вплоть до сегодняшняго дня...

Лежитъ ли подобный образъ дѣйствій у насъ въ крови? Или же это только глубоко укоренившійся обычай, объясняющійся долгими вѣками безопасности и столь неисчерпаемаго изобилія, что никакое расточеніе не могло казаться опаснымъ? Въ самомъ дѣлѣ, эта страсть къ экстравагантности и усложненіямъ, что это—неискоренимая черта нашего національнаго характера или же случайное поверхностное наслоеніе?

Представьте себѣ, что въ одинъ прекрасный день кларкъ изъ Брэнтри пришелъ бы къ кларку изъ Боккинга и сказалъ бы: „Послушай, любой изъ насъ можетъ прекрасно справиться съ работой обоихъ. Счастливыя времена миновали, и должности подобно людямъ, должны быть готовы умирать за отечество. Бросимъ жребій, и кому выпадетъ уходить, тотъ постарается найти для себя какое-либо другое полезное занятіе“. Акты подобнаго благородства бывали, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ любопытная выдержка изъ нью-іоркскаго „World“ отъ 15 февраля 1916 г.:

„За два не совсѣмъ обыкновенныхъ поступка Генри Брюйеръ будетъ, вѣроятно, вспоминаться Нью-Іоркомъ дольше 9 дней. Въ самомъ началѣ своей карьеры онъ заявилъ, что занимаемый имъ постъ излишенъ, ибо его работу можетъ легко выполнять другой служащій. Нынѣ Генри Брюйеръ совсѣмъ отказался отъ своего мѣста, несмотря на то, что оно приносило ему 12.000 долларовъ въ годъ“.

Представьте себѣ далѣе, что населеніе Брэнтри и Боккинга, не дожидаясь добродѣтельнаго примѣра, рѣшило бы: „Пусть у насъ будетъ одинъ коммунальный совѣтъ и одинъ кларкъ, забудемъ

эту глупую претензію, будто бы одинъ городъ есть два города и — смѣло пойдемъ впередъ!“ Представьте, что одинъ изъ джентльменовъ, сидящихъ въ министерствѣ мѣстнаго управленія, занялся бы работой по передѣлу муниципальныхъ областей на болѣе раціональныхъ основаніяхъ. Представьте, что высшее начальство при этомъ оказало бы ему поддержку вмѣсто того, чтобы бросать ему палки въ колеса. Если бы наблюдалось что-нибудь подобное, я не сомнѣвался бы въ нашемъ будущемъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности я вижу совсѣмъ иное. Я вижу повсюду маленькихъ, подозрительныхъ, настороженныхъ людишекъ, думающихъ только о себѣ, заботящихся только о своей колокольнѣ, смертельно боящихся каждаго шага впередъ...

Я знаю, что въ отвѣтъ на мои критическія замѣчанія мнѣ приведутъ тысячу извиненій, оправдывающихъ все это огромное расточеніе силъ и энергіи въ сферѣ мѣстнаго управленія, которое, повторяю, является для меня лишь яркимъ образчикомъ общаго характера современной дѣятельности человѣчества. Попробуйте ближе присмотрѣться къ неразберихѣ, о которой выше шла рѣчь, и повсюду вы откроете наличность самыхъ „законныхъ“ правъ и притязаній, стоящихъ на пути къ осуществленію всякаго рода радикальныхъ мѣропріятій. Я не сомнѣваюсь, что Боккингъ имѣетъ чрезвычайно вѣскія соображенія ставить Брэнтри въ качествѣ базиса для совмѣстной работы такія условія, которыя для Брэнтри являются совершенно непріемлемыми. Я очень хорошо понимаю, что сліяніе двухъ коммунъ въ одну можетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ осложненій и непріятностей, что оно можетъ означать серьезную потерю для такого-то и такого-то, или неза-

служенную выгоду для такого-то и такого-то. Я признаю, что потребовались бы годы и годы для разрѣшенія проблемы о единомъ водопроводѣ или единомъ мусорщикѣ на началахъ полной справедливости.

Все это такъ. Но на чемъ я тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ настаивать самымъ категорическимъ образомъ, — такъ это на томъ, что всѣ эти маленькія притязанія, права и интересы, всѣ эти кусочки порядочности и справедливости не могутъ и не должны быть препятствіемъ для новыхъ методовъ дѣйствія, методовъ ясныхъ, точныхъ, рѣшительныхъ, съ зоркимъ взглядомъ и широкимъ размахомъ. Они не должны были быть препятствіемъ и раньше, тѣмъ болѣе они не должны быть сейчасъ. Сначала сдѣлаемъ дѣло какъ слѣдуетъ, а тамъ, если окажется необходимымъ, мы сможемъ вознаградить всякое лицо, которое понесло убытки отъ происшедшей перемѣны. Мы начинаемъ признавать, что отъ людей можно требовать умирать за свое отечество,—намъ остается признать, что точно также можно требовать умирать за отечество отъ собственности, интересовъ, правъ и привиллегій. И Боккингъ, и Брэнтри, и мистеръ Джонъ Смисъ — тотъ самый мистеръ Джонъ Смисъ, который составляетъ страну,— слишкомъ много думали до сихъ поръ о правахъ, привиллегіяхъ и интересахъ Боккинга, Брэнтри и мистера Джона Смиса. Теперь они должны научиться думать объ этихъ предметахъ иначе...

Вспомните въ самомъ дѣлѣ о тѣхъ громадныхъ проблемахъ, которыя встанутъ въ ближайшемъ будущемъ хотя бы только передъ Великобританіей (не въ лучшемъ положеніи окажутся и всѣ другія воюющія страны, за исключеніемъ развѣ Италіи и Японіи). Въ настоящее время отъ

6 до 10 милліоновъ нашего населенія заняты войной—прямо и непосредственно въ арміи или косвенно на аммуниціонныхъ заводахъ, въ области транспорта и т. д. По крайней мѣрѣ, пять шестыхъ этого числа должны будутъ вернуться къ своей „мирной" работѣ на протяженіи года послѣ окончанія войны. И это въ то время, когда промышленность, торговля, пути сообщенія будутъ находиться въ состояніи полной дезорганизаціи и разстройства. Придется спѣшно создавать новую экономическую систему, придется кормить, давать занятіе, распредѣлять широкія массы выбитаго изъ нормальныхъ условій населенія въ обстановкѣ страшнаго финансоваго напряженія, среди легіоновъ раненыхъ, калѣкъ, вдовъ, сиротъ и всякаго вообще безпомощнаго люда. Въ теченіе дальнѣйшихъ одного или двухъ лѣтъ жизнь цѣлой половины націи должна быть приведена въ соотвѣтствіе съ создавшимся положеніемъ. Нужны поистинѣ административные гиганты для того, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно справиться съ подобной задачей. Она, эта задача, будетъ достаточно трудна сама по себѣ, даже если бы не существовало никакой оппозиціи со стороны „законныхъ" правъ, упрямыхъ собственниковъ и ловкихъ спекулянтовъ, и если бы административная машина—уже готовая и законченная—была образцомъ совершенства. Во сколько же разъ труднѣе будетъ разрѣшеніе исполинскихъ проблемъ послѣвоеннаго періода, если каждый Боккингъ въ странѣ будетъ ставить непріемлемыя условія каждому Брэнтри, а каждый Брэнтри каждому Боккингу, въ результатѣ чего дорога между ними остается въ невозможномъ состоянія, и если каждый Джонъ Смисъ, имѣющій какое-либо притязаніе, будетъ настаивать на правомѣрности своихъ

ожиданій прибыли и дивиденда и на правомѣрности своихъ требованій на полученіе законной компенсаціи?

Я беру на себя смѣлость утверждать, что если разрѣшеніе великаго кризиса, навстрѣчу которому мы идемъ, будетъ происходить подъ знакомъ того мелочно-торгашескаго, завистливаго, безстрастно-юридическаго духа, который господствовалъ въ Англіи на протяженіи полустолѣтія моего существованія,—онъ вообще не будетъ разрѣшенъ въ сколько-нибудь удовлетворительной формѣ. Нынѣшняя война глубоко деморализовала и дискредитировала господствующіе классы Великобританіи, и если огромныя массы безработнаго и голоднаго люда, не сдерживаемаго болѣе сознаніемъ внѣшней опасности, массы, привыкшія къ обращенію съ оружіемъ и имѣющія во главѣ извѣстное количество симпатизирующихъ имъ офицеровъ, если эти массы будутъ грубо и безпорядочно выброшены въ міръ высокихъ цѣнъ и растущихъ квартирныхъ платъ, „законныхъ" преградъ и юридическихъ усложненій, жадныхъ спекулянтовъ и потрясенной промышленности, то мы неизбѣжно придемъ къ революціи. Придемъ, если мы сдѣлаемъ серьезную попытку влить новое вино человѣчества, новые элементы броженія,—одновременно и столь полные надежды и столь угрожающіе—въ прежнюю административную бутылку, служившую намъ передъ войной.

Величайшимъ безуміемъ было бы допустить, чтобы старые „юристы", политики и представители „собственности" рѣшали великія проблемы національной реконструкціи по минованіи войны столь излюбленными имъ традиціонными методами, о которыхъ мы имѣемъ достаточное представленіе по хорошо извѣстному намъ опыту прошлаго. Это

было бы столь же раціонально, какъ если бы заматерѣлый каменьщикъ, строго соблюдающій всѣ трэдъ-уніонистскія „правила“, вздумалъ бы остановить лавину, катящуюся съ горы. И такъ какъ, несмотря на мои припадки депрессіи, въ основѣ я все-таки не пессимистъ, то я не вѣрю, чтобы старый мертвящій духъ непремѣнно былъ такимъ ужъ всемогущимъ. Не вѣрю, потому что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій новый многообѣщающій духъ обнаружился въ сферѣ общественныхъ и политическихъ отношеній. Наши оффиціальные правители и вожди сильно отстали отъ вѣка, въ молодомъ же поколѣніи—скажемъ, тридцати лѣтъ и ниже,—которое нынѣ въ такихъ огромныхъ массахъ имѣетъ случай, сидя въ траншеяхъ, подумать о жизни и о своихъ старшихъ братьяхъ, кроются столь обширные запасы непочатыхъ силъ и энергіи, новыхъ интеллектуальныхъ привычекъ и новыхъ интеллектуальныхъ возможностей, что аргументы въ пользу соціальной революціи послѣ войны, аргументы, основанные на типичномъ примѣрѣ Боккингъ-Брэнтри, какъ-то невольно теряютъ свою убѣдительность.

Но въ чемъ же состоитъ тотъ новый духъ, о которомъ я только что упомянулъ?

Это—творческій духъ въ отличіе отъ формально-юридическаго духа. Это духъ мужественнаго дѣла, а не духъ пассивнаго выжиданія и стяжательства. Это духъ, который смотритъ въ будущее, а не въ прошлое. Это духъ, который заставляетъ Боккингъ забыть, что онъ не Брэнтри, а Джона Смиса забыть, что онъ Джонъ Смисъ, и помнить обоихъ, что они—Англія.

Есть два діаметрально противоположныхъ взгляда на жизнь. Одинъ взглядъ — индивидуалистическій—исходитъ изъ понятія „я“, какъ центра міро-

зданія, а другой взглядъ, въ той или иной формѣ проповѣдуемый всякой религіей, ставитъ это „я“ въ зависимость отъ иныхъ болѣе общихъ и широкихъ концепцій. Есть два Брэнтри: одно чувствуетъ себя Брэнтри и только Брэнтри, чуждается Англіи и всего остального міра, стремится давать имъ возможный минимумъ и получать отъ нихъ возможный максимумъ, и есть другое Брэнтри, которое идентифицируетъ себя съ Англіей и задается вопросомъ, какъ оно можетъ послужить міру, какъ оно можетъ воспитывать лучше, производить больше, строить дороги прямѣе, дабы движеніе человѣчества совершалось свободнѣе и безпрепятственнѣе.

Каждый американецъ знаетъ округъ, посылающій своего депутата въ Вашингтонъ для работы на благо этого округа, и другой округъ, гораздо болѣе рѣдкій округъ, посылающій своего представителя для работы на благо всей республики. Есть Джонъ Смисъ, который относится къ Англіи и міру, какъ клещъ относится къ сыру, и есть Джонъ Смисъ, который относится къ своей родинѣ, какъ овчарка относится къ своему стаду. Первый воплощаетъ въ себѣ духъ индивидуализма, азарта и нашего нынѣшняго „закона“, послѣдній — духъ соціализма, науки и... хаки. Оба они сидятъ въ насъ, оба ведутъ непрерывную борьбу: сегодня побѣждаетъ одинъ, завтра другой. Война не столько даетъ перевѣсъ какому-либо одному началу, сколько подчеркиваетъ разницу между ними. Одинъ богачъ-землевладѣлецъ переселяется изъ Англіи въ Нью-Іоркъ для того, чтобы избѣжать уплаты налоговъ,—другой превращаетъ свой домъ въ госпиталь и идетъ помогать бѣженцамъ изъ Сербіи. Акты низости, какъ и благородства, заразительны. Этотъ готовъ пожертвовать

собой, воспламененный разсказомъ о героическомъ поступкѣ, — тотъ, наоборотъ, не желаетъ шевельнуть пальцемъ, пока сэръ Ф. Е. Смисъ не пойдетъ на фронтъ. И всякій пророкъ, гадающій о будущемъ, долженъ умѣть учитывать относительное значеніе всѣхъ подобныхъ неопредѣлимыхъ и невѣсомыхъ вещей.

Брэнтри-Боккингская граница, проходящая по серединѣ дороги, опоясываетъ весь міръ. Вы безъ труда найдете ее въ Ирландіи, гдѣ одни джентльмены торгуютъ застарѣлой подозрительностью сѣвера, а другіе—застарѣлой подозрительностью юга. Вы найдете эту границу также и въ Англіи среди почтенныхъ столповъ общества, готовыхъ скорѣе погубить имперію, чѣмъ честно и справедливо обращаться съ рабочими. Вы найдете здѣсь не только границы церковныхъ приходовъ, но также границы парковъ, классовъ и сектъ. Равнымъ образомъ вы найдете Брэнтри-Боккингскую линію и въ десяткахъ пунктовъ остальной Европы. Эта роковая линія—проволочныя загражденія, стоящія между нами и столь желаннымъ всеобщимъ миромъ. Противъ нихъ, этихъ проволочныхъ загражденій, новый духъ ведетъ сейчасъ отчаянную борьбу въ тысячахъ человѣческихъ умовъ. Гдѣ онъ окажется сильнѣе всего? Въ какой изъ странъ онъ очиститъ себѣ раньше дорогу? Гдѣ онъ приступитъ скорѣе къ необходимой работѣ, сокращая тѣмъ самымъ періодъ неизбѣжныхъ конвульсій и смятенія? Погибнетъ-ли при этомъ какая-либо нація въ атмосферѣ безнадежнаго развала?

Я думаю, что на этотъ послѣдній вопросъ можно смѣло отвѣчать: „нѣтъ". Отвѣчать такъ по тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя заставляютъ меня вѣрить въ жизненность союзнической коалиціи послѣ войны. Я уже говорилъ, что, по моему мнѣнію, нынѣшняя борьба кончится не разгромомъ

какой-либо одной изъ столкнувшихся сторонъ, а всеобщимъ истощеніемъ. При такихъ условіяхъ повтореніе войны останется возможнымъ, но слишкомъ устрашающимъ. Марсъ, подобно гиганту, будетъ возвышаться въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ ближайшихъ десятилѣтій надъ человѣчествомъ, и его рѣчь, обращенная къ лежащему у его ногъ міру, будетъ полна угрозы и жестокости.

— Приведите свой домъ въ порядокъ,—скажетъ Марсъ человѣчеству:—если вы будете попрежнему ссориться между собой, тратить попусту время, сутяжничать, путать карты, гоняться за прибылью и манкировать своими обязанностями, я приду къ вамъ еще разъ. Я взялъ у васъ всѣхъ мужчинъ между 18 и 50 годами, убилъ и искалѣчилъ изъ нихъ столько, сколько хотѣлъ,—цѣлые милліоны. Я расточалъ съ презрѣніемъ накопленныя вами за долгія поколѣнія богатства. Теперь слушайте: среди васъ бѣгаютъ милліоны мальчиковъ въ возрастѣ отъ 9 до 19 лѣтъ, милыя и любимыя дѣти. А за ними придутъ еще и еще милліоны. Изъ нихъ я пока погубилъ, быть можетъ, какую-нибудь сотню тысячъ, да и то случайно. Но попробуйте продолжать то, что вы до сихъ поръ дѣлали, попробуйте, какъ и раньше, жить только для себя, для своей семьи, для своего прихода, а не для міра, попробуйте упрямо цѣпляться за свои старыя „права“, свои „притязанія“, бояться жертвъ, расточать, сопротивляться, подсиживать своего сосѣда, и я вернусь снова и безжалостно сниму весь новый урожай жизни, который я еще пощадилъ, всѣ эти милліоны дорогихъ мальчиковъ и юношей; я разотру ихъ между руками въ красную безформенную массу, смѣшаю съ грязью траншей и пожру на вашихъ глазахъ еще болѣе жадно и свирѣпо, чѣмъ я это сдѣлалъ съ вашими взрослыми братьями и сыновьями. Я уже взялъ у васъ ваши из-

бытки, въ слѣдующій разъ я возьму у васъ самое необходимое“.

Такъ скажетъ кровавый богъ Марсъ. И въ наши дни всеобщаго образованія широкія массы населенія сумѣютъ оцѣнить по достоинству его слова и его намѣренія. Люди, надъ которыми безсильны любовь къ порядку и творческіе инстинкты, могутъ быть устрашены мыслью о смерти и разрушеніи. Здѣсь, мнѣ думается, лежитъ тотъ могущественный аргументъ, который окажется въ состояніи сломить силу собственности, подраздѣленій, границъ, апатіи, которыя такъ долго держали въ своихъ оковахъ міръ. Рабочіе, возвращающіеся изъ траншей и требующіе планомѣрности, организаціи, умѣлаго и безкорыстнаго руководства, требующіе, чтобы ростовщикъ, банкиръ, лэндлордъ и „юристъ“-законникъ, если нужно, ушли совсѣмъ съ ихъ дороги, будутъ думать о врагѣ, все еще непокоренномъ, все еще страшномъ, постепенно оправляющемся отъ понесенныхъ имъ потерь. Обѣ стороны будутъ это чувствовать. Нынѣшній міръ гораздо болѣе образованъ, чѣмъ міръ 1816 г. Тысячи вопросовъ, касающіеся проблемъ долга и закона, были подняты и обсуждены съ тѣхъ поръ. Мы знаемъ неизмѣримо лучше, чѣмъ наши предки, что мы дѣлаемъ. И я думаю, что въ конечномъ счетѣ Джонъ Смисъ научится смотрѣть на міръ шире, чѣмъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ. То же самое случится и съ Жаномъ Дюпономъ, и съ Гансомъ Мейеромъ, и со всѣми другими. Конечно, тамъ и сямъ возможны болѣе или менѣе серьезные безпорядки и столкновенія; однако, мнѣ представляется мало вѣроятнымъ наступленіе длительнаго періода хаоса и разрушенія какъ въ Англіи, такъ и во всѣхъ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ. Мое пророчество гласитъ: реконструкція, а не революція.

V.

Европа и соціализмъ.

Нерѣдко утверждаютъ, что эта война должна положить конецъ индивидуализму. Принципу laisser faire нанесенъ смертельный ударъ. Каковы бы ни были результаты нынѣшней международно-политической бури, государство выйдетъ изъ нея болѣе организованнымъ, чѣмъ оно было раньше, то-есть менѣе индивидуалистическимъ и болѣе соціалистическимъ. Справедливость требуетъ сказать, что имѣется не мало факторовъ обратнаго свойства, способныхъ сильно модифицировать или даже совершенно парализовать общую тенденцію. Въ настоящей главѣ мы сдѣлаемъ попытку подвести нѣкоторый итогъ борьбѣ этихъ противорѣчивыхъ началъ и, хотя бы приблизительно, намѣтить тѣ взаимоотношенія между понятіями „частнаго“ и „общественнаго“, которыя будутъ существовать, скажемъ, въ Европѣ 1930 г.

Пророки, предсказывающіе приближеніе соціализма, базируютъ обыкновенно свою вѣру на аргументахъ троякаго рода. Во-первыхъ, они указываютъ на неспособность индивидуальной предпріимчивости создать что-нибудь равное по совершенству и дѣеспособности частичному государственному соціализму въ Германіи и на специфическія опасности, свойственныя частной соб-

ственности, опасности, такъ ярко обнаруженныя войной. Во-вторыхъ, они указываютъ на рядъ шаговъ въ сторону соціализма, которые Великобританія вынуждена была сдѣлать подъ вліяніемъ необходимости военнаго времени. Въ третьихъ, они ссылаются на тѣ огромныя потребности экономическаго свойства, которыя встанутъ передъ союзниками вообще, предъ Англіей въ частности, послѣ войны и которыя не смогутъ быть сколько-нибудь раціонально удовлетворены путемъ неорганизованныхъ усилій частной иниціативы. Всѣ эти аргументы заключаютъ въ себѣ допущеніе, что простого сознанія общаго блага будетъ достаточно для того, чтобы побѣдить личные мотивы и узко-классовые интересы, допущеніе, по меньшей мѣрѣ, весьма рискованное. Впрочемъ, чего окажется не въ состояніи сдѣлать сознаніе общаго блага, того сможетъ, пожалуй, достигнуть сознаніе общей опасности. Мы уже раньше пришли къ заключенію, что Германія будетъ побѣждена, но не уничтожена. Въ ней останется достаточно жизненности, энергіи и злого націонализма для того, чтобы не только обезпечить продолженіе союза Англіи, Франціи, Россіи и Италіи послѣ войны, но также сохранить въ умахъ одного или двухъ поколѣній сознаніе общей угрозы, могущей до извѣстной степени парализовать разъѣдающее дѣйствіе индивидуальныхъ антагонизмовъ. Остановимся на этой проблемѣ нѣсколько внимательнѣе.

Не сила, а слабость Германіи породила эту войну. Слабость Германіи заключается въ ея имперіализмѣ, въ ея юнкерствѣ и въ ея преувеличенно-сентиментальномъ націонализмѣ. Имперіалисты и юнкера не хотѣли признавать гегемоніи, которая бы не была создана физической силой; націоналисты же сдѣлали идею германской гегемоніи ненавистной

всему человѣчеству. Лучше смерть, чѣмъ это,— говорили мы уже раньше. И если бы Германія представляла собою только дворъ, юнкерство и націонализмъ, она была бы смята и опрокинута среди всеобщаго презрѣнія и негодованія въ теченіе какихъ-либо нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Сила спасла ее отъ подобной участи. Германія въ одно и то же время и самое архаическое, и самое современное изъ государствъ. Она—монархія Гогенцоллерновъ, претендующихъ на званіе цезарей, и на шпицѣ ея развѣвается черный орелъ, заимствованный у императорскаго Рима. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она наиболѣе соціалистическая и научнообразованная страна въ мірѣ. Именно ея наука и ея соціализмъ сдержали и продолжаютъ сдерживать до сихъ поръ страшный натискъ мстителей угнетенной Бельгіи. Если Германія потерпѣла пораженіе, какъ завоеватель, она побѣдила, какъ организаторъ. Ея честолюбію былъ нанесенъ тяжелый ударъ, ея методы дѣйствія подверглись суровому осужденію. Она, несомнѣнно, будетъ настолько побѣждена, что ей придется вернуть противникамъ всю захваченную у нихъ территорію, она, вѣроятно, потеряетъ также свои колоніи; наконецъ, возможно, что она будетъ вынуждена закончить процессъ своей модернизаціи отказомъ отъ воинствующаго имперіализма. И, однако, Германія будетъ имѣть удовлетвореніе сознавать, что метаморфозы, вызванныя ею въ ея главныхъ противникахъ, будутъ носить еще болѣе глубокій и серьезный характеръ.

Германія Гогенцоллерновъ получила смертельную рану на Марнѣ. Германія, съ которой мы сражаемся сейчасъ, есть Германія Круппа и Оствальда,—она точно сбросила маску, скрывавшую до сихъ поръ ея подлинное лицо. Эта Германія была

и донынѣ методична и цивилизована во всемъ, за исключеніемъ своихъ цѣлей и идеаловъ,—теперь она должна будетъ стать методичной и цивилизованной до конца. Англіи, Россіи и Франціи, съ которыми Германія ведетъ войну, придется пережить болѣе глубокую эволюцію. Эта эволюція будетъ происходить не вопреки войнѣ, а благодаря войнѣ. И только переживши ее, союзники смогутъ выиграть войну. Больше того: если бы война даже кончилась для нихъ неудачно, ихъ внутреннее перерожденіе неизбѣжно. Перечисленныя страны въ ходѣ борьбы не только отбрасываютъ въ уголъ старый хламъ, отъ котораго имъ уже давно слѣдовало бы избавиться, онѣ создаютъ сейчасъ также новую систему государственной организаціи, новыя и болѣе раціональныя взаимоотношенія между собою, которыя должны будутъ остаться и по окончаніи войны.

Пережитый въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ опытъ заставилъ каждаго интеллигентнаго человѣка внѣ Германіи сознать два кардинальныхъ факта: во-первыхъ, опасность индивидуализма; во-вторыхъ, настоятельную необходимость примѣненія научнаго метода въ сферѣ общественныхъ дѣлъ. Опасность индивидуализма за время войны была иллюстрирована цѣлымъ рядомъ поистинѣ разительныхъ примѣровъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Если бы существовала дѣйствительная соціалистическая пропаганда, если бы соціалистическія организаціи являлись хоть сколько-нибудь существеннымъ факторомъ въ современной политикѣ, эти примѣры стали бы уже давно достояніемъ каждаго. Быть можетъ, будетъ небезынтересно остановиться сейчасъ на нѣсколькихъ наиболѣе краснорѣчивыхъ фактахъ.

Пожалуй, лучшей иллюстраціей безплоднаго

расточенія силъ, какъ слѣдствія индивидуализма, можетъ служить крайняя дислокація транспорта, обнаружившаяся въ Англіи въ началѣ войны. Въ сущности, нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній для сколько-нибудь значительнаго вздорожанія топлива и пищевыхъ продуктовъ по сравненію съ до-военнымъ временемъ. То же количество земли, что и раньше, находится подъ посѣвами, и тѣ же заграничные рессурсы стоятъ открытыми для Англіи, какъ и въ эпоху мира. Болѣе того, значительныя массы заграничныхъ продуктовъ, которыя при нормальныхъ условіяхъ были бы отправлены въ Германію, нынѣ остаются неиспользованными на міровомъ рынкѣ. Блокада Великобританіи со стороны нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ, конечно, не можетъ приниматься всерьезъ, и однако, несмотря на все это, наблюдается постоянный ростъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Это, въ свою очередь, означаетъ повышеніе издержекъ производства и, такимъ образомъ, еще больше увеличиваетъ всеобщую скудость. Такова „домашняя“ сторона транспортныхъ затрудненій. Но имѣется также и военная сторона. Мало изготовлять аммуницію, надо еще умѣть доставлять ее на фронтъ. Между тѣмъ Великобританія сильно страдаетъ отъ перегрузки ея желѣзныхъ дорогъ. Это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ экономическихъ и военныхъ осложненій, и причина подобнаго положенія заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что англійская желѣзнодорожная сѣть не была построена, какъ единая великая система распредѣленія, а выросла въ условіяхъ своекорыстной конкурренціи между частными желѣзнодорожными компаніями. Каждая компанія застраивала опредѣленный участокъ земли и ставила всевозможныя затрудненія и препятствія

для другихъ аналогичныхъ компаній въ предѣлахъ своего вліянія. Отсюда—неудобныя соединенія, странные узлы и часто совершенно излишній параллелизмъ линій. Такъ, напримѣръ, почти всѣ компаніи имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ Лондонъ, и каждая изъ нихъ затрачиваетъ огромныя суммы на покупку земли для станціонныхъ помѣщеній, для подъѣздныхъ и запасныхъ путей; каждая изъ нихъ дѣйствуетъ на свой рискъ и страхъ внѣ всякаго отношенія къ другимъ. Громадныя пространства драгоцѣнной площади въ предѣлахъ столицы заняты ихъ складами угля и пустыми вагонами. Во многихъ провинціальныхъ городахъ часто двѣ, три и больше желѣзнодорожныхъ станціи расположены въ различныхъ концахъ города; улицы загромождены фурами и телѣгами нѣсколькихъ компаній, медлительно перевозящими товары съ одного мѣста на другое, хотя при наличности единаго товарнаго центра та же работа могла бы быть выполнена съ затратой десятой доли труда и издержекъ. И каждая компанія имѣетъ свой особый штатъ служащихъ, не привыкшій работать со штатомъ другихъ компаній. Съ начала войны правительство взяло подъ свой контроль весь сложный механизмъ желѣзнодорожнаго транспорта. Однако, всякій, кому приходилось путешествовать по Англіи, легко могъ убѣдиться собственными глазами, что и нынѣ на каждомъ разъѣздѣ стоятъ въ ожиданіи своей очереди длинныя ленты нагруженныхъ вагоновъ, свидѣтельствуя о безпримѣрномъ загроможденіи путей. А вагоны одной компаніи, доставившей товары въ сферу владѣній другой, возвращаются домой большей частью пустыми, и тысячи такихъ пустыхъ вагоновъ заполняютъ желѣзнодорожныя линіи на протяженіи всей страны. Тѣмъ самымъ Великобри-

танія совершенно безсмысленно расточаетъ огромныя количества денегъ и труда. Таковъ одинъ яркій примѣръ несовершенствъ индивидуалистическаго метода веденія общественныхъ дѣлъ, метода, преслѣдующаго исключительно лишь частную выгоду.

Другой примѣръ, такъ же ярко выявленный нынѣшней войной,—это полное отсутствіе взаимной связи, подчасъ рѣзкое противорѣчіе между задачами общаго блага и индивидуально-капиталистическими интересами. Разъ капиталистъ получаетъ свой процентъ, ему совершенно безразлично, гдѣ онъ вкладываетъ свои деньги — дома или заграницей, ему все равно, производятся ли его продукты въ Лондонѣ или Тимбукту. А между тѣмъ, каковъ результатъ такого равнодушія? Въ самомъ началѣ войны Великобританія открыла, что цѣлый рядъ важнѣйшихъ отраслей промышленности ушелъ изъ страны, такъ какъ эти отрасли не приносили достаточной прибыли предпринимателямъ. Господствующій нынѣ недостатокъ красокъ можетъ служить наиболѣе типичнымъ образчикомъ создавшейся ситуаціи. Еще болѣе серьезныя послѣдствія могъ имѣть недостатокъ цинка. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны Британское правительство было вынуждено предпринять совершенно экстраординарные шаги для того, чтобы обезпечить полученіе достаточнаго количества этой необходимой составной части патроновъ. Индивидуализмъ позволилъ производству цинка уйти въ Бельгію и Германію. Еще счастье, что одинъ или два цинковыхъ завода случайно уцѣлѣли въ Великобританіи, иначе она оказалась бы въ совершенно невозможномъ положеніи.

Въ области производства металловъ на свѣтъ Божій выплыли еще болѣе странныя вещи. При

господствѣ индивидуалистической системы каждый продаетъ продукты тому, кто предлагаетъ самыя высокія цѣны, и потому каждый, кто обладаетъ достаточно толстымъ кошелькомъ, можетъ притти откуда угодно и покупать все, что ему нравится. Когда началась война, оказалось, что громадныя массы коловіальной руды были фактически захвачены крупными нѣмецкими синдикатами, и подвозъ ихъ въ Англію былъ ими искусственно задержанъ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ, показывающій, что въ то время, какъ промышленное развитіе союзныхъ странъ шло по пути близорукаго частнокапиталистическаго хозяйничанія, Германія уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ сумѣла внести въ данную область болѣе дальновидные принципы коллективизма. По сравненію съ относительно мелкими, полными взаимной ревности и соперничества капиталистами Англіи и Америки, Германія возвышается, какъ единый крупный капиталистъ, не знающій конкурренціи. Германія вездѣ работала по опредѣленному, строго продуманному плану. Въ борьбѣ противъ ея огромнаго электрическаго трэста, напримѣръ, можетъ устоять только другой трэстъ приблизительно такихъ же размѣровъ. Германія проводила телеграфъ и электрическое освѣщеніе въ укрѣпленіяхъ Льежа. Она купила и подготовила сотни стратегическихъ центровъ въ индивидуалистическихъ Бельгіи и Франціи.

Какъ видимъ, индивидуализмъ порождаетъ не только безнадежную путаницу отношеній, но онъ также открываетъ безграничныя возможности подкупа. Кто обладаетъ достаточнымъ количествомъ денегъ, можетъ все поставить подъ свой контроль. И Германія въ своей подготовкѣ и борьбѣ съ ея индивидуалистическими соперниками задалась цѣлью не только скупить и такимъ образомъ за-

хватить въ свои руки ключи и гайки экономической машины,—она настойчиво стремилась также,—правда, довольно грубо и съ малымъ успѣхомъ,—подкупить умы ея противниковъ. Западныя націи чрезвычайно гордятся тѣмъ, что онѣ обладаютъ свободной прессой, т. е. прессой, которую можетъ купить всякій. Наша пресса непрерывно покупается и продается, оптомъ и въ розницу, финансистами, политическими партіями, поставщиками объявленій и т. п. Германія пришла на этотъ рынокъ слишкомъ шумно, а крупныя газеты живутъ, вѣдь, до извѣстной степени въ стеклянныхъ домикахъ. Однако, ея усилія были совершенно достаточны для того, чтобы поставить предъ сознаніемъ большого количества людей тревожный вопросъ: а что было бы, если бы Германія повела свою аттаку на нашу прессу болѣе искусно?..

Нельзя отдѣлываться отъ этого вопроса отвѣтомъ, что столь націоналистическая и аггрессивная страна, какъ Германія, не способна проявить подобнаго искусства. Фактъ остается фактомъ: въ настоящее время въ Англіи имѣются газетные предприниматели, которымъ Германіи стоило бы заплатить по парѣ милліоновъ фунтовъ каждому, и, если она не успѣла сдѣлать этого до того, какъ „торговыя сношенія съ непріятелемъ“ стали преступленіемъ, то мы должны благодарить только наше счастье и естественный патріотизмъ нашихъ гражданъ, но отнюдь не индивидуалистическую систему. Совершенная случайность, что, напримѣръ, лордъ Нордклиффъ оказался человѣкомъ, надѣленнымъ чувствомъ политической отвѣтственности. Однако, во всей системѣ господствующаго индивидуализма не было ничего, что могло бы воспрепятствовать Германіи скупить за пять лѣтъ до войны всю нордклиффскую прессу — „Times“,

„Daily Mail“, „Daily Dispatch“ и др.—и использовать это орудіе для того, чтобы отравить наше національное сознаніе, разрушить наше національное единство, нанести вредъ нашимъ національнымъ интересамъ и парализовать нашу національную волю.

И не только газеты, но также и вся книжная торговля Великобританіи и Америки могутъ легко попасть въ руки любой враждебной державы, задавшейся цѣлью незамѣтно и систематически ее скупить. Все дѣло въ деньгахъ и умѣніи. И если попытка нѣмцевъ захватить въ свои руки англійскую и французскую прессу окончилась совершенной неудачей, то того же нельзя сказать, напримѣръ, объ Испаніи. Въ настоящее время мысль и чувства странъ, говорящихъ по испански, воспитываются въ духѣ, враждебномъ союзникамъ. Испанское сознаніе было продано его хранителями германскому имперіализму.

Однако, безпорядочностью и продажностью еще не исчерпываются всѣ недостатки индивидуализма. Индивидуализмъ поощряетъ также предательство и дезертирство. Онъ позволяетъ лицамъ безъ совѣсти и чести эксплоатировать въ свою пользу національные рессурсы и наживать прибыль на народныхъ страданіяхъ. Въ началѣ войны нѣсколько просвѣщенныхъ умовъ додумались до идеи синдиката въ производствѣ медицинскихъ препаратовъ. Подобный синдикатъ не воспрещенъ закономъ и онъ принадлежитъ къ числу явленій, обладающихъ особой притягательной силой для индивидуалистическаго ума. Какъ писалъ недавно „New Statesman“: „счастливые собственники наличнаго запаса нѣкоторыхъ наиболѣе необходимыхъ лекарствъ не могли отказать себѣ въ удовольствіи заставить платить за свои продукты не

только различныя правительства, но также всѣхъ больныхъ пяти частей свѣта двойныя, тройныя и десятерныя цѣны за препараты, ослабляющіе боль и спасающіе жизнь. Какія состоянія были сдѣланы на этомъ гешефтѣ, мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, какъ не узнаемъ мы ни печальной исторіи тысячъ и десятковъ тысячъ человѣческихъ существъ, страдавшихъ и умершихъ благодаря своей неспособности платить, ни истинной стоимости производства продуктовъ, ни уровня прибыли, которую оказались въ состояніи положить себѣ въ карманъ немногіе баловни судьбы".

Еще одинъ яркій примѣръ значенія индивидуализма—продажа англійскими судоходными компаніями пароходовъ нейтральнымъ покупателямъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда страна больше всего нуждается въ нихъ, и перенесеніе въ Америку извѣстнаго числа британскихъ предпріятій, съ цѣлью избѣжать уплаты налоговъ. Англичане, переселявшіеся въ Америку въ различныя времена, представляли собою различные типы. Впереди—англичане, которые переплыли океанъ въ расцвѣтѣ своей молодости, въ самомъ концѣ—дряхлые богачи, выброшенные водоворотомъ нынѣшней войны...

Быть можетъ, еще болѣе выразительнымъ свидѣтельствомъ внутренней гнилости тѣхъ „дѣловыхъ людей", которыхъ нѣкоторые эксцентричные голоса призываютъ придти и править нами, является то глубокое недовѣріе, которое они сумѣли посѣять по отношенію къ себѣ въ сознаніи рабочаго класса. Никогда атмосфера дисциплины не была такъ внутренне отравлена, какъ на фабрикахъ и заводахъ крупныхъ предпринимателей Западной Европы и Америки. Рабочіе на нихъ, видимо, всегда ожидаютъ обмана и надувательства

на каждомъ шагу. Я могу объяснить себѣ возможность подобной психологіи только тѣмъ, что ихъ дѣйствительно обманываютъ и надуваютъ. Ихъ злоба и презрѣніе по отношенію къ предпринимателямъ не имѣютъ предѣловъ, и напрасно Ллойдъ-Джорджъ пытается исцѣлить эту вѣковую болѣзнь получасомъ пламеннаго краснорѣчія. Когда Великобританія въ годину острой нужды обращается къ своимъ рабочимъ, воспитывавшимся въ теченіе ряда десятилѣтій въ атмосферѣ индивидуализма, она пожинаетъ лишь плоды тѣхъ сѣмянъ, которыя сама посѣяла. И потому ей приходится на каждомъ шагу бороться съ огромными препятствіями. Каждая мѣра, имѣющая цѣлью обезпеченіе широкой мобилизаціи труда, разсматривается пролетаріатомъ, какъ новая западня, разставленная передъ нимъ предпринимателемъ. И справедливость требуетъ сказать, что пролетаріатъ далеко не всегда ошибается. Нельзя отрицать, что въ глубокомъ недовѣріи, которое британскій рабочій обнаруживаетъ по отношенію къ военной и индустріальной конскрипціи, скрывается много инстинктивной политической мудрости.

Крахъ индивидуализма въ Великобританіи настолько несомнѣненъ, что это старинное и мало подвижное королевство рѣшается нынѣ приняться за собственную перестройку въ эпоху величайшей міровой войны. Временная національзація сухопутнаго транспорта уже осуществлена, и лишь глубоко укоренившееся и могущественное вліяніе судовладѣльцевъ и угольныхъ бароновъ препятствовало пока принятію аналогичныхъ мѣръ въ сферѣ воднаго транспорта и добыванія угля. Я не знаю, смогутъ ли они удержать эту привиллегію до конца войны, если мы серьезно задаемся цѣлью сокрушить германскій милитаризмъ. Экспропріа-

ція, а не конскрипція, вотъ что является высшимъ доказательствомъ британской вѣрности союзникамъ.

Британскіе судовладѣльцы въ особенности извлекаютъ громадныя прибыли изъ войны. Блокада Англіи ея собственными судовладѣльцами едва ли менѣе дѣйствительна, чѣмъ блокада Германіи англійскимъ флотомъ. Несмотря на громадную нужду въ судахъ для доставки съѣстныхъ припасовъ въ предѣлы Соединеннаго Королевства, англійскіе пароходы продолжаютъ перевозить до сихъ поръ дешевые американскіе автомобили въ Австралію. Они охотно перевозили бы аммуницію въ Германію, если бы ихъ владѣльцы не боялись быть пойманными. Англійскіе судовладѣльцы представляютъ собою классъ съ огромнымъ политическимъ и общественнымъ вліяніемъ и не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ только прогрессирующее напряженіе борьбы вызоветъ серьезное сокращеніе ихъ нынѣшнихъ прибылей, они поспѣшатъ перейти на сторону пока ничтожной группы британскихъ пасифистовъ. Я думаю, что ихъ эгоизму и предательству нѣтъ границъ.

Мнѣ кажется, что расчеты нѣкоторыхъ крайнихъ и, повидимому, слишкомъ увлекающихся пасифистовъ до извѣстной степени правильны. Къ концу войны къ услугамъ пасифистовъ будутъ очень крупныя деньги. Капиталисты Вестъ-Энда подадутъ руки рабочимъ на Клфейдѣ,—отщепенцы бываютъ въ каждомъ классѣ, но я сомнѣваюсь, чтобы они гдѣ-либо доминировали. Я не вѣрю, чтобы какая либо группа или группы въ Великобританіи оказались въ силахъ помѣшать народу довести эту борьбу до побѣдоноснаго конца. Я не вѣрю, чтобы самыя священныя узы личной дружбы или кровной связи съ сильными міра сего могли спасти судовладѣльцевъ, углепромышленниковъ и

военныхъ поставщиковъ отъ заслуженнаго ими конца. „Конскрипція собственности“ должна быть проведена во чтобы то ни стало, такъ какъ въ противномъ случаѣ война неизбѣжно кончится пораженіемъ, британскій же народъ не потерпитъ подобнаго исхода борьбы. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что при окончаніи войны не только желѣзнодорожный транспортъ, но также судоходство, угольныя копи, значительная часть производства и распредѣленія пищевыхъ продуктовъ будутъ находиться подъ контролемъ временной общественной администраціи, вырванные изъ рукъ частныхъ капиталистовъ. Въ такомъ же положеніи окажутся и очень многія фабрики и заводы. Два года тому назадъ никто не осмѣлился бы предвѣщать той огромной перестройки промышленнаго механизма, который совершается въ Англіи на нашихъ глазахъ. Тысячи фирмъ и предпріятій различнаго рода, процвѣтавшихъ въ 1914 г., существуютъ нынѣ лишь по имени, лишь какъ форма, какъ раковина безъ улитки. Штаты ихъ служащихъ просѣяны и переорганизованы, зданія расширены и увеличены, старыя машины замѣнены новыми, передѣланы или выброшены вонъ. Фактически создалась единая огромная національная фабрика, которая не снилась даже Фурье. Вернуться къ прежнимъ, до-военнымъ формамъ промышленнаго производства для Великобританіи теперь будетъ столь же невозможно, какъ невозможно было бы возстановленіе Карѳагена. Выросла новая экономическая Англія, созданная необходимостью—наскоро сколоченный, грубый и неотесанный гигантъ, но гигантъ, который можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, какихъ никогда не достигала промышленная Германія. За спиною этого гиганта стоитъ идея, новая идея, идея націи, какъ

единаго экономическаго организма, идея, которая не могла бы завоевать медленнаго и консервативнаго британскаго ума въ теченіе полустолѣтія, не будь острыхъ потребностей нынѣшней войны. Великобританія не сможетъ изгладить этихъ слѣдовъ войны, даже если бы она хотѣла, и волей неволей она будетъ вынуждена довести свою реконструкцію до конца. И что происходитъ сейчасъ въ Великобританіи, то должно также произойти, конечно, съ извѣстными варіаціями, также во Франціи и Россіи. Не только ради войны, но и ради мира въ тылу, поддерживая и укрѣпляя фронтъ, отдѣльные индивидуумы сливаютъ свои нынѣ изолированныя усилія въ единомъ и концентрированномъ дѣйствіи. Въ концѣ этой войны Великобританія будетъ обладать огромной индустріальной машиной и исполинской организаціей труда, расчитанными, правда, первоначально для военныхъ цѣлей, но легко преобразуемыми и для мирнаго употребленія, для производства автомобилей, для изготовленія электрическихъ машинъ, для усовершенствованія транспорта и т. д.

Франція и Россія будутъ находиться въ аналогичномъ положеніи. Истощеніе будетъ повсемѣстнымъ, и никто изъ союзниковъ не сможетъ выписывать изъ заграницы моторы, желѣзнодорожные матеріалы, электрическіе приборы и т. п. Болѣе того, для союзниковъ станетъ дѣломъ безусловной необходимости перегнать центральныя державы въ сферѣ производительной дѣятельности. Мы будемъ слишкомъ бѣдны для того, чтобы импортировать изъ Америки, и слишкомъ умны, чтобы импортировать изъ Германіи. Америка будетъ страной съ толстымъ кошелькомъ, болѣе склонной покупать, чѣмъ продавать. Въ каждой странѣ громадное количество солдатъ будетъ ожидать воз-

вращенія къ промышленной жизни, и потому естественно народы не захотятъ ломать уже существующую производственную организацію. Предъ лицомъ этихъ фактовъ неужели какая-либо изъ союзныхъ державъ будетъ столь неразумна, чтобы уничтожить создавшуюся за время войны систему національныхъ фабрикъ и національныхъ путей сообщенія? Кромѣ того, мы уже высказывали мнѣніе, что эта война едва ли придетъ къ такому концу, который позволилъ бы немедленно же перековать мечи въ орала. Такимъ образомъ, будетъ совершенно достаточно причинъ какъ соціальнаго, такъ и военнаго свойства для поддержанія національныхъ фабрикъ въ непрерывномъ ходу. Вполнѣ понятно, что наиболѣе естественнымъ путемъ для достиженія той послѣдней цѣли будетъ приспособленіе національныхъ фабрикъ для производства предметовъ массоваго потребленія. Въ настоящее время большое количество продуктовъ подобнаго рода вырабатывается по опредѣленнымъ, точно установленнымъ моделямъ. Достаточно упомянуть, напримѣръ, велосипеды, дешевые часы, грузовые автомобили, сельско-хозяйственныя телѣги, динамо-машины, принадлежности электрическаго освѣщенія и т. д. Аналогичное положеніе господствуетъ и въ сферѣ судостроенія. Химія, играющая такую крупную роль въ изготовленіи аммуниціи, безъ особаго труда сможетъ перейти къ производству такихъ продуктовъ, какъ краски.

Передъ нами лежитъ неоспоримый фактъ: или государство возьметъ на себя задачи производства немедленно же за подписаніемъ мирнаго договора, устраивая на работу уволенныхъ изъ арміи солдатъ, съ минимумомъ потери времени и минимумомъ соціальныхъ осложненій и одновременно съ максимумомъ выгодъ для своей внѣшней торговли,

или же произойдетъ уничтоженіе системы національныхъ фабрикъ и наступитъ періодъ хаоса и острой безработицы, пока не накопится капиталъ, необходимый для возрожденія индустріальной дѣятельности. Опасность соціальныхъ потрясеній будетъ очень велика. И съ другой стороны, намъ не приходится надѣяться, что центральныя державы, и въ особенности промышленная Германія, будутъ имѣть любезность ждать десять или двѣнадцать лѣтъ, пока мы пройдемъ черезъ періодъ экономическаго разстройства, вызванный нежеланіемъ сдѣлать смѣлый, но безусловно раціональный шагъ по пути къ научному соціализму.

Однако, пророкъ долженъ быть очень остороженъ и не принимать желательнаго за неизбѣжное. Набросанная выше широкая и обѣщающая успѣхъ экономическая реконструкція отнюдь не является неизбѣжной только потому, что она подсказывается здравымъ разсудкомъ. Человѣкъ можетъ быть очень боленъ, опредѣленное лекарство можетъ быть единственнымъ средствомъ его спасенія, — изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что данное лекарство можетъ быть получено въ аптекѣ, что докторъ пропишетъ какъ разъ именно это лекарство, что паціентъ обладаетъ необходимыми средствами для того, чтобы его купить, и достаточной разумностью для того, чтобы его принять. Исторія, наоборотъ, скорѣе учитъ тому, что націи большей частью идутъ не тѣмъ путемъ, которымъ бы слѣдовало. Авторъ этой книги знаетъ хорошо только Англію и, поскольку рѣчь идетъ о Соединенномъ Королевствѣ, онъ легко могъ бы заполнить листъ бумаги перечисленіемъ безконечныхъ препятствій, которыя стоятъ на пути столь раціональной перестройки. Большая часть подобныхъ

препятствій должна имѣться также и въ каждой иной изъ интересующихъ насъ странъ.

Самымъ серьезнымъ фактомъ, бросающимъ мрачную тѣнь на все будущее европейской цивилизаціи, является не война, а полное отсутствіе взаимнаго пониманія и сотрудничества между пролетаріатомъ, съ одной стороны, господствующими классами, съ другой. Богатые и образованные элементы населенія испорчены индивидуализмомъ, разъѣдавшимъ ихъ сознаніе въ теченіе цѣлаго столѣтія они разрушили довѣріе рабочихъ къ вождямъ, къ руководству вообще, откуда бы это руководство не исходило. Міръ труда живетъ замкнутой, изолированной жизнью. И для того, чтобы стало возможнымъ то быстрое превращеніе экономическаго аппарата, которое вызывается великими потребностями времени, инниціаторы реформъ должны завоевать довѣріе рабочихъ. Пролетаріатъ долженъ ясно понимать, что происходитъ; онъ долженъ помогать осуществленію трудной задачи. Національзація производства и соціализмъ являются дѣломъ, которое должно занимать рабочихъ гораздо больше, чѣмъ какую-либо иную группу населенія.

Первымъ шагомъ по пути завоеванія довѣрія пролетаріата должно быть установленіе гораздо болѣе строгаго государственнаго контроля надъ частнымъ собственникомъ и спекулянтомъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Классъ собственниковъ постоянно обвиняетъ рабочихъ въ невѣжествѣ, подозрительности и излишней придирчивости, но онъ забываетъ о томъ, что онъ самъ полонъ эгоизма и корыстолюбія по инстинкту, привычкѣ и недостатку сознательности. Процессъ мобилизаціи громадныхъ рессурсовъ Великобританіи для цѣлей войны происходилъ и происхо-

дитъ въ обстановкѣ систематическаго непониманія положенія и почти инстинктивнаго вѣроломства со стороны частныхъ собственниковъ. Повышеніе квартирной платы въ Глазго толкнуло раздраженныхъ рабочихъ Клайда на устройство массовой стачки. Это было чрезвычайно яркое проявленіе индивидуалистическаго эгоизма, въ высшей степени типичнаго для современной психологіи, и неумѣніе правительства предвидѣть или предупредить подобное столкновеніе было бо́льшимъ пораженіемъ, чѣмъ Дарданелльская кампанія. Чиновники министерства аммуниціи повсюду сталкиваются съ предпринимателями, скрывающими отъ нихъ свои машины и рабочихъ, интригующими, особенно черезъ министерство торговли, съ тѣмъ, чтобы различнаго рода продукты, изготовляемые въ интересахъ частно-капиталистической прибыли, были признаны работой по аммуниціи или, если это оказывается совершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, работой, крайне необходимой для поддержанія британскаго экспорта и британскаго кредита за границей. Странно сказать, но это неоспоримый фактъ: предприниматели и рабочіе, безразлично, легче готовы рискнуть своей жизнью для защиты отечества, чѣмъ отказаться отъ привычныхъ прибылей и доходовъ.

Этотъ конфликтъ между частной инициативой и классовой подозрительностью, съ одной стороны, и интересами общаго блага, съ другой, отнюдь не составляетъ специфической особенности Великобританіи. То же самое происходитъ, лишь съ нѣсколькими локальными видоизмѣненіями, въ Германіи, Россіи, Италіи, Франціи и вообще въ каждой воюющей странѣ. Благодаря силамъ и стремленіямъ индивидуализма, никто изъ насъ, ни враги, ни друзья, не въ состояніи извлечь максимальныхъ

результатовъ изъ своихъ національныхъ усилій Но въ Германіи имѣется болѣе глубокая традиція къ подчиненію, во Франціи большая ясность ума, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Великобританія и Россія и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, обнаруживаютъ одновременно и много сходнаго, и много рѣзко отличнаго. Каждая изъ этихъ націй умственно искалѣчена, благодаря недостаткамъ своей воспитательной системы, благодаря своей оффиціальной церкви и своимъ придворнымъ кругамъ. Ни та, ни другая не обладаютъ классомъ научно-образованныхъ людей, который могъ бы играть роль сознательнаго руководителя въ переживаемую нами критическую эпоху. И однако, и та, и другая, несмотря на столь неблагопріятныя условія, обладаютъ странной способностью,—дѣлать разумные и практическіе выводы изъ повидимому нелогичныхъ посылокъ. Таковъ путь, при помощи котораго у этихъ, лишенныхъ методичности, державъ рождается неожиданное, плохо формулированное и все-таки цѣлесообразное дѣйствіе.

Передумывая многочисленныя впечатлѣнія послѣдняго времени и взвѣшивая, съ одной стороны, великія потребности эпохи, съ другой, стоящія на пути ихъ удовлетворенія препятствія и затрудненія, я прихожу все болѣе и болѣе къ убѣжденію, что имѣется еще третій факторъ, облегчающій возможность великой перестройки—это воля творить жизнь на разумныхъ основаніяхъ, воля, освобожденная отъ цѣпей нынѣшней войной. Новый духъ пока еще плохо выраженъ, но онъ найдетъ себѣ достойное воплощеніе. Война продолжается, а мы обсуждаемъ вопросъ экономической реконструкціи такъ, какъ если бы это была проблема, подлежащая рѣшенію только труда и капитала,

оставшихся дома. Въ дѣйствительности, подлинное будущее Европы лежитъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Реальная жизнь слишкомъ занята сейчасъ текущимъ моментомъ, она мало говоритъ подъ грохотъ пушекъ, мало учится новому, но зато усиленно ломаетъ старое и разстается съ иллюзіями. Въ траншеяхъ сидятъ рабочіе, порвавшіе со старыми традиціями промышленнаго саботажа, и будущіе руководители націи, забывшіе о дивидендахъ и прибыляхъ. Люди въ возрастѣ между 18 и 40 годами слишкомъ поглощены борьбой для того, чтобы обнаруживать себя въ какой-либо иной сферѣ. Но завтра эти люди будутъ составлять націю. Если этотъ третій факторъ принять во вниманіе, то намѣчающіяся перспективы становятся болѣе оптимистическими. Я думаю, что духъ войны будетъ достаточно силенъ и вліятеленъ для того, чтобы нейтрализовать и даже побѣдить духъ индивидуализма, подозрительности и вѣроломства, котораго я боюсь больше всего на свѣтѣ. Я вѣрю въ молодую Францію, въ молодую Англію и въ молодую Россію, которыя создадутся въ процессѣ этой войны, и я вѣрю, что каждая европейская страна пойдетъ по пути, такъ ясно обозначенному переживаемой нами эпохой, т. е. по пути созданія гораздо болѣе организованнаго государства, чѣмъ это было до сихъ поръ. Союзныя державы превратятся въ огромныя государственныя предпріятія, каковымъ Германія была уже до войны; онѣ сильно ограничатъ сферу частно-капиталистической прибыли и возьмутъ въ свои руки руководство сельскимъ хозяйствомъ, транспортомъ, добываніемъ угля и металловъ, производствомъ тысячъ различныхъ продуктовъ массоваго потребленія. Въ виду явной рѣшимости центральныхъ государствъ ни въ чемъ не отставать отъ своихъ соперниковъ, союзники вынуждены

будутъ слить свои различныя государственныя предпріятія въ нѣчто единое, въ огромный трестъ, ведущій торговлю съ Германіей, Америкой и остальнымъ міромъ по общему плану и въ общемъ интересѣ. Молодость и необходимость помогутъ осуществленію этой схемы наперекоръ эгоизму, доктринерству, подозрительности и отсутствію сознанія.

Я не рѣшаюсь утверждать, что все, указанное выше, осуществится легко и просто, какъ слѣдствіе создавшихся обстоятельствъ. Я не думаю, чтобы даже во Франціи эволюція совершилась гладко и безболѣзненно. Повсюду будетъ происходить острый конфликтъ между мудростью и лукавствомъ, между близорукостью и юношескимъ дерзаніемъ, между энергіей и квіетизмомъ. Реорганизація европейскихъ государствъ совершится съ трудомъ, съ задержками и потрясеніями. На каждомъ шагу придется упорно бороться съ сотнями и тысячами людей, не желающихъ уступать, держащихся за свои ренты, дивиденды и акціи, сопротивляющихся часто даже просто по инстинкту. На каждомъ шагу крикуны будутъ стараться кричать возможно громче, сѣя подозрѣнія, обвиненія, панику и т. д. Въ ходъ будутъ пущены хитрости, уловки, игра самолюбій, борьба тщеславій,—вѣдь люди и послѣ войны останутся людьми. Но я все-таки вѣрю, что творческія силы народа въ конечномъ счетѣ восторжествуютъ и выведутъ насъ на настоящій путь. Я вѣрю, что на развалинахъ 19-го столѣтія съ его системою частнаго капитализма, системою, разъ навсегда скомпрометированной нынѣшней войной, выростетъ и уже выростаетъ изъ хаоса національныхъ фабрикъ аммуниціи и наскоро національзированныхъ общественныхъ службъ новый экономическій и соціальный порядокъ, построенный на

базѣ обобществленія собственности и орудій производства.

Подведемъ вкратцѣ нѣкоторые итоги и посмотримъ, какова будетъ картина европейскаго общества спустя 15 или 20 лѣтъ. Формально государства будутъ едва ли много соціалистичнѣе, чѣмъ въ настоящее время; однако, судоходство, желѣзныя дороги, добываніе угля и металловъ, машиностроеніе, металлическое производство и большая часть сельскаго хозяйства будутъ находиться въ той или иной степени въ общественномъ владѣніи и ужъ, во всякомъ случаѣ, подъ полнымъ и абсолютнымъ общественнымъ контролемъ. Это не значитъ, конечно, что частная собственность исчезнетъ, но это значитъ, во всякомъ случаѣ, что она сильно измѣнитъ свой характеръ. Собственникъ будетъ больше походить на кредитора, онъ обратится въ рантье или пенсіонера. Данный классъ людей не будетъ ложиться такимъ тяжелымъ бременемъ на націи какъ нынѣ, благодаря значительному повышенію заработной платы и цѣнъ. Въ обществѣ, въ которомъ главная иниціатива будетъ сосредоточена въ рукахъ государства, значеніе финансистовъ и биржевиковъ будетъ сведено къ значенію административныхъ чиновниковъ. Возможности для частной эксплоатаціи настолько сократятся, что въ Европѣ послѣ-военнаго періода концентрація богатства будетъ, вѣроятно, гораздо меньше, чѣмъ она была до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ создастся громадный классъ рантьеровъ, живущихъ на военные займы и поддерживающихъ высокій уровень комфорта. Будетъ большой спросъ на административные и техническіе таланты и большая потребность въ научномъ техническомъ образованіи. Около 1926 г. міръ уже сильно оправится отъ обнищанія, явившагося результатомъ

войны. Мы будемъ ѣздить въ автомобиляхъ, изготовленныхъ государственными фабриками, по превосходно устроеннымъ дорогамъ; мы будемъ жить въ домахъ, снабженныхъ принадлежностями электрическаго освѣщенія государственнаго производства; на каждомъ шагу мы будемъ покупать и употреблять продукты національизированной индустріи, уплачивая этимъ самымъ государственный долгъ и облегчая тяготѣющее надъ нами бремя рантьеровъ. Въ то же самое время наши дѣти будутъ изучать науки съ большимъ стараніемъ и основательностью, чѣмъ они это дѣлаютъ сейчасъ, и во многихъ случаяхъ они будутъ предпочитать знакомство съ русскимъ языкомъ знакомству съ языками греческимъ и нѣмецкимъ. Большое число нашихъ юношей будетъ искать приложенія своимъ силамъ на общественной службѣ и меньшее число будетъ думать о частныхъ предпріятіяхъ, и тѣ, которые пойдутъ на общественную службу, пойдутъ туда не въ качествѣ кларковъ, а въ качествѣ инженеровъ, химиковъ, агрономовъ и т. д. Общественная служба будетъ гораздо меньше конторской службой и гораздо больше службой практическихъ людей. Узы, связывающія сейчасъ Францію и Великобританію, станутъ еще болѣе тѣсными. Франція, Бельгія и Англія будутъ неустанно стремиться къ франко-англійскому билингизму.

VI.

Новое образованіе.

Нѣсколько времени тому назадъ Гарольдъ Спендеръ на станицахъ „Daily News“ обратилъ вниманіе на одинъ чрезвычайно любопытный фактъ. Высшее образованіе въ Англіи вообще, въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ въ особенности, нынѣ фактически совершенно прекратилось. Оксфордъ и Кэмбриджъ, ведущіе свою научную родословную со временъ среднихъ вѣковъ, пріостановили свою дѣятельность. Пріостановили настолько основательно, что Гарольдъ Спендеръ задается даже вопросомъ, смогутъ ли они когда-нибудь снова стать тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ.

Какъ отецъ двухъ сыновей, находящихся сейчасъ въ средней школѣ, я отъ глубины моего сердца надѣюсь, что не смогутъ. Я надѣюсь что Оксфордъ и Кэмбриджъ, способные похвалиться лишь нефилософскими классиками и обрывками греческаго языка, сквернымъ французскимъ и сомнительной математикой, болтовней о готикѣ и юридическими упражненіями въ „обществѣ для дебатовъ“, Оксфордъ и Кэмбриджъ, превращающіе полныхъ жизни, надеждъ и безграничныхъ возможностей юношей въ адвокатовъ, политиковъ, дипломатовъ, епископовъ, учителей, финансистовъ и директоровъ торговыхъ компаній, что эти Оксфордъ и

Кэмбриджъ нынѣ мертвы и больше не воскреснутъ.

Совсѣмъ недавно я проѣзжалъ черезъ Кэмбриджъ и, вспомнивъ о статьѣ Гарольда Спендера, рѣшилъ на денекъ остановиться тамъ для того, чтобы вдохнуть въ себя глотокъ мѣстной атмосферы. Мнѣ кажется, Спендеръ изобразилъ положеніе дѣлъ еще въ сравнительно розовомъ свѣтѣ. Онъ иллюстрировалъ свое утвержденіе двумя яркими цифрами: въ нормальное время Кэмбриджъ насчитываетъ до 4000 студентовъ, теперь же ихъ имѣется не больше 400. Какъ ни поразительны эти цифры, онѣ все-таки не даютъ достаточно яснаго представленія о дѣйствительномъ прекращеніи англійскаго высшаго образованія. Изъ первыхъ семи студентовъ, встрѣченныхъ мной на Trumpington Road, одинъ былъ черный, трое-цвѣтнокожіе и изъ остающихся трехъ одинъ былъ несомнѣнно не англичанинъ, скорѣе всего испанецъ изъ южной Америки. Ушли, впрочемъ, не только студенты. Всѣ преподаватели, по возрасту и физическимъ качествамъ пригодные для арміи, также ушли или, если и продолжаютъ еще жить въ Кэмбриджѣ, то одѣты уже не въ свои традиціонныя мантіи и шапочки, а въ сѣро-желтое хаки. Всѣ здоровые учителя стали солдатами. Остались только неспособные къ службѣ и священники. Зданія, библіотеки, пустыя лабораторіи, пустыя аудиторіи, бѣженцы, подданные нейтральныхъ странъ, хаки — такова картина Кэмбриджа въ настоящій моментъ. Никогда еще не было и, быть можетъ, никогда больше не будетъ такого удобнаго случая разрушить до основанія оба учрежденія, Оксфордъ и Кэмбриджъ, и на ихъ развалинахъ положить начало новой системѣ британскаго образованія.

Дѣло не ограничивается, однако, Кэмбриджемъ

и Оксфордомъ. Совершенно такое же положеніе создалось и въ другихъ англійскихъ университетахъ и отчасти даже въ тѣхъ школахъ, которыя снабжали своимя питомцами университеты: старшіе ученики послѣднихъ тоже ушли на войну. Едва-ли хотя бы десятая часть этихъ учениковъ когда-либо попадетъ въ университетъ, едва-ли хотя бы десятая часть студентовъ, одѣвшихъ хаки, когда-либо вернется въ свои аудиторіи. Между новымъ и старымъ образованіемъ ляжетъ провалъ изъ двухъ школьныхъ поколѣній. Въ теченіе ближайшихъ 30—40 лѣтъ руководящая роль въ жизни Великобританіи будетъ принадлежать особому классу людей, классу, научившемуся гораздо меньше изъ книги и гораздо больше изъ суровой реальности, чѣмъ какое-либо изъ предыдущихъ или послѣдующихъ поколѣній. Солдаты великой войны явятся исключительнымъ поколѣніемъ и наложатъ своеобразно-рѣзкій отпечатокъ на цѣлую эпоху. Тяжелый опытъ, черезъ который они прошли, сознаніе собственныхъ слабостей и недостатковъ не останутся безъ вліянія на судьбы англійскаго образованія при его неизбѣжной перестройкѣ. *Ибо на нихъ, на этихъ солдатахъ, не будетъ штемпеля старой системы.*

Вполнѣ своевременно поэтому задаться вопросомъ, какого же рода образованіе долженъ давать университетъ для того, чтобы удовлетворять своему назначенію, т. е. воспитывать вождей, лидеровъ націи? Англія должна быстро и опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ. Медлить съ нимъ нельзя: это дѣло сегодняшняго, а не завтрашняго дня. Страна должна точно выяснить, чего она хочетъ, и немедленно же приняться за пересмотръ всего нынѣшняго воспитательнаго механизма для того, чтобы къ возстановленію нормальныхъ занятій въ

школахъ и университетахъ новый механизмъ былъ уже готовъ и поставленъ на рельсы. Если старая гниль соберется снова въ своихъ заплеснѣвѣвшихъ мѣстечкахъ, раздѣлаться съ ней будетъ не такъ-то просто. Въ сферѣ образовательной реформы нашъ девизъ можетъ быть только: теперь или никогда. И именно здѣсь, въ дебатахъ и рѣшеніяхъ о школахъ, лекціяхъ и курсахъ, больше, чѣмъ въ чемъ бы то ни было другомъ, лежитъ подлинное будущее Великобританіи. То же самое, впрочемъ, относится и ко всѣмъ другимъ воюющимъ націямъ. Будущее въ немалой степени опредѣляется силами слѣпой неизбѣжности, но въ данной области какъ разъ немногочисленная группа способныхъ и рѣшительныхъ людей могла бы оказать огромное вліяніе на духовную физіономію грядущей Европы.

Три основныхъ задачи стоятъ предъ системой образованія, призванной создавать правящій классъ людей: 1) формированіе и развитіе характера, 2) формированіе и развитіе способностей и 3) научная тренировка ума, дающая человѣку необходимую сумму обобщенныхъ знаній и пріучающая его быстро пріобрѣтать и легко оріентироваться въ различныхъ детальныхъ свѣдѣніяхъ, касающихся какого-нибудь отдѣльнаго спеціальнаго случая. Британскія школы и университеты больше всего грѣшили по первому пункту. Жестокій опытъ нынѣшней войны обрисовалъ нашихъ университетски-образованныхъ людей не въ слишкомъ-то выгодномъ свѣтѣ: они оказались существами колеблющимися, нерѣшительными, индивидуалистическими, неблагородными, неспособными ни выдвинуть изъ своей среды подлиннаго лидера, ни сами подчиниться такому лидеру. Приходится еще радоваться, что дѣло обстоитъ такъ, какъ

оно есть. Могло быть и гораздо хуже, если принять во вниманіе характеръ высшаго образованія, отъ котораго мы до сихъ поръ страдали, именно страдали.

Вспомните въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоялъ донынѣ образовательный процессъ. Его становымъ хребтомъ являлись латинскій языкъ, преподаваемый людьми, которые владѣютъ имъ хуже, чѣмъ какой-нибудь захудалый индусскій клэркъ владѣетъ англійскимъ, и древне-греческій, наставниками въ которомъ были люди, въ лучшемъ случаѣ имѣющіе довольно смутное представленіе объ этомъ прекрасномъ языкѣ античнаго міра. Подобные учителя естественно не могли ожидать особыхъ успѣховъ отъ своихъ учениковъ, и таковыхъ успѣховъ, конечно, не было. Мальчики и юноши затрачивали на сомнительное изученіе древнихъ языковъ втрое больше времени, чѣмъ имъ потребовалось бы для ихъ дѣйствительнаго усвоенія, имѣй они настоящихъ учителей, и это невольно накладывало особый отпечатокъ на всю духовную физіономію мужской молодежи: въ ней вырабатывались привычки мелочной педантичности и безполезнаго зубренія. Далѣе шли абстрактныя занятія по математикѣ, которыя никогда не выходили изъ стадіи „упражненій", не имѣющихъ никакого отношенія къ практикѣ. Еще далѣе шло пресловутое изученіе философіи на основаніи греческихъ текстовъ, свободно читать которые не умѣлъ никто изъ студентовъ и лишь очень немногіе изъ профессоровъ, а также нѣкоторое, впрочемъ, довольно своеобразное знакомство съ исторіей. Такъ, напр., оксфордская „Школа современной исторіи" представляетъ собой самую странную книгу для чтенія. Англійская исторія съ древнѣйшихъ временъ, кое-гдѣ переплетенная съ случайными

обрывками континентальной исторіи, Европейская исторія за минувшее столѣтіе, немножко экономики и... „Политика“ Аристотеля — таково ея главное содержаніе. Это не образованіе, а какой-то птичій винигретъ... И подобная нелѣпая мѣшанина считалась до сихъ поръ лучшимъ типомъ „высшаго образованія“, которымъ располагала Великобританія.

Въ результатѣ наши юноши въ наиболѣе чуткій и воспріимчивый періодъ своей жизни проходили курсъ поверхностнаго обученія въ различныхъ, другъ съ другомъ мало связанныхъ предметахъ, превращаясь въ идеальный типъ всесторонняго невѣжества. Иногда они, правда, получали извѣстную тренировку въ savoir faire къ этому вели коллективныя потребности школьной жизни— иногда пріобрѣтали искуство ловкихъ дебатеровъ. Но за вычетомъ этихъ двухъ качествъ они вступали въ міръ съ умами не болѣе дисциплинированными, не болѣе обученными, не болѣе облагороженными знаніями, чѣмъ всякій иной „не образованный“ человѣкъ.

Несомнѣнно первымъ и самымъ важнымъ условіемъ созданія новаго образованія въ Европѣ должно быть серьезное отношеніе къ предпринимаемой реформатской работѣ. Смѣшно толковать о „воспитательныхъ“ свойствахъ изученія какой-либо дисциплины, если это изученіе носитъ поверхностный и незаконченный характеръ. Совершенно ясно, напр., что греческій языкъ долженъ исчезнуть изъ программы будущаго высшаго образованія уже хотя бы по одному тому, что у насъ нѣтъ сколько-нибудь компетентныхъ преподавателей даннаго предмета. Нынѣшніе учителя греческаго языка только деморализуютъ и учениковъ и школу. Утвержденіе лицъ духовнаго званія и нѣкоторыхъ

другихъ, что они „знаютъ“ греческій языкъ,—не больше, какъ одна изъ многихъ неправдъ, которыми такъ полна англійская интеллектуальная жизнь. Наши комическіе писатели не устаютъ издѣваться надъ индусами, гордо именующими себя „провалившимися докторами“, но что, въ сущности, представляетъ собой обыкновенный университетски-образованный англичанинъ, какъ не „провалившагося“ ученика по греческому языку? Точно также и латинскій языкъ долженъ быть либо поставленъ на уровень серьезно и раціонально преподаваемаго предмета, либо же низведенъ до положенія второстепеннаго языка, служащаго лишь дополненіемъ къ языку родному. Французскій и нѣмецкій языки для англичанъ и англійскій языкъ для французовъ и русскихъ — по преимуществу языки гувернантокъ. Каждый способный ребенокъ изъ зажиточныхъ слоевъ—мальчикъ или дѣвочка безразлично—долженъ умѣть читать, писать и говорить на этихъ языкахъ къ 15-лѣтнему возрасту. Впрочемъ, изученіе перечисленныхъ языковъ должно происходить само собой, между прочимъ, не составляя фундаментальной части системы образованія. Совсѣмъ иное дѣло—развитіе французской, нѣмецкой или англійской литературъ. Нельзя отрицать также большой образовательной цѣнности за изученіемъ нѣкоторыхъ гибкихъ и высоко развитыхъ языковъ, преподаваемыхъ учителями, для которыхъ эти языки являются родными. По цѣлому ряду общественныхъ и воспитательныхъ соображеній къ числу такихъ языковъ прежде всего относится русскій, а для Англіи пожалуй еще болѣе языкъ „индустани“.

Если Великобританія серьезно относится къ своему будущему послѣ войны, если она дѣйствительно хочетъ выполнить свой долгъ по отноше-

нію къ востоку, надъ которымъ царитъ, она не можетъ останавливаться предъ расходами, необходимыми для привлеченія въ страну нѣсколькихъ сотъ хорошихъ учителей русскаго и индостанскаго языковъ, она должна поставить оба эти языка въ своихъ университетахъ и на экзаменахъ для полученія мѣстъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, по крайней мѣрѣ, на одномъ уровнѣ съ греческимъ языкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподаванію математики въ высшихъ школахъ должны быть даны опредѣленныя задачи. Первымъ условіемъ для воспитанія характера въ ученикѣ является требованіе, чтобы онъ строго выполнялъ намѣченныя цѣли. Полувыполненіе должно имѣть своимъ послѣдствіемъ лишеніе диплома.

Конечно, языками и математикой не исчерпывается образованіе, которое должны получать представители господствующихъ классовъ. Хорошее знакомство съ только что названными предметами—чрезвычайно цѣнно и полезно, но все-таки сущность высшаго образованія нынѣ, какъ и всегда въ прежнія времена, заключается въ философіи. Я имѣю въ виду, разумѣется, не претенціозное „чтеніе“ Платона и Аристотеля, а глубокое и основательное изученіе тѣхъ великихъ проблемъ жизни, знакомство съ которыми способно развить и укрѣпить человѣческій разумъ. Здѣсь и только здѣсь приходится искать разницу между „образованнымъ“ человѣкомъ и обывателемъ. „Образованный“ человѣкъ ясно и отчетливо продумалъ свое отношеніе къ міру, какъ цѣлому, къ государству, къ жизни. Человѣкъ же, неспособный къ подобной умственной работѣ, есть обыватель, и онъ останется таковымъ, хотя бы онъ зналъ десять языковъ и умѣлъ дѣлать въ умѣ труднѣйшія вычисленія по высшей математикѣ.

*

Ибо чего мы должны добиваться при реформѣ нашего образованія? Не количественное увеличеніе знаній и не техническая ловкость являются нашей цѣлью,—наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы заставить нашу молодежь меньше болтать и больше думать, и притомъ думать ясно, точно, опредѣленно. Для этого намъ нужно меньше полемическаго искусства и больше философіи, меньше адвокатской ловкости и больше силы и увѣренности въ анализѣ. Центръ тяжести характера—разумъ. Человѣкъ слабаго характера мыслитъ расплывчато и неопредѣленно, человѣкъ яснаго и четкаго ума дѣйствуетъ рѣшительно и свободенъ отъ половинчатости и рефлексіи. Страна образованныхъ людей выступаетъ единодушно, бьетъ стремительно, смотритъ далеко впередъ. Страна, гдѣ образованіе поставлено плохо, является страной величайшей путаницы и неразберихи.

Еще однимъ важнымъ факторомъ въ области образованія необходимо признать выработку въ ученикѣ научнаго мышленія и научныхъ методовъ изслѣдованія. Съ этой точки зрѣнія наибольшее значеніе имѣютъ двѣ группы знаній—естественныя науки и точныя науки, ибо, по сравненію съ другими, онѣ обладаютъ очень крупными воспитательными преимуществами: онѣ включаютъ въ себя критику доказательствъ, накопленіе фактовъ, построеніе и провѣрку разнообразныхъ обобщеній. Конечно, хорошо продуманная система образованія должна допускать и возможность спеціализаціи, въ особенности для тѣхъ, кто съ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ какія-либо спеціальныя дарованія, она должна имѣть „уголки“ и для греческаго языка, и для еврейскаго или санскритскаго, и для филологіи, и дея археологіи и т. д. и т. д. Тѣмъ не менѣе для огромной массы просто спо-

собныхъ людей, безъ какихъ-либо спеціальныхъ склонностей, людей, составляющихъ подлинный интеллектуальный и моральный хребетъ націи, обѣ указанныя группы знаній являются наилучшими во всѣхъ отношеніяхъ. Ибо каждая изъ нихъ можетъ служить исходнымъ пунктомъ для изслѣдованій или техническаго приложенія, непосредственно связанныхъ съ практической жизнью. Біологическія науки черезъ психологію и соціологію прямымъ путемъ ведутъ къ юриспруденціи и политикѣ, онѣ ведутъ также къ медицинѣ и сельскому хозяйству. Точныя науки имѣютъ близкое отношеніе къ политической экономіи и къ сферѣ управленія промышленностью.

Таковы въ основныхъ чертахъ образовательныя потребности современнаго общества, настолько ясныя и очевидныя, что ихъ уже нынѣ можетъ видѣть всякій, кто имѣетъ очи. Передъ нами сейчасъ, въ данной области открывается случай, который вѣроятно больше никогда не повторится: преемственная линія старой педагогики прервана, вся старая система окончательно дискредитирована въ глазахъ широкихъ круговъ населенія, и кажется просто невѣроятнымъ, чтобы она снова могла быть возстановлена въ своемъ прежнемъ видѣ. Въ эти тяжко-суровые дни, полные столь безграничными возможностями, возможность новаго образованія, какъ наиболѣе фундаментальная, является несомнѣнно величайшей изъ всѣхъ.

VII.

Война и женщины.

Касаясь вопроса объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, мы приступаемъ къ анализу одного изъ тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ, по сравненію съ которымъ даже грандіозныя пертурбаціи современной міровой катастрофы кажутся лишь небольшими толчками и случайными инцидентами. Есть вещи развивающіяся вѣчно, внѣ зависимости отъ историческихъ событій; войны, расовыя и народныя движенія, экономическія перемѣны,—всѣ эти явленія могутъ ускорить или замедлить, но не могутъ остановить безконечнаго процесса мышленія, безконечнаго формулированія и развитія идей объ основныхъ отношеніяхъ человѣческихъ существъ. Первое мѣсто среди этихъ вѣчно прогрессирующихъ явленій занимаетъ религія, отношеніе человѣка къ Богу; слѣдующее—еще болѣе непосредственное—отношенія между мужчиной и женщиной. Здѣсь каждая фаза является новой фазой; что бы ни происходило, въ этомъ вопросѣ нѣтъ попятнаго движенія, какъ нѣтъ новаго начала. Соціальная жизнь подобно жизни религіозной должна рости и мѣняться пока существуетъ человѣчество.

Въ данной сферѣ, какъ и во многихъ другихъ, нынѣшняя война не означаетъ собой ни возврата

къ прежнему, ни возстановленіи старыхъ отношеній. Самое большее она реализуетъ лишь то, что уже и до сихъ поръ носилось въ воздухѣ, сдѣлаетъ явнымъ то, что раньше было скрыто. Девятнадцатое столѣтіе было періодомъ безпримѣрной эволюціи соціальныхъ отношеній, но какъ бы велики ни были эти перемѣны, онѣ ничтожны по сравненію съ перемѣной въ области религіозной мысли и критики моральныхъ идеаловъ. Основой религіознаго мышленія въ 1800 г. служила идея ада, и за спиной закона въ эту эпоху стоялъ палачъ; въ 1900 г. обѣ эти идеи уже пережили себя. Творческій импульсъ повсюду замѣнилъ собой страхъ и принужденіе въ человѣческихъ мотивахъ. Начало двадцатаго столѣтія было періодомъ рѣдкаго изобилія накопленныхъ годами матерьяльныхъ благъ, періодомъ досуга и свободы. Въ силу этого, а также въ силу измѣнившагося характера соціальнаго и религіознаго духа, данный періодъ явился періодомъ великой общественной дезорганизаціи и великаго смѣшенія стремленій и импульсовъ.

Для насъ, англичанъ, время предшествующее второй половинѣ 1914 года представляется сошедшимъ со сцены навсегда. Несмотря на то, что всѣ мы пережили и хорошо помнимъ его, оно такъ же далеко для насъ, такъ же отошло въ область исторіи, какъ эпоха французской революціи. Время, переживаемое нами сейчасъ, методы и дѣйствія, которыми мы пользуемся нынѣ, такъ не похожи на то, чтобыло раньше. Бóльшая часть свободы передвиженія, досугъ, беззаботность, изобиліе, такъ выгодно отличавшіе собой начало двадцатаго столѣтія отъ начала девятнадцатаго, исчезли изъ жизни. Огромныя массы людей находятся подъ строгой дисциплиной, и каждая хозяйка принуж-

дена соблюдать экономію. Вся Великобританія поставаена лицомъ къ лицу съ такой элементарной нуждой, опасностью и стѣсненіями, какихъ она еще никогда не испытывала. Намъ вдругъ стало ясно, что до сихъ поръ, по отношенію къ міровымъ событіямъ, мы жили какъ олимпійцы, какъ ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ неотвѣтственные любители. А теперь, вдругъ, изъ нашей жизни исчезло довольство, лопнула ея оболочка, осыпалась мишура. Скелетъ жизни не измѣнился, онъ лишь сталъ лучше виденъ, и мы оказались столь же удивленными, какъ, если бы мы увидѣли въ зеркалѣ свой собственный остовъ, свою собственную діаграмму.

Тѣ явленія, которыя происходили раньше въ области эволюціи отношеній между мужчиной и женщиной, происходятъ и сейчасъ, быть можетъ, лишь съ большей скоростью и, конечно, съ большей полнотой. Война многое подчеркнула, много дефинировала яснѣе. До сихъ поръ въ данной сферѣ всѣ наши разсужденія, позы, движенія, были окутаны дымкой неясности и неопредѣленности. Они рождались какъ результатъ долгихъ дебатовъ, глубокихъ противорѣчій и острыхъ конфликтовъ. Нынѣ все это совершается какъ бы само собой.

До войны, въ англійскомъ обществѣ, какъ и во всякомъ иномъ цивилизованномъ обществѣ, происходили перемѣны въ области примѣненія женскаго труда, въ юридическихъ отношеніяхъ между мужемъ и женой, въ политическомъ статусѣ женщины, въ положеніи незаконныхъ дѣтей, въ манерахъ и обычаяхъ, характеризующихъ отношенія между полами. Въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ обнаруживалось пониженіе уровня рождаемости и смертности, измѣнялся образъ жизни

и уменьшалось количество домашней работы благодаря болѣе совершеннымъ способамъ доставки продуктовъ и приготовленія пищи. Другими словами, первичная человѣческая единица, домъ, мѣнялъ свою форму, цвѣтъ, размѣръ и значеніе. Постепенно увеличивалось число лицъ, живущихъ внѣ стараго семейнаго очага, построеннаго на базисѣ материнства и потомства. Многіе изъ нихъ, насколько возможно, стремились постичь смыслъ происходящихъ измѣненій. У насъ была довольно расплывчатая идея объ „эмансипаціи" женщины, но точное значеніе этого слова ускользало отъ насъ. Затѣмъ пришла война, первое время казалось, что всѣ споры подобнаго рода сразу пришли къ концу, и весь сложный и трудный женскій вопросъ пересталъ существовать.

На самомъ же дѣлѣ это было лишь временное отвлеченіе вниманія. Процессъ эволюціи вылился въ новую форму, несоотвѣтствующую принятымъ представленіямъ, и съ неудержимой быстротой пошелъ своей дорогой. Событія развивались въ послѣдніе два года молча и безшумно. Проблемы, стоящія сейчасъ передъ мужчиной и женщиной, несравненно болѣе серьезны и важны, нежели проблемы, стоящія сейчасъ между германцами и остальной Европой. Правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но онѣ снова начинаютъ занимать первое мѣсто въ нашемъ сознаніи. Нашей задачей является установить истинную природу происшедшихъ измѣненій. Она остается по прежнему „эмансипацией", но весьма различной по качеству отъ эмансипаціи, о которой такъ громко и сбивчиво говорили въ „древнемъ мірѣ" 1913 г.!

Никогда еще отношенія между мужчиной и женщиной не были такъ напряжены, какъ въ началѣ 1914 г. Женское движеніе занимало тогда всѣ

умы. Оно бурно прорвалось наружу всего лишь около десяти лѣтъ тому назадъ. Въ моментъ смерти Викторіи это движеніе было еле слышно; просмотрите „Punch“ *), просмотрите газеты этого „спокойнаго“ періода и вы не найдете никакого намека на суфражизмъ. Въ 1914 г. женское движеніе подняло такой шумъ, что германцы серьезно разсчитывали на суфражистокъ, какъ на крупную силу, способную парализовать Англію во время войны.

Любопытно отмѣтить что феминистское движеніе на протяженіи всего періода его максимальнаго напряженія ни разу не было ясно и точно дефинировано. Оглядываясь назадъ, мы замѣчаемъ, что это движеніе отличалось очень большой сложностью. Казалось, будто бы все оно сконцентрировалось на вопросѣ о правѣ голоса, но никто не могъ толкомъ понять, почему женщины хотятъ этого права. Нѣкоторыя изъ феминистокъ доказывали, что онѣ требуютъ для себя избирательнаго права потому, что считаютъ себя равными мужчинѣ; другія, какъ разъ наоборотъ, обосновывали свое требованіе различіемъ между мужчиной и женщиной. Главный же и основной фактъ, въ которомъ не могло быть никакихъ сомнѣній, заключался въ наличности широкаго женскаго недовольства и мощнаго проявленія женской энергіи. Что было тому причиной?

Здѣсь необходимо принять во вниманіе два фактора статистическаго характера. Одинъ изъ нихъ— это постепенное пониженіе числа браковъ и соотвѣтственно съ этимъ возростающее число незамужнихъ женщинъ всѣхъ классовъ,—особенно же въ средѣ интеллигенціи,—ищущихъ заработка.

---

*) Извѣстный англійскій юмористическій журналъ.

Второй факторъ—это паденіе числа рожденій, уменьшеніе среднихъ размѣровъ семьи, увеличеніе количества безплодныхъ браковъ и вытекающее отсюда освобожденіе значительной доли энергіи у замужней женщины. Одновременно съ указанными фактами, въ томъ же направленіи дѣйствовали и многочисленныя экономическія усовершенствованія, облегчавшія веденія хозяйства, замѣна иглы швейной машиной, угольной топки и лампы газомъ и электричествомъ, употребленіе механической щетки вмѣсто ручной чистки ковровъ, передача печенія хлѣба изъ дома въ булочныя, а стирки бѣлья въ прачешную и т. д. Всѣ эти перемѣны освобождали женщину отъ доброй доли прежней работы и оставляли ей досугъ для размышленій. Заботы о дѣтяхъ также въ значительной мѣрѣ, отошли отъ матерей - ясли и школы взяли на себя обязанности воспитанія и выполняютъ ихъ не рѣдко лучше родителей.

На ряду съ освобожденіемъ отъ домашнихъ хлопотъ шло повышеніе уровня образованія, побуждавшее мысль и воображеніе останавливаться надъ болѣе серьезными вещами, чѣмъ иголка, если даже женщина и держала въ рукахъ иголку. Кромѣ того міръ богатѣлъ и при томъ богатѣлъ такимъ образомъ, что не только возростали досугъ и потребности, но одновременно также, въ силу усовершенствованія методовъ производства, въ цѣломъ рядѣ отраслей труда увеличивался спросъ на особенно ловкихъ и способныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ освобождалось громадное количество необученной и ненаходящей себѣ приложенія женской энергіи, въ то время, какъ цѣнность неквалифицированнаго труда во всѣхъ областяхъ жизни быстро понижалась. Предложеніе не соотвѣтствовало спросу. Таковы были глубокіе под-

почвенные процессы, вызвавшіе взрывъ феминистскаго движенія въ до-военную эпоху.

Разумѣется споръ между мужчиной и женщиной—вѣчный споръ. Его начало относится къ эпохѣ, когда мы ходили на четвереңькахъ; онъ имѣетъ свои стереотипныя обвиненія, свои стереотипные отвѣты. Кантерберійскимъ пилигриммамъ нечему учиться у миссисъ Кристобэль Панкёреръ. Въ этомъ поединкѣ мужчина и женщина борятся за господство: мужчина, во что бы то ни стало стремится покорить женщину, женщина сопротивляется и мститъ ему. Во всѣ вѣка раздавался голосъ, подобный Платону, признающій женщину человѣческимъ существомъ, но въ отвѣтъ ему всегда звучало: „да, но какое, глубоко отличное отъ насъ существо“. Тамъ гдѣ существуютъ различія,—равенство и добрыя отношенія очень трудны—свидѣтельствомъ тому можетъ служить исторія борьбы расъ,—полъ же является величайшимъ изъ человѣческихъ различій.

Въ процессѣ тысячелѣтней эволюціи люди мало по малу приходили къ признанію, что женщина есть тоже человѣкъ, имѣющій право какъ на независимую душу, такъ и на самостоятельный голосъ въ общественныхъ дѣлахъ. Чѣмъ бо̀льшую роль въ жизни народовъ начиналъ играть умственный трудъ и чѣмъ меньшую—грубая сила и свобода отъ дѣторожденія, чѣмъ больше мужчина нуждался въ женщинѣ какъ въ подругѣ, а не рабѣ, чѣмъ больше прогрессъ въ изготовленіи пищи и охрана дѣвушекъ отъ слишкомъ ранняго материнства приближало женщину къ мужчинѣ въ смыслѣ ловкости силы, предпріимчивости, тѣмъ быстрѣе освобождалась женская половина человѣчества отъ подчиненія и рабства другой половинѣ. По существу процессъ развитія былъ процессомъ

выравниванія. Лишь преувеличенно-искусственное сосредоточеніе вниманія на причинахъ послѣдняго въ обстановкѣ духовнаго и матерьяльнаго изобилія, характеризовавшаго минувшее полустолѣтіе, могли привести этотъ вѣковой процессъ къ кризису.

Въ вопросахъ пола всегда существовало два крайнихъ взгляда. Однѣ женщины желали, чтобы на нихъ смотрѣли прежде всего какъ на женщинъ,—другія, наоборотъ, раздражались и негодовали, когда къ нимъ относились прежде всего какъ къ женщинамъ. Всегда были женщины, которыхъ, подобно Жаннѣ д'Аркъ, привлекало стремленіе стать мужчиной; и всегда имѣлась школа „прелестныхъ созданій". Всегда были женщины, которыя желали раздѣлять мужской трудъ, и всегда были женшины, которыя желали вдохновлять мужчинъ,—женщины—товарищи и женщины—любовницы. Конечно женщины en masse стоятъ между обѣими крайностями. Тѣмъ не менѣе женскій вопросъ можно разсматривать, какъ конфликтъ между двумя рѣзко противоположными идеалами. Кромѣ того, разсмотрѣніе его въ данной плоскости позволяетъ ярче оттѣнить характеръ картины. Обыкновенная женщина колеблется между двумя началами: то она обращаетъ свой взоръ къ западному идеалу гражданскаго равенства, то къ восточному идеалу подчиненія. Борьба между этими идеалами происходитъ не только въ человѣческомъ обществѣ, но и въ жизни каждой отдѣльной женщины.

Читра въ комедіи Рабиндраната Тагора пробуетъ жить по тому и другому образцу. Самъ Тагоръ, подобно Платону, предпочитаетъ типъ Розаманды восточнымъ гуріямъ. И какъ мнѣ кажется, онъ правъ. Настоящая „эмансипація" заключается въ переходѣ отъ подчиненія активной стороны жен-

ской натуры отъ красоты, созданной для любви, къ идеалу сильной, закаленной женщины съ копьемъ въ рукахъ, любящей мужчину такъ же, какъ онъ ее любитъ, и такъ же, какъ и онъ, безполой въ часы труда. Впрочемъ не только *эта* энергія была освобождена въ теченіи минувшаго полустолѣтія. Былъ освобожденъ каждый родъ женской энергіи. Не однѣ лишь самостоятельныя, ищущія независимости женщины были недовольны. Почтенныя лэди, специализировавшіяся на граціи, женскихъ чарахъ и дамскихъ секретахъ, оказывались также неудовлетворенными. И тѣ и другія находили, что онѣ не играютъ должной роли въ жизни. Первыя жаловались на недостатокъ уваженія, вторыя на недостатокъ поклоненія. И оба голоса слились передъ войной въ одинъ громкій вопль въ литературѣ суффражистокъ. Обѣ тенденціи переплелись въ женскихъ умахъ и заставили ихъ задуматься. Право голоса сдѣлалось символомъ абсолютно противоположныхъ вещей; въ суффражистской литературѣ едва ли найдется хоть одинъ аргументъ, который нельзя было бы обернуть противъ него.

Сравните то, что пишетъ, напримѣръ, выдающаяся актриса, Цецилія Гамильтонъ съ устными и печатными выступленіями семьи Пэнкфэрстъ. Первая заявляетъ, что, если оставить въ сторонѣ предразсудки, женщина такой же правоспособный гражданинъ, какъ и мужчина, и отличается отъ него только поломъ; вторая, наоборотъ, утверждаетъ, что женщина обладаетъ какими-то особыми мистическими качествами, превосходящими качества мужчины, и что, передавъ власть женщинѣ, родъ людской пріобрѣтетъ спасеніе. Первая хочетъ устранить изъ большей части человѣческихъ дѣлъ вопросъ о полѣ; вторая, какъ говорили наши дѣды, желала-бы, чтобы „полъ“ управлялъ міромъ.

Или сравните мрачное кокетство Елизаветы Робинъ въ ея „Женскомъ Секретѣ“ съ мужественнымъ стилемъ одной изъ наиболѣе блестящихъ молодыхъ писательницъ—миссъ Ривекки Вестъ, такъ горько нападающей на женскую ограниченность въ первыхъ главахъ своего романа „Худшее паденіе міра“. Первая—проповѣдница экстравагантнаго полового мистицизма. Мужчина никогда не можетъ понять женщину, женщина всегда скрываетъ отъ мужчины какія-то глубокія и замѣчательныя чувства. Мужчина даже не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи. Можетъ быть, когда-нибудь...

. . . .

Писательница точно подглядываетъ изъ-за занавѣса и приглашаетъ мужчину поиграть съ ней впрятки въ темнотѣ гарема. Наоборотъ Ривекка Вестъ похожа на смѣлаго солдата, проклинающаго свой смѣшной, старомодный нарядъ. Это пылкій протестъ противъ принудительной элегантности и сексуальной спеціализаціи, которыя такъ сильно подрѣзаютъ женскую энергію, мѣшаютъ развитію женскаго искусства и литературы и, предохраняя женщину отъ риска опасности, лишаютъ ее возможности храброй и почетной смерти. Идеалъ Р. Вестъ—западъ, идеалъ миссъ Робинъ—востокъ. И тѣмъ не менѣе всѣ эти четыре писательницы не разъ встрѣчались на однѣхъ и тѣхъ же женскихъ собраніяхъ и одинаково пострадали во время различныхъ безпорядковъ и столкновеній, происходившихъ въ Лондонѣ. Только когда агитація семьи Панкерстъ, поддержанная замѣчательной книгой миссъ Робинъ „Куда вы идете?..“ приняла форму, угрожавшую вызвать серьезныя ограниченія свободы передвиженія для женщинъ и создать по отношенію къ нимъ атмосферу всеобщей враждебности и подозрительности, британское

феминистское движеніе обнаружило тенденцію къ размежеванію.

По этому поводу мнѣ вспоминается одна маленькая, но очень любопытная подробность: комитетъ суффражистокъ, устраивавшій большія демонстраціи, раскололся на вопросѣ о... костюмахъ участницъ процессіи. Было заявлено, что „мужской стиль“ костюма можетъ дискредитировать женское движеніе и участницамъ рекомендовалось нарядиться со всей возможной кокетливостью. Дѣйствительно, многія одѣлись съ такой роскошью, какую онѣ едва ли въ состояніи были себѣ позволить, и большинство изъ демонстрантокъ на пути къ свободѣ выступали такъ „по-женски“, какъ только могли...

Было бы не трудно открыть явные слѣды женской эмоціональности, франтовства, мистицизма и тщеславія въ англійскомъ феминистскомъ движеніи. Эти черты выступали повсюду, но онѣ были подобны пѣнѣ, поднимающейся надъ пучиной. Что было неизмѣримо важнѣе и что не было достаточно отмѣчено, это необыкновенное развитіе женской солидарности. Всѣмъ было извѣстно, что женщины нападали въ Вестминстерѣ на полисменовъ, но далеко не каждый зналъ, что во имя одной и той же цѣли, во имя одной и той же идеи, работали титулованныя женщины и простыя поденщицы, забывая различія ранга и положенія, работали съ необыкновеннымъ усердіемъ и энтузіазмомъ, игнорируя всѣ стоящія между ними соціальныя перегородки. Мы легко замѣчали безсмысленную шумиху движенія, но мы не обращали должнаго вниманія на огромный ростъ женскаго самосознанія. Тотъ фактъ, что небольшое число женщинъ путемъ примѣненія насилія старались сдѣлать невозможнымъ дарованіе имъ права го-

лоса, заслонялъ отъ насъ другой фактъ,—фактъ, что множество дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ перестали думать о „ловлѣ“ жениховъ, а стали серьезно искать въ жизни мѣста, равнаго мужчинѣ. Изъ-подъ грохота и пыли ежедневной борьбы выбились на свѣтъ Божій свѣжіе ростки дѣйствительности, крѣпкіе и здоровые. Мы знаемъ, что немногія женщины требовали права голоса, но мы плохо еще сознаемъ, что цѣлое поколѣніе женщинъ доросло до него.

Затѣмъ разразилась война, страшная катастрофа, открывшая намъ глаза на реальныя соотношенія вещей.

Непосредственнымъ результатомъ войны было исчезновеніе съ общественной арены суффражистокъ-милитантокъ. Самая шумная секція женскаго движенія бросилась съ криками негодованія спасать „военныхъ дѣтей“. „Мужчины“, эти ужасныя созданія, были расквартированы по всей странѣ. Изъ всѣхъ принциповъ, извѣстныхъ миссисъ и миссъ Пэнкхерстъ, вытекало, что теперь долженъ наступить періодъ усиленнаго появленія дѣтей. Тотчасъ же былъ объявленъ сборъ пожертвованій на ихъ воспитаніе и призрѣніе. Статистики и по сію пору съ недоумѣніемъ разыскиваютъ этихъ „военныхъ дѣтей“, процентъ незаконнорожденныхъ дѣтей фактически упалъ, и я не знаю, что стало съ фондомъ, открытымъ для ихъ поддержанія. „Суффражистка“ (органъ милитантокъ) была переименована въ „Британію“, оставила въ покоѣ „военныхъ дѣтей“ и послѣ нѣкоторой паузы спокойствія ударилась въ доносы и разоблаченія, объявляя то одного, то другого общественнаго дѣятеля предателемъ и нѣмецкимъ шпіономъ. Наконецъ, въ дѣлѣ сэра Эдуарда Грея она напечатала разоблаченія, которыя повели къ

закрытію „Британіи“. Послѣднее, что мнѣ извѣстно объ этой заблудшей вѣтви женскаго движенія— это періодическое появленіе маленькаго, скверно напечатаннаго, наполненнаго инсинуаціями противъ руководителей министерства иностранныхъ дѣлъ, листка, похожаго по тону и виду на доносъ, написанный со зла разсчитанной кухаркой. Повидимому, агрессивная секція феминистскаго движенія окончательно сошла со сцены, очистивъ дорогу процессу широкой, но безмолвной женской эмансипаціи.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что поведеніе громадной массы англійскихъ женщинъ во время войны превзошло самыя смѣлыя ожиданія и надежды. И, конечно, нельзя отрицать, что, несмотря на сенсаціонно-насильническую тактику крайняго крыла, феминистское движеніе сдѣлало очень многое въ смыслѣ развитія въ женщинахъ самосознанія, способности къ серьезному труду, готовности принимать на себя выполненіе отвѣтственныхъ функцій. И это не только въ такихъ отрасляхъ, какъ уходъ за больными, или занятіе благотворительностью—эти вещи дѣлались всегда и лежатъ въ самомъ характерѣ женской природы. Нѣтъ, женщины выказали себя съ лучшей стороны повсюду, какъ клэрки, служащія въ лавкахъ и на желѣзныхъ дорогахъ; шофферы, сельскія работницы, полицейскіе и т. д. Повсюду онѣ стояли выше предъявленныхъ къ нимъ требованій. Одинаково достойны изумленія ихъ работы на аммуниціонныхъ заводахъ, гдѣ онѣ съ поразительной ловкостью управляютъ тяжелыми и часто очень сложными механизмами, гдѣ на каждомъ шагу онѣ обнаруживаютъ рѣдкую изобрѣтательность, приспособляемость, бодрость духа и выносливость. Особенно замѣчательны и неожиданы способности,

проявляемыя ими въ области высшей механики.

Нѣтъ почти ни одной области труда, гдѣ бы женщина, разъ ей дана возможность работать, не завоевала бы себѣ всеобщаго признанія. Женщина совершенно революціонировала оцѣнку ея экономической роли, и едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что, когда военная сила союзниковъ сломитъ въ концѣ концовъ военную силу Германіи,— это будетъ результатомъ относительнаго превосходства нашихъ женщинъ, позволившаго противупоставить каждому мужчинѣ, занятому въ Эссенѣ, женщину въ... (цензура не позволяетъ мнѣ указать, гдѣ).

Эти женщины заслужили право голоса, и самыя крайнія проявленія бунтарства послѣ войны не помѣшаютъ имъ получить его. Работницы, которыя, стоя за изготовленіемъ взрывчатыхъ снарядовъ, смѣло смотрѣли въ лицо смерти и увѣчья— а пострадавшихъ среди нихъ имѣется немало— навсегда убили жалкій аргументъ, что женщина не можетъ вотировать, такъ какъ она не несетъ военной службы. Да и не только одинъ этотъ аргументъ! И въ то время, какъ наши женщины выполняютъ подобную работу, — образецъ женской добродѣтели стараго типа, чудо домашняго повиновенія, нѣмецкая Haus-frau, преданная Гретхенъ разбиваетъ лавки изъ-за недостатка масла. А германцы еще разсчитывали на суффражистское движеніе, какъ на силу, способную парализовать Англію во время войны!..

Впрочемъ, британская женщина обнаружила не только высокую степень интеллигентности и таланта, она побила также рекорды и въ чемъ-то иномъ: она оказалась способной пожертвовать даже модой. Масса англійскихъ женщинъ до сихъ поръ ходитъ въ костюмахъ 1914 г. Въ 1913 г. каждая

дѣвушка и каждая женщина старались слѣдовать модѣ. Теперь онѣ одѣваются небрежно, какъ дѣловые люди или молодые студенты. И, несмотря на это, онѣ ничего не потеряли въ привлекательности и несомнѣнно выиграли въ красотѣ. Современная мода дошла до абсурда. То здѣсь, то тамъ на фонѣ суровой суматохи военнаго Лондона вы замѣчаете изрѣдка одну изъ послѣднихъ представительницъ „вѣчно-женскаго“, проносящихся мимо съ видомъ чужестранки, съ видомъ преданности какому-то особому культу; на ней надѣты высокіе башмаки съ еще болѣе высокими каблуками; чтобы показать ножку, она носитъ короткую юбку съ особымъ подборомъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ какимъ-то секретамъ ея таліи; она носитъ маленькую потѣшную шляпу, надвинутую на самыя брови; въ ней есть что-то и отъ Коломбины и отъ пастушки Вато, и отъ куртизанки любой эпохи, только не современной. Ея лицо съ мелкими чертами, согласно страннымъ требованіямъ моды, блеститъ, какъ вычищенная ложка, а сбоку, около ушей вьются маленькія кудряшки на подобіе тѣхъ, которые носили полсотни лѣтъ тому назадъ мальчишки изъ мясной лавки. Но даже подобная женщина не рискуетъ продѣлывать всѣ эти фокусы только для себя. Съ ней рядомъ, какъ бы въ видѣ оправданія, всегда идетъ кто-нибудь „въ хаки“. Вы должны понимать, что вся эта декорація—для „него“ лишь затѣмъ, чтобы потѣшить его во время отпуска. Иногда случается, что „она“ уже не первой молодости, иногда „хаки“ достать трудно, и претензія, будто она одѣвается такъ не по своей волѣ — рушится. Этотъ типъ женщины доживаетъ свои послѣдніе дни.

Появленіе его на улицѣ не проходитъ безнаказанно. Простонародье, уличные мальчишки со-

чинили одинъ изъ тѣхъ афоризмовъ, которые производятъ впечатлѣніе обрывковъ старыхъ забытыхъ пѣсенъ:

„Она единственная дочь военнаго
подрядчика и проживаетъ то,
что онъ наживаетъ“...

или даже просто: „а проживаетъ то, что онъ наживаетъ“.

Ея появленіе не проходитъ безнаказанно, но сама она явленіе преходящее. Она напыщенно пересѣкаетъ арену, на которую подымается другая женщина, женщина Европейскаго Запада, — для „нея“ это послѣдній выходъ. Есть основаніе думать, что въ Европѣ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ установится „перемиріе“ въ области модъ, и лишь въ Америкѣ, можетъ быть, сохранятся нарядные фасоны и франтовство...

Я не думаю, чтобы создавшееся положеніе могло измѣниться по окончаніи войны, чтобы тѣ отрасли производства, которыя были закрыты до сихъ поръ для женщины, могли снова вернуться къ прежнему состоянію. Въ данной сферѣ и раньше, до войны наблюдался извѣстный прогрессъ, правда, очень медленный, но тѣмъ не менѣе не подлежащій сомнѣнію. Конечно, сейчасъ женщины приняты на работу только, какъ замѣстители, но онѣ оказались по качеству нисколько не ниже мужчины, и многія изъ нихъ зарабатываютъ тѣ же деньги. Гдѣ основанія ожидать, что по окончаніи войны женщины снова вернутся къ состоянію „избыточной энергіи“, въ которомъ онѣ пребывали раньше? Война лишь со стремительной быстротой осуществила то, къ чему міръ былъ готовъ уже давно. И міръ долженъ привыкнуть теперь къ расширенію сферы приложенія женскаго труда и

къ возрастанію числа гордыхъ и независимыхъ женщинъ.

Не малое значеніе въ дѣлѣ образованія этого класса женщинъ сыграетъ и тотъ фактъ, что, благодаря громадному количеству убитыхъ и увѣчныхъ мужчинъ, замужество станетъ теперь очень трудной задачей. Для женщины ближайшихъ десятилѣтій будетъ легче просуществовать независимо-экономически, чѣмъ выйти замужъ. Не надо также забывать, что въ наступающій періодъ возрастаніе цѣнъ будетъ по всѣмъ признакамъ предшествовать возрастанію заработной платы, а это, въ свою очередь, будетъ удерживать людей отъ обзаведенія семьей. Послѣднее обстоятельство будетъ третьимъ факторомъ, способствующимъ увеличенію числа „холостыхъ“ женщинъ.

Различные писатели, занимавшіеся проблемами будущаго и напуганные грядущимъ недостаткомъ мужчинъ, считаютъ возможнымъ возрожденіе полигаміи, какъ корректива къ создавшемуся положенію. Ихъ искренняя или притворная тревога не имѣетъ подъ собой достаточныхъ основаній; ихъ преслѣдуетъ кошмаръ Германіи, „легализирующей“ полигамію, и Берлина, превратившагося въ цѣляхъ увеличенія числа мужчинъ въ новые Содомъ и Гоморру. Я не думаю, однако, чтобы Германія, сдавленная экономическимъ кольцомъ, которымъ ее окружаютъ союзники, стремилась къ слишкомъ быстрому увеличенію населенія въ ближайшіе годы. Я не предвижу также особой возможности даже для людей богатыхъ классовъ содержать по нѣскольку женъ въ обѣднѣвшей и задолженной Европѣ грядущаго, какъ не предвижу, чтобы нашлось много женщинъ, готовыхъ предпочесть полигамическое существованіе перспективамъ самостоятельной и независимой жизни.

Естественное отвращеніе интеллигентной женщины къ полигаміи по меньшей мѣрѣ столь же сильно, какъ и отвращеніе мужчины къ поліандріи. Полигамія, скрытая или явная, процвѣтаетъ лишь тамъ, гдѣ женщинъ можно купить. Кромѣ того, религія и обычай представляютъ собой очень крупное препятствіе для введенія полигаміи даже въ Германіи! Подобный шагъ могъ бы послужить поводомъ къ разрыву между Ватиканомъ и Германіей. Съ другой стороны, однако, на противоположную чашку вѣсовъ значительной тяжестью ложится несравненно бо́льшая зависимость нѣмецкой женщины по сравненію съ женщинами иныхъ націй, бо́льшая склонность ея къ примиренію съ рабствомъ. Я не думаю всё-таки, чтобы эта тяжесть перетянула вѣсы въ пользу введенія полигаміи.

Нѣтъ, въ полигамію я не вѣрю, наоборотъ, мнѣ кажется нетрудно было бы доказать, что въ ближайшемъ будущемъ даже число моногамистовъ должно будетъ сократиться. Романтическое возбужденіе, вызванное войной, временно повысило цифры браковъ въ Великобританіи, но передъ войной процентъ браковъ, хотя и медленно, но систематически понижался. Брачный же возрастъ также систематически повышался. Вполнѣ возможно, что теперь этотъ процессъ снова вступитъ въ свои права, и, по мѣрѣ подростанія новаго поколѣнія и прогрессирующаго возстановленія равновѣсія между полами, даже пойдетъ еще болѣе ускореннымъ темпомъ.

Какъ видимъ, классъ экономически независимыхъ „холостыхъ“ женщинъ обѣщаетъ постоянно и систематически увеличиваться. Весьма вѣроятно, что онъ получитъ подкрѣпленіе изъ рядовъ вдовъ погибшихъ воиновъ, которымъ не удастся выйти вторично замужъ. Въ какомъ же направленіи пой-

детъ развитіе этой массы способныхъ, интеллигентныхъ, энергичныхъ, безхозяйственныхъ женщинъ, какое вліяніе онѣ окажутъ на соціальный укладъ жизни и въ особенности на условія существованія своихъ замужнихъ сестеръ? Ибо, какъ мы выше указывали, освобожденіе женской энергіи, съ чѣмъ такъ тѣсно связанъ женскій вопросъ, происходитъ двоякимъ путемъ: съ одной стороны, путемъ увеличенія числа „холостыхъ“ женщинъ въ силу несоотвѣтствія численности половъ или повышенія брачнаго возраста, съ другой стороны—путемъ сокращенія труда, ложащагося на плечи замужнихъ женщинъ. Съ интересующей насъ точки зрѣнія нынѣшняя замужняя женщина не есть „конченная“ женщина, какъ это было раньше. Не все ея время принадлежитъ семьѣ, у нея остается досугъ, и вопросъ объ использованіи этого досуга превращается для нея въ серьезную проблему.

Вліяніе новой свободной женщины на общую соціальную атмосферу, на сколько я могу судить, будетъ благотворно-освобождающимъ въ однихъ отношеніяхъ и укрѣпляющимъ въ другихъ. Женщина новаго типа захочетъ свободно выходить на улицу безъ эскарта, свободно путешествовать, останавливаться въ отеляхъ, посѣщать рестораны и т. п. Какъ показалъ опытъ минувшаго десятилѣтія, у женщины есть два пути къ самостоятельности. Ничто такъ хорошо не обнаруживало двойственной натуры суффражистскаго движенія, какъ разница въ поведеніи женщины на лондонскихъ улицахъ того періода. Передъ вами проходитъ аккуратно и чисто одѣтая женщина, съ озабоченнымъ и дѣловымъ видомъ спѣшащая на работу. Ея желаніе—слиться возможно болѣе полно и незамѣтно съ дѣловымъ потокомъ, быть на сколько возможно „человѣкомъ въ человѣческомъ

мірѣ“. Съ такой женщиной мужчина можетъ говорить, какъ съ равной, можетъ спокойно спросить у нея дорогу и получить такой же спокойный отвѣтъ, не будучи заподозрѣннымъ въ назойливомъ приставаніи къ деликатному существу другого пола.

И рядомъ съ ней вы могли встрѣтить молодую женщину совсѣмъ иного типа, женщину, вышедшую на улицу съ видомъ потерянной драгоцѣнности. Она одѣта съ женской привлекательностью, ея полъ—это ея знамя, ея вызовъ. Ея умъ вполнѣ подготовленъ литературой семьи Панкёрстъ къ возможности оскорбленія. И каждый взглядъ мужчины, привлеченный къ ней ея собственной экстравагантностью, она разсматриваетъ какъ оскорбленіе. Для нея жизнь—гаремъ, а смущенный мужчина никакъ не могъ понять, что это передъ нимъ: демонстрація или шутка. Мотивы, приведшіе ее на путь женской эмансипаціи, были, вѣроятно, въ достаточной степени сложны и запутаны, но среди нихъ тщеславіе играло, конечно, далеко не послѣднюю роль. Несомнѣнно, однако, что этотъ крайній типъ постепенно вымираетъ. Новая женщина будетъ серьезнымъ и дѣловымъ существомъ, она будетъ скромно, но со вкусомъ одѣта, и вліяніе ея спокойнаго и полнаго достоинства поведенія будетъ невольно сказываться на всѣхъ встрѣчающихся съ ней мужчинахъ. И тѣмъ же путемъ скромнаго костюма и простого и сдержаннаго обращенія, которыми будетъ отличаться свободная женщина, и замужняя женщина придетъ къ своей эмансипаціи.

Я не думаю, чтобы среди женщинъ одного и того же соціальнаго положенія и одинаковаго воспитанія могли рука объ руку существовать совершенно различныя школы модъ, манеръ и по-

веденія, вытекающія изъ различныхъ взглядовъ на жизнь. Я не думаю также, чтобы мужчина могъ выучиться различать между отдѣльными типами женщинъ, съ которыми онъ встрѣчается, и обращаться съ одной откровенно и дружески, а съ другой—благоговѣйно и страстно, въ духѣ старой романтической галантности. Женщины промежуточнаго типа,—а онѣ будутъ составлять главную массу—еще болѣе усложнятъ проблему. Этотъ конфликтъ между идеаломъ женщины-гражданки и женщины-прелестницы, конфликтъ, который такъ ярко обрисовался въ англійскомъ феминистскомъ движеніи передъ войной, вѣроятно, снова обнаружится, но его конечный исходъ для меня не подлежитъ сомнѣнію. Начало общечеловѣческое восторжествуетъ надъ началомъ половымъ. Борьба будетъ острая, продолжительная и упорная, но съ теченіемъ времени серьезный типъ, я увѣренъ, выиграетъ сраженіе. Простое, хорошо сшитое платье вытѣснитъ ленты и декольтэ.

Война ускоряетъ освобожденіе женщины отъ сексуальной спеціализаціи во всѣхъ направленіяхъ. Она облегчаетъ ея экономическую эмансипацію. Она расчищаетъ дорогу типамъ, которые неизбѣжно должны будутъ уничтожать, съ одной стороны, „атмосферу галантности“, служащую такой преградой для установленія искренней дружбы между людьми разныхъ половъ, съ другой—атмосферу враждебнаго недовѣрія, свившую себѣ такое прочное гнѣздо въ умахъ столь многихъ суффражистокъ. Война также задерживаетъ бѣшеную скачку модъ и упрощаетъ манеры.

Въ указанномъ направленіи дѣйствуетъ и другое обстоятельство. Паденіе процента рожденій, ставшее отличительной чертой соціальнаго развитія всѣхъ современныхъ государствъ, сдѣлалось

еще болѣе замѣтнымъ съ тѣхъ поръ, какъ война наложила свою руку на домашній комфортъ. Въ Германіи ведется усиленная агитація за то, чтобы остановить это паденіе. Германскихъ матерей убѣждаютъ позаботиться о томъ, чтобы кронпринцъ 1930 или 1940 г.г. не остался безъ достаточнаго матерьяла для какого-нибудь новаго Вердена. Будетъ ли, однако, эта агитація имѣть успѣхъ—не знаю. Война повсюду означаетъ экономическое разореніе; подъ знакомъ его будетъ стоять весь наступающій періодъ, а это, при современномъ положеніи вещей, въ свою очередь, означаетъ сокращеніе количества дѣтей. Семья, небольшая теперь, станетъ еще меньше. Бракъ, быть можетъ, столь же священный съ точки зрѣнія чувства, какъ и раньше, сдѣлается болѣе легкимъ.

Когда-то вся карьера женщины заключалась въ бракѣ. Домашнія заботы, дюжина дѣтей,—и все было кончено. Весь романъ ея жизни находилъ свой финалъ въ бракѣ; правда, этимъ же исчерпывался и романъ мужчины. Она производила, онъ работалъ и, когда супругамъ удавалось воспитать нѣсколькихъ изъ своихъ дѣтей, схоронивши другихъ, и еще лучше—благословить своихъ первыхъ внуковъ,—жизнь была кончена.

Въ наши дни замужество, какъ и женитьба стали инцидентомъ въ біографіи и мужчины, и женщины. Теперь не существуетъ такой нужды, какъ прежде, въ домашнемъ хозяйствѣ нѣтъ старыхъ прочныхъ и неразрывныхъ узъ; замужняя женщина остается до извѣстной степени свободной женщиной и общается съ свободными женщинами. Все больше усиливается стремленіе собирать дѣтей въ группы и поручать заботу о нихъ спеціально подготовленнымъ для того лицамъ. Эта тенденція въ будущемъ, вѣроятно, окрѣпнетъ, ибо возмож-

ность хорошаго заработка для молодыхъ женщинъ будетъ побуждать ихъ отдавать своихъ дѣтей на попеченіе воспитательницъ. Контингентъ же послѣднихъ, въ силу обилія вдовъ и трудности замужества, будетъ болѣе, чѣмъ достаточенъ. Глупыя женщины, вѣроятно, используютъ свое освобожденіе для мало почетныхъ цѣлей, но здравый разсудокъ женщинъ новаго типа поможетъ мужчинамъ понять всю нелѣпость длительнаго флирта и кокетства, когда съ человѣка совершенно достаточно настоящей любви.

Экономическое обѣднѣніе націи, съ своей стороны, будетъ препятствовать излишнему развитію легкомыслія. Слабому и вѣтренному полу будетъ совершенно ясно и недвусмысленно указано на недопустимость прежнихъ навыковъ и обычаевъ. Шуршаніе юбокъ, тайны женскаго туалета будутъ привлекать развѣ лишь очень юныхъ мужчинъ. Бракъ, лишенный узъ матерьяльной необходимости, потребуетъ тѣснаго товарищества и духовнаго единства, какъ своего оправданія. Бракъ, не превратившійся въ крѣпкій союзъ личной дружбы между двумя равными существами, будетъ все больше разсматриваться, какъ бракъ неудачный.

Я не касаюсь вопроса о томъ, желательны или нежелательны всѣ эти намѣчающіяся явленія. Я просто дѣлаю попытку опредѣлить направленіе и тенденціи развитія, поскольку онѣ обнаружены войной. Судя по многимъ признакамъ, въ бракѣ грядущаго „положеніе" будетъ играть все меньшую роль, личная привязанность все большую. Бракъ все меньше будетъ становиться дѣломъ публичнымъ и все больше дѣломъ частнымъ и интимнымъ. Женатые люди будутъ оставаться болѣе самостоятельными и независимыми, чѣмъ нынѣ.

Сущностью брака станетъ любовь и привязанность, а не „домъ“.

Изъ этого вытекаютъ нѣкоторыя логическія заключенія. Первое изъ нихъ это то, что различіе между замужней и незамужней женщиной будетъ постепенно стираться. А это, въ свою очередь, усилитъ давно уже наблюдающуюся въ современномъ обществѣ тенденцію къ облегченію положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. Бракъ, въ которомъ личныя достоинства и симпатіи будутъ составлять сущность, будетъ легче доступенъ разводу, чѣмъ старый союзъ, покоящійся на кухнѣ, спальнѣ и отсутствіи всякой заботы о воспитаніи и обезпеченіи дѣтей внѣ предѣловъ родительскаго дома. Бракъ станетъ не только легче самъ по себѣ, но и легче будетъ расторгаться.

Суммируя все сказанное выше, мы приходимъ къ выводу, что нынѣшняя война вѣроятнѣе всего не задержитъ, а, наоборотъ, ускоритъ общее развитіе основныхъ историческихъ тенденцій и въ близкомъ будущемъ приведетъ насъ къ такому положенію вещей, при которомъ женщина окажется гораздо болѣе свободной отъ условностей своего прежняго существованія, гораздо болѣе независимой и равной мужчинѣ, чѣмъ когда бы то ни было до сихъ поръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Издательство и книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., д. 11, тел. 648-62.

Отдѣленіе въ Москвѣ: Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33.

НОВЫЯ КНИГИ:

МАРКСИЗМЪ И ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА. Сборникъ статей В. Майскаго, Энзиса и Velox'а. Ц. 85 к.

Мартыновъ А. **МЕЖДУНАРОДНОСТЬ НА ЗАПАДѢ И НА ВОСТОКѢ.** Ц. 55 к.

Лурье М. **БОРЬБА ЗА ПИЩУ.** Государственно-коммунальная организація продовольствія въ Германіи. Ц. 1 р.

Лурье М. **ПИСЬМА О ГЕРМАНІИ.** Рабочіе эпохи войны. Ц. 90 к.

Ник. Сухановъ. **ПОЧЕМУ МЫ ВОЮЕМЪ.** (конфиск.). Ц. 80 к.

А. Потресовъ. **ИНТЕРНАЦІОНАЛИЗМЪ И КОСМОПОЛИТИЗМЪ.** Ц. 85 к.

В. Ежовъ. **РАБОЧАЯ КООПЕРАЦІЯ И ЕЯ ЗАДАЧИ.** Ц. 45 к.

В. Базаровъ. **О ВОЙНѢ.** Ц. 80 к.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Каталоги безплатно.

Издательство и книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., д. 11, тел. 648-62.

Отдѣленіе въ Москвѣ: Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33.

НОВЫЯ КНИГИ:

КНИГА. Сборникъ первый.
Содержаніе: А. Соболь—Закопъ. Ив. Новиковъ—Время просѣиваетъ. Алексѣй Окуловъ—Золотые огни. В. Шишковъ—Стуколка.
Цѣна 2 р. 50 к.

Вл. Войтинскій. ВЪ ТАЙГѢ.
По Сибири. Ц. 1 р. 75 к.

Влад. Беренштамъ. ВЪ ОГНѢ ЗАЩИТЫ.
Изъ впечатлѣній политическаго защитника.
Изд. второе. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Ласковая. МУТЬ.
Разсказы. Ц. 1 р. 75 к.

О. Миртовъ. ХИЩНИЦА.
Драма. Ц. 1 р. 75 к.

Л. Мартовъ. ДЕМОКРАТІЯ И ВОЙНА.
Ц. 60 к.

А. Ерманскій. МАРКСИСТЫ НА РАСПУТЬИ.
Изд. II. Ц. 75 к.

В. Тотоміанцъ. ЕВРОПА ПОСЛѢ ВОЙНЫ.
Ц. 90 к.

Г. Уэллсъ. ГРЯДУЩЕЕ.
Ц. 1 р. 40 к.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.
Каталоги безплатно.

